

КОНДРАТЬЕВЩИНА

(СБОРНИК)

Доклад В. П. Милютина

Выступления.

*С. Г. Ужанского, А. С. Бондаренко, И. Д. Лаптева,
Я. П. Никулихина, Я. К. Берзтыса, М. В. Сулковского,
В. С. Муллина, Д. П. Давыдова, П. И. Пинчука*

26—50 тысяча,

1 9 3 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

ОТ АГРАРНОГО ИНСТИТУТА

Настоящий сборник представляет собою доклад т. Милютина «О контрреволюционном вредительстве в сельском хозяйстве» и выступления по этому докладу, организованному Аграрным институтом Комкадемии для партийных и научных работников 1 октября 1930 г. Часть товарищей, не успевшая выступить по докладу, представила свои выступления в письменном виде.

Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве

Доклад В. П. Милютина

Раскрытие контрреволюционной организации, возглавлявшейся Кондратьевым, Чайновым, Громаном, Сухановым, Макаровым, Дояренко и некоторыми другими, является показателем того, что остатки элементов мелкобуржуазных партий в современный ответственный и напряженный момент социалистического строительства делают попытки буржуазно-помещичьей реставрации. В этой организации объединились остатки эсеров, меньшевиков, кадетов. Эти элементы, будучи в своей основе как партия разбиты и вытолкнуты Октябрьской революцией, делают новые попытки организовать в политическую партию, производят смехотворную попытку образовать «правительство». Крайне характерно между прочим для всяких буржуазных и мелкобуржуазных политиков, что прежде всего они заботятся о местечке для себя, о министерском портфеле. Это мы видели на примерах предыдущих контрреволюционных организаций, которые были раскрыты за последние годы, и в этом отношении никакого исключения не составили и эти мелкобуржуазные политики, которые в первую очередь позаботились о распределении будущих министерских портфелей.

Социальные корни этой группы контрреволюционных деятелей несомненно заключались в остатках тех капиталистических элементов, которые имеются в стране в виде кулацкой части деревни и в виде тех остатков буржуазных элементов, которые имелись у нас в городе. Программа, которая имела у этой группировки, ничем по существу не отличается от программ, которые имелись у всех прошлых контрреволюционных группировок. Их программа заключается в восстановлении буржуазно-демократической республики. Это означает фактически свержение диктатуры пролетариата и свержение советской власти. В разрезах сельского хозяй-

ства, в разрезах промышленности, в разрезах торговли они становились на путь частнокапиталистических отношений.

Но конечно даже наши принципиальные враги не могут так легко поворачивать на путь капитализма, не прикрываясь, не маскируясь на словах, не признавая тех завоеваний, которые были сделаны в результате Октябрьской революции. Ведь вы знаете, что даже такой совершенно юмористический тип, как Кирилл, и тот в своем манифесте, который он выпустил, апеллировал к тому, что он признает советы, но с монархом во главе. Эти люди тоже признавали национализацию земли, признавали и некоторые завоевания Октябрьской революции, от которых так легко не откажешься, но вместе с этим они признавали буржуазно-демократическую форму правления. Ясно, что эти признания являлись лишь прикрытием реставрации буржуазных отношений. Поэтому неудивительно, что в области промышленности они держали курс на заграничный капитал, неудивительно, что они в своей политике в деревне выдвинули принцип индивидуального крестьянского хозяйства и принцип зажиточного крепкого трудового крестьянского хозяйства. Неудивительно, что они выставляли в своей программе политику «возвращения к нэпу», по существу под политикой нэпа в старой форме подразумевая лишь свободную торговлю. И неудивительно (Кондратьев между прочим осмелился об этом открыто писать), что они высказывались против национализации внешней торговли, против монополии, потому что здесь лежал главный стык с иностранным капиталом, что были возделенные надежды, которые до сих пор питает капитал Англии, Франции и других капиталистических стран, желающий иметь СССР с открытыми дверями для захвата его, для подчинения своему влиянию, для сведения СССР только к рынку, к каковой роли они свели например Китай, к каковой роли они свели целый ряд полуколониальных стран. По существу в этом направлении шла программа и буржуазных реставраторов—к открытию дверей иностранному капитализму, к превращению СССР в свободный рынок для иностранного капитала. Ясно, что здесь были расчеты и политические: при том экономическом кризисе, которым сейчас захвачены все страны, подобный лозунг являлся крайне популярным для капитализма.

Такова в общих чертах контрреволюционная программа этой группы. Но в смысле методов борьбы за эту программу эти остатки прошлого—оставшиеся у нас эсеры, меньшевики и кадеты, перекрасившиеся в советских деятелей, перекрасившиеся в советских специалистов—несомненно внесли свое оригинальное по части провокатор-

ских и предательских методов борьбы за проведение этой программы.

Эти агенты мирового капитализма у нас внутри, агенты внутренней буржуазии, иабирали особые способы борьбы. Они занимали ответственные посты, целый ряд из них занимал крайне ответственные должности в наших центральных правительственных учреждениях. Громан был членом президиума Госплана, Кондратьев долгое время играл крупную роль в Наркомфине и Наркомземе, долгое время Суханов был на ответственной работе в Наркомторге и Наркомземе, Макаров занимал в Наркомземе, ответственную должность Садырин был членом ЦИК, Юровский в Наркомфине играл выдающуюся роль, был членом коллегии Наркомфина,—так что эти люди занимали целый ряд ответственных постов у нас в СССР.

На словах они зачастую высказывались за социалистическое строительство. В своих последних выступлениях Чаянов, Кондратьев, Литошенко и т. д. заявляли, расписывались в том, что они за социалистическое строительство. Многие из них заявляли, что они признают свои ошибки. Челинцев заявлял, что неонародническая теория являлась реакционной теорией. Если, с одной стороны, у них была насквозь сыскотная, мелкобуржуазная колеблющаяся теория, то, с другой—была маскировка, прикрытие, под флагом которого люди старались отстаивать свои тепленькие местечки в советском строе и иметь возможность влияния. Это сейчас не подлежит ни малейшему сомнению, и в этом отношении этот метод несомненно являлся прямым методом вредительства, который применялся и вредителями из инженерной среды, вредителями, с которыми мы сталкивались в других областях нашей народнохозяйственной жизни. Если вредители в области промышленности портили нам машины, составляли нам такие технические расчеты, которые должны были вести к растрате сырья, топлива, материала и т. п., то эти вредители—экономисты, сельскохозяйственники—стремились внести дезорганизацию в наше планирование. Совершенно не случайно период активизации этого вредительства совпадает по существу с окончанием восстановительного периода народного хозяйства, т. е. с 1925/26 г., и с переходом к реконструкции народного хозяйства, т. е., иначе говоря, к реконструкции, которая подводит нас к социалистическим формам народного хозяйства не только в городе, но и в деревне.

Наступление на социалистическом фронте вызывает сопротивление не только кулака, которого мы ликвидируем, но и квалифицированных вредителей, идеологов вредительства в виде остатков эсеров, меньшевиков, кадетов и т. д.—Кондратьевых, Макаровых, Чаяновых и других.

Эта активизация совпадает с той активизацией, которую мы наблюдаем и в мировом масштабе со стороны капиталистов. Со стороны буржуазного мира мы слышим крики о так называемом советском «демпинге». Если мы имели Детердинга, кричавшего относительно нашей нефти, если потом мы слышали шведского короля лесопромышленности, кричавшего против нашего лесного экспорта, то сейчас мы имеем уже ряд выступлений во Франции, Англии и т. д. против нашей внешней торговли. Конечно эти крики, с одной стороны, растут в силу того мирового кризиса капитализма, который переживают все капиталистические страны, с другой стороны, эти крики прикрывают ту подготовку к нападению на СССР, которая сейчас ведется в других странах, с третьей — они характеризуют экономическую борьбу за открытые двери в СССР, к которым капитализм стремился. И по этому стыку активизация капиталистов смыкается с тем вредительством, которое мы имеем здесь.

Именно реконструкция народного хозяйства СССР, индустриализация, успехи индустриализации, превращение СССР из аграрной страны в промышленно-аграрную страну, большая свобода от капиталистических стран, которую мы получаем в ряде отраслей и промышленности и сельского хозяйства в смысле производства машин, в смысле возникновения целого ряда новых отраслей промышленности, именно эта политика, которая превращает нас в страну социализма, осуществления социализма, противопоставляя успехи социалистического строительства, достижения, которые мы имеем в этой области, положению, которое имеется в этой области в капиталистическом строе, — кризису, который там развертывается, вызывает обострение борьбы, выпады против СССР, подготовку к нападению, которую ведут наши противники.

Таким образом именно в период реконструкции народного хозяйства, когда нам приходится ломать старые формы в деревне и в городе, строить новые гигантские предприятия, превращать страну в промышленную страну, когда нам приходится в корне изменять установившиеся отношения в деревне, ликвидировать кулачество как класс, проводить сплошную коллективизацию, именно в этот напряженнейший период выявилась контрреволюционная работа в самых безобразных, гнусных формах, какие только можно придумать.

Методы, которые применялись ими, были методами прежде всего дезорганизации народного хозяйства. Как люди образованные, знающие, опытные, ловкие люди, они направляли свою линию, свою политику таким образом, чтобы больше ударить по наиболее узким, по наиболее

чувствительным местам. Для нас улучшение положения рабочего класса и крестьянства является одной из важнейших областей, о которой мы заботимся, причем улучшение положения рабочего класса и крестьянства нам приходится проводить при архисложных условиях, когда основную массу средств и сил мы должны сейчас затрачивать на технику, складывать в основной капитал, когда приходится вести строительство, подтянув животы. И вот сейчас, когда каждый, буквально, грамм мяса и масла дорог нам, когда всякие планы хлебозаготовок и хлебоснабжения имеют чрезвычайно важное значение, когда проблемы экспорта и импорта имеют чрезвычайно важное значение,—дезорганизация в этих областях направляется на ухудшение положения рабочих, на ухудшение положения крестьянства.

С другой стороны, когда нам приходится во внешнем мире бороться за наше положение, когда буржуазная печать, если у нас плохо, кричит, что у нас крах, и благодаря этому подрывает наши кредиты, а если он видит что мы побеждаем в деле осуществления пятилетки, она кричит, что экспорт из СССР снижает нашу промышленность, порождает безработицу среди наших рабочих и т. д., то в этих условиях соответствующие информационные данные имеют огромное значение. И вот деятельность кондратьевского института, деятельность Юровского, Кондратьева и К° во внешнем мире была направлена к тому, чтобы опубликовывать заведомо неверные сведения об СССР, которые фактически вели к подрыву наших кредитов за границей, потому что она в извращенном виде представляла наше положение. Конъюнктурный институт Наркомфина был по существу органом кондратьевщины, непосредственно связанным с зарубежными буржуазными институтами, которые он информировал подробнейшим образом о положении дел в СССР. Бюллетени этого института цитировались во всех буржуазных экономических органах как достоверные данные об СССР.

Этот институт, рассказированный примерно года два тому назад, информировал буржуазную печать, информировал буржуазные круги об экономическом положении в СССР в тонах, которые должны были бы характеризовать не подъем нашего хозяйства, а падение его. Ясно, что такая информация затрудняла нам получение кредитов, затрудняла нашу внешнюю торговлю, такая информация была нужна буржуазным деятелям. Наряду с этой открытой буржуазной информацией существовала неофициальная информация о нашем положении, ведшаяся в том же направлении—в направлении подрыва нашего положения. Эта информация с особым конечно удовольствием перепечатывалась в белогвардейской прессе.

С другой стороны, здесь, внутри, люди, занимая ответственные положения как специалисты, составляли заведомо неверные планы. Должен сказать, что одна из заслуг Аграрного института Комакадемии заключается в том, что мы были одними из первых, кто выступил не только против теории кондратьевщины, но и вредительской практики планирования. Еще в 1925 г. в первых же номерах журн. «На аграрном фронте» мы раскрыли значение кондратьевщины, которая и вводит в заблуждение советскую власть и портит наши планы. В статьях ряда наших работников, особенно т. Крицмана, раскрывалась эта политика подтасовывания цифр, которую вели Кондратьев, Огановский и т. п. деятели тогдашнего Земплана Наркомзема и которая особенно проявилась в трудах Земплана. Не забудьте, что это был конец восстановительного периода и начало периода реконструкции сельского хозяйства. И вот в этот период в официальных таблицах систематически нарушались не только правила расчёта под экономическим углом зрения, но врано нарушались правила арифметики и давались заведомо пониженные цифры.

К сожалению нужно сказать, что не все коммунисты, которые работали с Кондратьевым и К^о, понимали ту роль, которую играют подобного рода специалисты. Еще в 1925 г., т. е. в период—как теперь по всем данным ясно—начала активизации контрреволюционных группировок, создания партии Кондратьева, именно в этот период некоторые коммунисты, например т. Теодорович, нашли возможным сказать о Кондратьеве, что он стоит вне каких-либо упреков в недобросовестном отношении к делу.

Перспективный план Земплана создает условия, препятствующие росту коллективизации. Те конъюнктурные обзоры, которые составлялись обычно Громаном и от имени Госплана докладывались сплошь и рядом в правительстве, несомненно были фальсифицированными. Громан на протяжении целого ряда лет настаивал на срыве нашего хозяйства препятствующие росту коллективизации. Те конъюнктурные гов. Проблема импорта с.-х. продуктов—это не простая проблема, это проблема—когда мы говорим о наших ресурсах: что импортировать и что экспортировать—индустриализации страны, это проблема борьбы за нашу промышленность. И вполне ясно, что в осуществлении своей программы—ставки на аграризацию страны—эти люди определенно старались проводить свою линию сужения промышленного импорта, сужения импорта машин, и наоборот—стояли за импорт продуктов продовольствия, хлеба и т. д. В эту сторону била кондратьевщина и громановщина,—на импорт с.-х. продуктов,

за свертывание тем самым импорта машин, средств производства, которые необходимы для реконструкции нашей промышленности. И тут был новый стык этих вредителей с мировым капиталом.

Особое внимание нужно остановить на планировании. Проблема планирования—это проблема внесения организованности в выполнение задач социалистического строительства, в противовес анархичности капиталистического ведения хозяйства.

И вот в бывшем органе Наркомзема «Пути сельского хозяйства» в 1927 г. мы имеем работу Кондратьева—передовую статью, напечатанную в то время в дискуссионном порядке, и статьи Макарова, Челинцева о «плане и предвидении». Должен сказать, что эти статьи являются центральными статьями, которые характеризуют мировоззрение этой группы и которые для всякого человека, прочитавшего их по существу, вскрывают в этих как-будто «теоретических» положениях всю установку кондратьевщины, которая затем раскрывается в форме политической программы контрреволюционной партии, возглавляемой Кондратьевым, в форме тех практических предложений, которые проводили всюду вредители в отдельных учреждениях. Здесь в теоретической форме поставлены именно эти задачи. Конечно и здесь проведена маскировка, потому что первая глава говорит именно о внедрении плановых начал в наше хозяйство. Кондратьев говорит: «Когда мы говорим о планомерном развитии народного хозяйства, то понимаем под этим такое развитие его, которое соответствует определенным задачам поставленным руководящими органами экономической политики»¹.

Вот основное исходное положение, которым начинает Кондратьев проблему планирования народного хозяйства. Но дальше по всем правилам искусства начинаются критика нашей методологии, планирования, и противопоставление методов капиталистического планирования, которое проводится в условиях частного капитализма, в частности в США. В заключение дается вывод: в каком направлении мы должны изменять методологию нашего планового хозяйства? В сторону капиталистических методов планирования. Таким образом мы видим очень четкое построение: внешнее признание принципов планирования народного хозяйства, критика этих принципов якобы с деловой точки зрения, в смысле несоответствия их действительности, и наконец—противопоста-

---

¹ «Пути сельского хозяйства» № 2, 1927

вление более «реального» планирования, капиталистического планирования, и синтез из этого—в каком направлении должно развиваться наше планирование.

Повторяю: прочтем ли мы программу той контрреволюционной организации, которую возглавлял Кондратьев, или эту кондратьевскую статью, мы увидим полное отражение этой политики.

Я только для иллюстрации приведу несколько цитат. Он пишет, во-первых, что признает необходимость внедрения плановых начал в народное хозяйство; во-вторых,—«при этих условиях конечно можно построить те или иные перспективы развития промышленности без учета объективной обстановки. Можно нарисовать очень заманчивые перспективы. Но где гарантия, что эти перспективы будут осуществлены? Где гарантия, что мы на самом деле, в действительности, найдем средства для их осуществления? Где гарантия, что наши планы окажутся не простыми воздушными замками, а действительно реальными планами? Совершенно очевидно, что они окажутся реальными планами лишь в том случае, если перспективы развития промышленности будут построены также с учетом объективной действительности, если они будут построены с учетом тенденций рынка, возможностей снабжения промышленности сырьем, рабочей силой, оборотными средствами, техническим оборудованием и т. д.»

Вот первый подступ к критике. И затем, переходя к планам, он берет уже Госплан и пишет, что все эти планы, расчеты на 1925/26 г., оказались недействительными. В то время как мы заканчивали восстановительный период, конечно имелись ошибки в нашем планировании, но речь здесь идет не об отдельных ошибках, ибо вот как он представляет дело: «Госплан пытался предсказать конкретный уровень цен в течение 1925/26 года по месяцам и в целом за год. Действительность не только не оправдала предсказаний Госплана, но наоборот избрала даже совершенно другое направление в движении цен». «Могут сказать, что предположения контрольных цифр были рассчитаны на определенную систему мероприятий экономической политики, которые не были осуществлены. Но, во-первых, неизвестно, оправдалось ли бы сделанное передвижение даже и при осуществлении этой системы мероприятий. Во-вторых,—и принципиально это самое главное—раз известная система мероприятий предполагалась, а потом не осуществилась, значит предположения по поводу ее были нереальны, значит прогноз вероятного направления мероприятий был ошибочен. Зна-

чит и в целом прогноз в этой форме, в какой он был сделан, оказался не под силу. Но именно это мы и хотели доказать».

Таким образом, анализируя контрольные цифры в этом участке, он приходит к выводу, что в целом прогноз в той форме, в какой он был сделан, оказался не под силу. В данном случае весь прогноз в целом, все контрольные цифры на том основании, что на известных участках были прорывы, он анализирует как таковые и доказывает, что в целом они оказались неосуществимыми. Вы знаете, что в целом прогноз 1925/26 г. оказался осуществленным. Этот год был переломом, переходом к реконструкции. После восстановительных годов было некоторое снижение, известное—вполне естественное—снижение в области нарастания валовой продукции. На этом основании троцкисты стали вопить о том, что у нас кризис и что будет затухающая кривая, а правые уклонисты начали проповедывать деградацию сельского хозяйства. Затем, после перелома, когда начали вступать в действие новые предприятия, начали вступать в работу новые машины, у нас началось из года в год нарастание валовой продукции. Здесь Кондратьев доказывает, что в основном прогноз был неверным и что в этом отношении все наше планирование не годилось.

Вы знаете, что мы переходили от методов регулирования к методам управления сельским хозяйством—важнейший момент в деле нашей хозяйственной политики, потому что стихийность рынка срывала наш народнохозяйственный план. Мы великолепно понимали, что в области промышленности мы знаем, как управлять, в наших руках планирование и в наших руках осуществление плана. Могут быть прорывы на отдельных участках, но в общем и целом мы твердым шагом шли вперед.

Наша задача состояла в переходе на методы планирования и в области сельского хозяйства. Важнейшая народнохозяйственная задача заключалась не только в общих регулирующих началах, но и в том, чтобы давать оперативные задания.

Этим мы отличаемся от капиталистического строя. Там экономической политики сколько угодно, там каждая партия имеет экономическую политику и планы для экономической политики. Но там ни одна партия не имеет оперативных планов, потому что капиталистическое хозяйство не дает возможности планового хозяйства. Вся утопия реформизма, вся утопия Каутского и каутскианцев, вся утопия деятелей II Интернационала заключается именно в том, что они глупейшие противоречия капиталистического строя думают разре-

шить плановым путем, не располагая теми условиями для оперативной деятельности, которые требуются экономикой и которые может дать только диктатура пролетариата.

Наше плановое хозяйство должно было перейти к оперативному управлению народным хозяйством. Это был удар по всем мелкобуржуазным теориям, а на практике это был удар по кондратьевщине. Это ставило предел возможности возвращения к капиталистическим формам, это наносило удар капиталистическим тенденциям, поэтому кондратьевщина боролась целиком и полностью против этого направления нашего планирования. Поэтому Кондратьев пишет: «К сожалению за последнее время многим кажется, что наши неудачи в области построения и предвидения объясняются не тем, что мы покушаемся на построение планов с негодными средствами, не тем, что мы находимся под гипнозом цифр и арифметики, а тем, что мы еще недостаточно полно охватываем в количественных выражениях все элементы народного хозяйства, недостаточно увязываем все их между собой, недостаточно пользуемся балансовым методом построения плановых перспектив».

Вот позиция Кондратьева. Наше конкретное планирование, по цифровым заданиям, когда мы задаем нашим предприятиям столько-то и столько-то выполни — от этого зависит все наше существование, понимая, что трудности мы можем побороть только путем управления, путем оперативных заданий, когда мы в точности знаем, что будет выполнено и в какое время, он называет гипнозом, под которым мы находимся, гипнозом цифр и арифметики. И он дальше утверждает: «Против изложенной выше характеристики существующего у нас безотчетного увлечения механическим детальным цифровым расчетом перспектив и против критики этого увлечения могут указать и обычно указывают, что она идет все же слишком далеко. В качестве аргумента в пользу такого утверждения указывают, что к цифровым расчетам будущего прибегают даже частные предприятия, тресты и синдикаты, когда начинают крупное строительство, к ним прибегает капиталистическое государство, когда приступает к крупным сооружениям, например сооружению железных дорог, портов, электрических станций и т. д. или когда намечает линии экономической политики. Но если это так, то тем более к таким расчетам должно прибегать наше государство, строящее все хозяйство на плановых основах.

Да, частные предприятия и капиталистические государства в упомянутых случаях прибегают к известным расчетам на будущее. Но нужно отдать себе отчет, к каким расчетам они прибегают и в какой форме их делают, чтобы ссылаться-

ся на этот аргумент». Далее Кондратьев анализирует, как рассчитывает частное капиталистическое предприятие. В своем анализе он целиком за реальность капиталистических методов планирования, если можно так выразиться.

Анализируя отдельные частные предприятия, и главным образом сельское хозяйство в США, он говорит: «Таковы примеры количественных расчетов на будущее в условиях частного капитализма. Ясно, что они имеют неизмеримо менее сложный характер, чем наши плановые построения. Они менее детальны, в меньшей степени выражаются в точных цифрах и относительно большее внимание уделяют экономическому анализу сущности проблем».

Далее он пишет: «Так как наиболее спорными и наиболее произвольными в наших планах являются точные и детализированные количественные расчеты перспектив на длительное будущее, так как эти расчеты заняли в наших планах по существу центральное место, отрицает повидимому максимум сил и способы легче всего ввести в заблуждение, то необходимо решительно пересмотреть значение, ограничить и видоизменить применение этого приема построения планов, категорически отказавшись от фетишизма цифр. В развитие этого положения в соответствии с требованием научной доброкачественности плановых построений нам кажется необходимым выдвинуть следующие правила.

Во-первых, необходимо отказаться от количественного выражения тех элементов, предвидеть изменение которых в количественной форме, по крайней мере на данной стадии нашего знания, мы вообще не можем. В таких случаях необходимо ограничиться указанием тенденций изменения соответствующих явлений».

Вот, так сказать, его выводы, основные выводы из того предложения, которое он делает, т. е. в этом смысле он предлагает нам ограничиться указанием тенденции развития. Это по существу полностью метод буржуазного планирования, планирования в капиталистических странах. Это не управление хозяйством, это оттяжка назад от управления к планированию, к общему регулированию и т. д.

Не будем останавливаться на других деятелях Макарове, Громане, Челинцева, Чайнове, так как они шли в этом же направлении. Они ставили задачей подмену плановых начал нашего хозяйства (социалистическое хозяйство—это есть плановое хозяйство) общими регулирующими принципами.

Здесь в теоретической форме—программа капиталистической реставрации.

В этом отношении, как вы видите, теоретически и практически кондратьевщина вредительствовала нашему социалистическому хозяйству. И неудивительно, что сейчас начинают подниматься за границей голоса со стороны буржуазных ученых конечно в защиту кондратьевщины. Арестованы они не за критическое отношение,—критики мы не боимся, любую критику мы примем и выслушаем—а арестованы они за то, что своими планами, своими программами и своей деятельностью наносили вред нашему социалистическому строительству, и сельскому хозяйству в особенности.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что мы благодаря вредительству кондратьевщины понесли огромный ущерб в области нашего сельского хозяйства в различных отраслях, начиная с производства, кончая кредитованием и финансированием сельского хозяйства. Сейчас, когда эта политическая организация раскрыта, целый ряд ненормальностей в области производства становится ясным. Сами вредители и их агенты, сознаваясь во всем своем вредительстве, показывали, когда портился семенной материал и как выращивались не те семена. Эти факты ясно говорят о том, что опытные станции в значительной степени находились несомненно под руководством и влиянием вредителей. Когда мы видим, что в области животноводства вредительскими способами заготовки мяса, как вы знаете сейчас, нарочно губились миллионы голов скота; когда мы видим, что наши планы кредитования составлялись таким образом, чтобы кредитование направлялось на зажиточное крестьянство, не шло бы на колхозное строительство, мы убеждаемся, что этим проводилась все та же вредительская политика, что здесь действовала рука вредителей, которая тормозила нам коллективизацию. Несомненный вред, крупный материальный вред имели мы от вредительства, не говоря о том вреде, который не поддается никакому учету, который выражался в том, что, пользуясь знаниями этих специалистов в наших учреждениях, в наших органах, мы имели сплошь и рядом порочные планы, которые надо было исправлять на ходу, в работе, на практике.

В связи со сказанным встает большая проблема—проблема о специалистах. Вы знаете, что Владимир Ильич писал и говорил неоднократно, что было бы чистейшим ребячеством полагать, что мы социализм построим только руками коммунистов, что мы можем не привлекать специалистов, специалистов, даже чуждых нам. Несомненно остается верным то, что мы не можем построить все технические

наши расчеты, все наше планирование только силами коммунистов-специалистов,—таких сил у нас до сих пор еще к сожалению имеется крайне мало. При всех тех мерах, которые мы принимаем в отношении вузов, комвузов, технических вузов, все же пока имеется большая часть беспартийных специалистов

Таким образом вопрос о специалисте, о беспартийном специалисте и нашем отношении к нему имеет огромное значение. И в этом отношении оценка того, насколько глубоко проникло вредительство в среду специалистов, для нас несомненно чрезвычайно важна.

Сейчас происходит процесс расслоения среди специалистов, и проблема для них стать по ту или иную сторону баррикад в борьбе за социалистическое строительство—встала во весь рост.

Нужно прежде всего сказать и принять со всей ясностью и отчетливостью во внимание, что все то вредительство, которое мы имеем и имели в наших центральных органах, все-таки не могло приостановить нашего продвижения вперед. Все-таки, несмотря на вредительство, вопреки вредительству, наше строительство во всех областях народного хозяйства шло и идет гигантским темпом во всех областях нашей общественной жизни. И если мы первый год пятилетки закончили с 24%, а текущий год мы заканчиваем против прошлого года вероятно на высоте, равняющейся 27—30%,—это говорит о том, что таких темпов ни одна капиталистическая страна не имела. При всем колоссальном вредительстве, какое мы имели во всех областях народного хозяйства, энергия миллионов рабочих и крестьян побеждает это вредительство.

Это свидетельствует о том, что вредители не только изолированы от рабочих масс, от крестьянских масс, за исключением кулацких элементов, но они были изолированы и от основной массы специалистов. Все-таки у нас насчитываются десятки тысяч специалистов в различных областях, и сложнейшую машину народнохозяйственной жизни и реконструкции, требующей технических знаний, мы везем на этой массе специалистов. Факт нашего экономического развития, факт реконструкции народного хозяйства свидетельствует, что при всем колоссальном ущербе, нанесенном вредительством, оно представлено незначительной группой в среде специалистов. Эта группа специалистов-вредителей характеризуется по существу людьми, которые состояли на содержании капиталистических акционерных компаний. Они могли вербовать себе отдельных людей даже из молодых специалистов, из молодых работников, окончивших вузы,

Вузы, но повести за собой специалистов как массу, как какую-то организацию, они были не в состоянии. Они оставались изолированными, несмотря на то, что занимали как специалисты ответственные посты. Инженеры-вредители и целый ряд администраторов-вредителей в отдельных хозяйственных областях нашей работы имели несомненно огромный вес и значение, но не могли организовать и повести за собой массу специалистов: они оказались изолированными,—это мы можем определенно сказать специалистам, вскрыть перед ними этот факт, вскрыть перед ними значение вредительства как социальной теории остатков мелко-буржуазных контрреволюционных партий, не способных в какой-либо мере опереться на массы. Это—люди, которые являются провокаторами, настоящими провокаторами и агентами капитализма

Это остатки бывших контрреволюционных партий; поэтому их методы борьбы против нас состояли в том, что, служа у нас, лицемеря, они вместе с этим предавали нас. Предательство, расстройство, дезорганизация наших планов, техническая дезорганизация, которую они проводили в различных областях,—в этом заключаются методы их борьбы против нас. Это способ борьбы обанкротившихся людей, уже осужденных историей. И этот жалкий конец—их теперешние заявления, которые вы могли прочесть в прессе (заявления хотя бы вредителей по Союзмясу, Союзрыбе и т. д.)—характерен для этих людей.

Перед массой специалистов эта роль вредительства должна быть поставлена и в политическом, и в экономическом, и в организационном разрезах с полной ясностью. В политическом разрезе—это остатки мелкобуржуазных контрреволюционных партий, смыкающиеся против нас с наиболее регрессивными силами мирового капитализма, политически и организационно совершенно бессильные внутри страны и рассчитывающие на всякую случайность: на интервенцию, каковая может произойти по отношению к СССР, или на тот раскол, который может произойти в рядах ВКП(б) и дезорганизовать и нанести удар нашему строительству. Вот их расчеты

Под этим углом зрения мы должны также произвести оценку и наших уклонов внутри партии. Проблема диктатуры пролетариата, проблема социалистического строительства—это проблема революционной борьбы против капиталистических форм и капиталистических элементов. Когда правый уклонизм капитулирует по существу перед мелкобуржуазной стихией, капитулирует перед трудностями с

циалистического строительства, перед теми огромными задачами, которые у нас встают в процессе социалистического строительства,—он подает руку кондратьевщине; вот почему целый ряд положений, которые вырабатывались правыми уклонистами, не случайно совпал с положениями кондратьевщины.

Исходная база у них была одинакова, и так как бытие определяет сознание, и это общественное бытие общественных классовых группировок, на которых они планировали свою политику, было по существу одно и то же, то целый ряд выводов и положений у них совпадал, как сейчас троцкизм совпадает—когда его мелкобуржуазный радикализм есть уже пройденная ступень, а его мелкобуржуазная реакционность есть существующая действительность—с правым уклоном и с реформизмом. Ведь в конечном счете ориентация на капиталистическую реставрацию является совершившимся фактом в последних признаниях и писаниях Троцкого. В этом смысле контрреволюционная кондратьевщина—законченная картина путей буржуазной реставрации.

Не даром буржуазные реставраторы как в лице своих лидеров,—Кондратьева, Макарова, Чаянова и К°—так и в лице технических исполнителей, так называемых различного рода вредителей в сельском хозяйстве, высоко расценивали опасность для их планов развития коллективизации, ведущей к действительной ликвидации капиталистических форм хозяйства, и разрабатывали подробные программы для поддержки колхозного строительства и для содействия кулацким хозяйствам. Не даром, с другой стороны, в настоящее время буржуазные дельцы в различных странах, крича якобы о «советском демпинге», связывают развитие с.-х. экспорта СССР с ролью, какую начинает играть обобществленный сектор сельского хозяйства. Преимущества, какие дают колхозы для производства, огромны, и буржуазные дельцы вопят заранее о возможном росте влияния СССР на мировом рынке и разрабатывают планы борьбы с ними. Рост коллективизации—это рост социализма.

Успехи коллективизации и значение коллективизации для роста сельского хозяйства в смысле разрешения задач мощного подъема производительности сельского хозяйства стали очевидны. И именно факт преимуществ, какие дают колхозы, является стимулом к дальнейшему разворачиванию коллективизации. Наша задача заключается в том, чтобы не только закреплять достигнутые успехи в деле коллективизации, но неуклонно и решительно идти вперед, строя колхозы,—вести насту-

пательную политику, так как от этого зависит разрешение задач сельского хозяйства. Строительство колхозов должно совершаться продуманным и планомерным образом. Вреднее всего были бы надежды на самотек. Подобного рода надежды характеризовали бы совершенно неправильную установку о задачах строительства сельского хозяйства, характеризовали бы подчинение стихийным процессам, были бы правым оппортунизмом на деле. Борясь с политикой перегибов, с политикой наскоков в деле коллективизации, мы отнюдь не можем и не должны отказываться от организованного подхода к строительству колхозов. Больше того, именно организованный подход создает наибольший эффект в деле строительства колхозов. Только четкий организованный путь обеспечит нам недопущение тех крупных промахов, которые наблюдались в деле строительства колхозов, и только следуя по этому пути, можно и должно решительно ударить по кулацкой политике.

Прошлый год, именно период осенней посевной кампании, явился периодом мощного сдвига в деле коллективизации. Рост коллективизации шел колоссальными темпами: удвоение, учетверение количества существовавших колхозов. Как известно, этот рост захлестнул многие организации, застал их совершенно неподготовленными к разрешению задач коллективизации и создал ту атмосферу головокружения от успехов коллективизации, которая повела к перегибам, повела к административным мероприятиям, не считавшимся с условиями. Эти уроки должны быть учтены в нынешнюю осеннюю посевную кампанию. Но именно эти уроки заставляют не просто взирать на процессы коллективизации, на создание новых колхозов, на привлечение новых членов в колхозы, а заставляют проявлять активность, проявлять умение организовать и создавать новые колхозы, умение организовать бедняцко-середняцкую массу индивидуального сектора для дела колхозного строительства.

Мы имеем около четверти всех крестьянских хозяйств в колхозах. В основных районах этот процент, как известно, значительно более высок. Для конца первой половины настоящего 1930 г. может быть намечена цифра возрастания коллективизации в среднем примерно до 50% с тем, что по отдельным районам опять-таки этот процент будет значительно выше и целый ряд новых районов должен быть уже охвачен сплошной коллективизацией. От выполнения плана коллективизации будет стоять в прямой зависимости осуществление производственных планов, намечаемых на предстоящий год. Вопросы расширения посевных площадей,

поднятия урожайности, механизации и тракторизации сельского хозяйства, увеличения товарности животноводства, технических культур — все эти вопросы для своего разрешения требуют продвижения вперед соответствующих форм сельского хозяйства, иными словами форм крупного обобщественного сельского хозяйства, форм коллективизации.

В нынешнем году мы добились несомненно крупных успехов в области сельского хозяйства именно благодаря росту коллективизации. Хороший урожай и тот удельный вес колхозов и совхозов, которые имеются в настоящее время, позволяют нам улучшить и усилить все дело планирования и в огромной степени ускорить прохождение всякого рода заготовительных кампаний, вследствие чего создадутся значительно лучшие условия для производственной работы следующего года. Поэтому необходимо использовать все процессы производства, заготовок и снабжения в сельском хозяйстве, чтобы двинуть вперед дело коллективизации. Необходимо в деле коллективизации будить инициативу колхозников, совхозников и единоличников. Сообщения из разных районов говорят о том, что там нащупаны пути для проведения дела коллективизации. В ЦЧО в деревнях создаются инициативные группы из батраков, бедняков и середняков для создания колхозов. Сев. Кавказ применяет способ выдвижения специальных уполномоченных от колхозов — вербовочные комиссии, которые ведут дело организации колхозов. Мы еще ничего не знаем о том, какие меры примут профессиональные организации по пробуждению инициативы в деле проведения кампании по организации колхозов, но несомненно что профсоюз с.-х. рабочих должен в этом деле играть одну из первенствующих ролей.

Наибольшие трудности заключаются в умении использовать все эти благоприятные условия, организовать инициативу и силы для выполнения задач коллективизации. Дело всех нас — обратить особое внимание именно на организацию строительства колхозов. В это дело должен быть внесен максимум энергии и настойчивости. Чтобы выполнить производственные задачи, усилить темпы подъема сельского хозяйства, чтобы выполнить задачи снабжения и сбыта, задачи подъема культурного и бытового уровня рабоче-крестьянских масс, — для этого должна быть обязательно проведена работа по дальнейшему созданию форм крупного обобщественного сельского хозяйства. Третий год пятилетки явится решающим годом для осуществления всей пятилетки в четыре

года и в том числе для колхозного строительства. Этого мы не должны упускать из виду.

Условия для организации колхозов в настоящее время по существу значительно более благоприятны, чем в предыдущем году. Мы имеем прежде всего в наличии огромные миллионные массы колхозников, мы можем наметить значительно более правильный подход к делу организации колхозов, без повторения тех ошибок, какие имелись в прошлом, и наконец, что само собой разумеется чрезвычайно важно, мы имеем далее более широкую техническую базу для строительства колхозов. Так, количество тракторов в предстоящем году будет почти удвоено. В огромной степени вырастает—в два с половиной раза—производство с.-х машин. Рост легкой индустрии позволит несомненно бросить большое количество промтоваров в колхозный сектор. Все это является теми условиями, которые должны усиливать коллективизацию.

Но именно в этот решающий период мы имеем и рост сопротивления тех, кто борется за остатки капитализма, кто борется за контрреволюцию. Наступление на фронте коллективизации означает наступление на капиталистические элементы, означает ликвидацию кулачества как класса, означает ликвидацию капиталистических форм и отношений. Раскрытые за последнее время контрреволюционные организации в СССР показывают, что враги социалистического строительства не останавливаются ни перед какими мерами для дезорганизации хозяйственных процессов и процессов коллективизации. Но факты жизни вместе с этим с очевидностью доказывают полное бессилие наших противников повернуть в какой бы то ни было мере колесо истории—назад. Контрреволюционные деятели оказались изолированными не только от рабочих масс, не только от крестьянских масс, но и от всей основной массы специалистов. Среди специалистов происходят несомненно глубокие процессы расслоения. Основная масса специалистов идет нога в ногу в деле социалистического строительства, и на поверхность всплывают те контрреволюционные элементы, те контрреволюционные группировки, которые борются, противятся, мешают и портят это строительство. Переработка психологии и навыков специалистов, особенно старых специалистов,—дело несомненно крайне трудное. Но мы ни в какой степени не должны допустить ошибки недооценки роли и значения специалистов в том колоссальном деле социалистического строительства, какое сейчас происходит в стране. И несомненно именно рост крупного обобщественного сельского хозяйства будет поднимать

значение и роль советских специалистов, выбрасывая вон гнилые элементы буржуазных реставраторов.

Никакими усилиями враги не приостановят дело коллективизации—дело, над которым работают миллионы города и деревни, дело, которое подкреплено опытом и знанием великого социалистического строительства. Мобилизацией всех сил для колхозного строительства, производственными достижениями колхозов, строительством новых тысяч колхозов—ответят деревни.

Теоретические основы тактики конд- ратьевщины

Выступление С. Г. Ужанского

Основным тактическим приемом буржуазных ученых является сокрытие своего истинного классового лица путем теоретического отрицания самой постановки вопроса о классовом лице той или иной научной теории. Спекулируя понятием «научная истина», буржуазные ученые стараются вознести науку до таких «высот», куда-де не докатываются волны классовой борьбы. Они выставляют свои позиции как внеклассовые, надклассовые и усиленно пропагандируют метод анализа экономических явлений не с точки зрения классовой борьбы и классовых интересов, а с точки зрения так называемых «интересов народного хозяйства как целого». Эти «интересы народного хозяйства как целого» фигурируют в обильном количестве во всех работах буржуазных профессоров и драпируют своим общим (неклассово дифференцированным) подходом их буржуазно-классовое лицо. Самое важное здесь то, что делается это не потому, что буржуазные ученые не понимают или не знают, что в классовом обществе интересы могут быть только классовые,—буржуазные ученые прекрасно знают, кому они служат и чьи интересы они защищают,—делается же это как тактический маневр (теоретически обоснованный), потому что никому из них (и буржуазии в целом) невыгодно открыто признаться, что эти теории защищают буржуа в деле эксплуатации рабочего, ибо это признание, даже с буржуазной точки зрения, очень дурно пахнет. Не даром лидер англо-американцев, известный экономист проф Кларк, пишет, что «на современном обществе тяготеет обвинение, что в нем эксплуатируют труд. Если это обвинение справедливо, то каждый справедливо мыслящий человек должен стать социалистом». Поэтому вполне понятно, что главные усилия всех буржуазных ученых направлены в сторону доказательства того, что в современном

(капиталистическом)) обществе нет эксплуатации буржуазии пролетариата. Поэтому основным тактическим маневром всех буржуазных ученых, в том числе и Кондратьевщины, является сокрытие своего классового лица.

Теоритическое обоснование этой маскировки мы находим в одной из работ Кондратьева¹: «Но можно ли говорить об интересах народного хозяйства как целого?»

Против такого подхода многие экономисты возражают. Стоя на последовательно-классовой точке зрения, они говорят, что интересов, а следовательно и точки зрения национального народного хозяйства как целого не существует, что существуют лишь групповые, классовые интересы, и, следовательно, подходить к расценке тех или иных экономических явлений необходимо с точки зрения интересов того или иного класса или группы.

Не вдаваясь в полемику, мы скажем, что в такой прямолинейной форме эта мысль, на наш взгляд, неправильна. Классовые интересы существуют несомненно. Но прежде всего существуют не только классовые интересы, и затем не все классовые интересы антагонистичны между собой. Есть не мало задач, при выполнении которых классы оказываются между собой солидарными, и могут быть отчетливо формулированы интересы национального хозяйства как целого. Кроме того, бывают случаи классовых антагонизмов, когда интересы одного класса явно и очевидно являются прогрессивными, способствующими развитию производительных сил, а интересы другого—нет. В этом случае точка зрения национального хозяйства как целого, поскольку мы находимся в сфере экономической политики и строим ее рационально, также может быть легко формулирована: принятая задача экономической политики—развитие национальных производительных сил—дает возможность ориентироваться среди классовых противоречий и сделать в таком случае выбор наиболее прогрессивных интересов».

Так формулирует Кондратьев свою исходную социологическую позицию, и так поступали все кондратьевцы, хорошо усвоившие эту невеликую, но ядовитую мудрость.

Смысл ее заключается в том, что, по Кондратьеву, во-первых, хотя классовые интересы и существуют, но к анализу экономических явлений нельзя подходить с классовой точки зрения, а можно и должно говорить об интересах народного хозяйства как целого, и во-вторых, подходя таким образом, нужно найти тот класс, интересы которого совпадают с раз-

---

¹ Кондратьев, Производство и сбыт масличных семян в связи с интересами крестьянского хозяйства», 1919, с. 173.

вителии производительных сил, и ориентироваться и защищать интересы именно этого класса.

Разобраться в этой позиции Кондратьева и выяснить его истинное лицо не представляет особых трудностей. Как известно, теорией, которая во главу угла всякого познания ставит анализ с точки зрения классовой борьбы, является марксистско-ленинская теория. Эта теория классовой борьбы заключается однако не столько в констатации наличия классов и классовой борьбы, сколько (и это самое главное) в том, что классовая борьба, и только она, приводит человечество в конечном итоге к бесклассовому обществу, где не будет угнетателей и угнетаемых. Карл Маркс в своем письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. писал следующее: «Что касается лично меня, то не мне принадлежит заслуга открытия существования классов в современном обществе и их борьбы между собой. Буржуазные историки еще задолго до меня изобразили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты дали экономическую анатомию этих классов. То новое, что я внес, сводится к следующему. Я старался доказать: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами производства; 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура в свою очередь служит лишь переходной ступенью к уничтожению всех классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы».

Все величие классовой борьбы пролетариата заключается в том, что пролетариат, являясь гегемоном нарастающей социальной революции, борется за будущее человечества, за совершенно новый тип производственных отношений, за совершенно новую систему всего строя общественной жизни.

Под руководством коммунистических партий пролетариат штурмует, в непримиримой борьбе со всякого рода реформизмом, буржуазные твердыни, добиваясь свержения капиталистов, захвата власти вооруженным путем и установления диктатуры пролетариата. «Коммунисты считают излишним скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя»¹.

С захватом власти и установлением диктатуры пролетариата классовая борьба не только не замирает, а развивается наоборот в наиболее ярких и открытых проявлениях. История СССР со всеми этапами классовой борьбы (гражданская

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест,

война, интервенция, блокада, белый террор, кулацкие восстания, кулацкие хлебные «забастовки» и т. п.) является наглядным и живым пособием для всякого, желающего на практике разобраться в основах классовой борьбы.

И вот в этой решительной схватке буржуазии и пролетариата—этих двух основных классов современного общества,—в борьбе, которая с небывалой силой и отчетливостью разворачивается сейчас во всем мире, кондратьевщина выступает с теоретическим обоснованием своей якобы надклассовой, научно-объективной точки зрения, исходящей из «интересов народного хозяйства как целого».

Но улизнуть от коренного вопроса: за или против пролетариата, за или против буржуазии,—Кондратьев, как бы он ни прикрывался, не может.

Логически развивая свою же социологическую позицию, Кондратьев должен сказать, какой же класс на сегодняшней стадии развития капитализма он считает прогрессивным.

По сути развитой самим Кондратьевым концепции следует либо признать прогрессивность борьбы пролетариата и следовательно стать на его сторону, либо—прогрессивность буржуазии и следовательно встать на ее сторону.

Кондратьевщина считает, исходя из «интересов народного хозяйства как целого», что носителем прогресса является буржуазия, и поэтому Кондратьев и компания отдают себя целиком на служение буржуазии.

Но это значит, что кондратьевщина становится в ряды заклятых врагов пролетариата и его завоеваний.

Тактический прием скрывать свои истинные буржуазные убеждения за формулой «интересов народного хозяйства как целого», за ширмой «объективности», за маской надклассовости Кондратьев широко пользовал во всех своих работах, где он протаскивает явно буржуазную, явно кулацкую точку зрения. Возьмем его работу «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции», которая вышла из печати в 1922 г. В предисловии, как полагается, написано: «На всем протяжении исследования мы старались остаться на строго и объективно-научной точке зрения, как это ни трудно сделать в отношении столь близкого бурного прошлого».

И вот профессор Кондратьев, вооружившись статистическими материалами, приступает к исследованию продовольственного вопроса с «научной» точки зрения.

Анализируя период продовольственной политики первых лет советской власти, автор, который прекрасно знал тяжелое положение с хлебом и который прекрасно ориентирован был в том, что советская власть встала на путь реквизиции в

целях отобрания хлеба у кулацких элементов в деревне, не хотевших дать хлеба голодающему городу и армии, Кондратьев, который прекрасно знал, что этот вопрос является вопросом жизни или смерти пролетарского государства, прежде всего издевательски относится к самой постановке вопроса, что борьба за хлеб была борьбой классов.

Кондратьев издевается над тем, что декреты советской власти объявляют кулаков, держателей хлеба, врагами народа. Но именно тут и выступает вся злоба его к пролетариату и, стоя на точке зрения кулаков, он выступает в защиту их со следующими доводами: «Вместе с тем, поощряя разложение деревни, власть будит в массах крестьянства чувство розни и склонность к доносительству».

Так квалифицирует Кондратьев борьбу пролетариата города и деревни, борьбу батрачества и беднейшего крестьянства за хлеб, за советскую власть. И дальше он пишет: «Итак дело заготовок объявляется одной из пасаущих задач классовой борьбы; производится удар по самым темным инстинктам беднейшего населения; начинается кровавая борьба за хлеб.. На вооруженное насилие деревня недавно вооружившимися после стихийной демобилизации армии осенью—зимой 1917, 1918 гг. солдатами ответила вооруженным сопротивлением и целым рядом восстаний. Вот почему период после октября 1917 г. вплоть до глубокой осени 1918 г. представляется временем кошмарной и кровавой борьбы на полях производящей деревни».

Комментарии излишни. Самое характерное здесь то, что в предисловии книги, как я выше указывал, дается обещание о строгом и объективно-научном анализе. С особой ясностью этот обман и действительная классовая приверженность Кондратьева видны из его описания буржуазного временного правительства: «Теперь нарождалось новое демократическое государство, теперь на историческую сцену выступили массы, теперь государство, опирающееся на доверие самых широких кругов народа, представлялось морально всемогущим или по крайней мере чрезвычайно могущественным» и т. д. в тех же тонах.

Таким образом действительная научная объективность Кондратьева имеет два лица: радостно-приветствующее буржуазное правительство и злобно-оскаленное (типа эмигранткины) против диктатуры пролетариата. Такова цена научной объективности Кондратьева.

Другой пример кондратьевской надклассовости возьмем из области монополии внешней торговли. Кондратьев прекрасно знает, что монополия внешней торговли является величайшим стражем завоеваний

пролетариата, стражем нашей политики индустриализации страны, стражем нашей независимости и защиты наших интересов в капиталистическом мире. Самой заветной мыслью капиталистов является прорыв монополии внешней торговли. Монополия внешней торговли является незыблемым институтом, связанным с диктатурой пролетариата, отделяющим наше строительство от капиталистического мира и вместе с тем объединяющим нас с ним путем регулирования внешней торговли в нужном нам направлении. Выступать против монополии внешней торговли—это значит выступать за товарное интервенирование нашего Союза, а затем и за полное подчинение нашего хозяйственного положения империалистическим странам, которые только и знают, что гонятся за новыми рынками и через эти рынки подчиняют себе экономически и политически всю жизнь таким путем завоеванной страны.

Кондратьев относится к монополии внешней торговли враждебно. Для обоснования и вместе с тем сокрытия своих позиций он применяет испытанный способ подхода с точки зрения «интересов развития народного хозяйства как целого». Рассуждения его не отличаются ни особой глубиной, ни особой оригинальностью. Он рассуждает так. Если монополия внешней торговли способствует развитию экспорта, в котором нуждается наше сельское хозяйство, если монополия внешней торговли стимулирует развитие крестьянского хозяйства, если аппарат нашей внешней торговли торгует лучше, чем частнокапиталистический, тогда монополия себя оправдывает, но если этого нет, тогда нужно поставить сразу вопрос и подвергнуть сомнению всю систему монополии внешней торговли. Он писал: «Однако, будучи теоретически бесспорным, это положение совершенно не указывает реальных пределов такого влияния государства на хозяйство через монополию внешней торговли, так как пределы эти при данных исторических условиях говорят о том, может ли страна при монополии внешней торговли завоевать свое положение на мировом рынке, будет ли она иметь, и если да, то какие доходы по внешней торговле, какое направление получают эти доходы и наконец может ли, и если да, то каким темпом может при этих условиях развиваться сельское хозяйство».

Следовательно Кондратьев скрывает свое выступление против монополии тем, что он толкает своих читателей и слушателей задуматься над тем—а дает ли монополия те преимущества, которые она должна давать, и заставляет их склоняться к мысли, что если монополия этих преимуществ не

дает, то нужно от монополии отказаться. Так он и ставит вопрос. Он пишет в другом документе: «Этот пункт мне представляется спорным, потому что он в сущности говоря уже предполагает то (монополия внешней торговли—С. У.), что надо доказать».

И так как мы все хорошо знаем, что наш торговый аппарат работает с перебоями и что очень часто мы терпим убытки на иностранном рынке, и так как мы все хорошо знаем, что нужно этот аппарат чистить и чистить, и так как мы знаем, что материалов о недостатках его работы можно собрать предостаточно, то пропаганда Кондратьева, основанная на этих чисто делаческих соображениях, игнорирующих классовую роль монополии, может достигать известных целей. Таким образом, прикрываясь опять строгой научностью, подходя опять к этому вопросу якобы с точки зрения «интересов народного хозяйства как целого», Кондратьев на самом деле выступает по существу против монополии внешней торговли и тем самым становится на сторону классовых противников пролетариата. Кондратьев прекрасно знает, что если он подойдет к этому вопросу с открытым заявлением, что буржуазии нужно уничтожить монополию внешней торговли в ее, буржуазии, интересах, то такая постановка вопроса ни к чему привести не может. Тогда Кондратьев идет обиняком и подходит к той же защите буржуазных интересов, но с точки зрения якобы внеклассовой объективности.

Обратимся еще к третьему и последнему примеру, из области приложения кондратьевской объективности. Речь идет о ставке Кондратьева на кулака. Кондратьев считает, что кулак, и только кулак, может поднять сельское хозяйство нашей страны. Но можно ли выступать с открытым призывом ориентироваться на кулака? Можно ли без всякого прикрытия и без всяких доводов писать об этом в наших условиях? Само собой разумеется,—нет. И вот Кондратьев начинает применять свой испытанный метод, прикрываясь «интересами развития народного хозяйства как целого». Вспомнив, что марксисты в свое время придавали большое значение капиталистическому развитию сельского хозяйства России в деле борьбы с остатками феодализма и разворачиванию классовой борьбы в деревне, Кондратьев оперирует авторитетными для нас материалами, воспроизводит в своей работе («К вопросу о дифференциации деревни») статистические материалы, посвященные проблеме классового расслоения деревни, и всяческими путями доказывает прогрессивную роль деревенской буржуазии в капиталистических условиях. Затем он переходит к советским условиям и как ни в чем не бывало

отождествляет их с капиталистическими. Оперировав всем известными материалами о том, что высшие группы деревни являются более производительными, и стоят на более высоком уровне потребления, он пишет. «Отсюда следует вывод: если мы хотим иметь более высокую производительность труда, более сильный темп накопления в хозяйстве, если мы хотим более быстрого роста производительных сил в сельском хозяйстве, мы не можем допускать и значительного измельчания хозяйства».

Таким образом Кондратьев как будто бы на основе марксистской теории и на основе эмпирических данных приходит к мысли о необходимости развивать крупные хозяйства, само собою разумеется индивидуальные. Он пишет, что этот путь, ускоряя рост производительных сил сельского хозяйства, не может не отразиться на ускорении развития всего народного хозяйства, в том числе и индивидуального».

Таким образом здесь вырисовывается целая политическая позиция, заключающаяся в том, что наилучший путь развития нашего народного хозяйства идет через развитие индивидуального крестьянского хозяйства, причем—и это самое важное—в части его зажиточной кулацкой верхушки. Поэтому он без всяких обиняков признает положительное значение дифференциации деревни (т. е. образование кулачества) в наших условиях и самым воровским, бессовестным образом цитирует Ленина в отношении превосходства капиталистических форм по сравнению с докапиталистическими.

Сущность маневра Кондратьева, не говоря уже о фальшивом использовании цитат Ленина, заключается опять-таки в том, что он исходит из пресловутых «интересов народного хозяйства как целого» и, приходя к выводу, что рост буржуазии в нашей деревне—прогрессивное явление, призывает к ставке на эту буржуазию, подчеркивая однако не то, что это является защитой классовых интересов буржуазии, а то, что это будет в интересах развития народного хозяйства как целого.

Мы взяли только три примера. Во всех этих примерах, число которых можно было бы значительно увеличить, с совершенной ясностью проявляется махрово-буржуазное лицо Кондратьева, делающего ставку на буржуазную реставрацию, ставку на капиталистический путь развития. Все это делается в интересах буржуазии, против пролетариата. Все это делается против социалистического развития сельского хозяйства и все это прикрывается громким именем—интересами развития производительных сил, интересами развития народного хозяйства как целого.

Кондратьевщина, рассматриваемая с точки зрения про-

фессий своих кадров представляет собой небольшую группу квалифицированных специалистов и профессоров. Воспользовавшись доверием победившего пролетариата, кондратьевщина повела против пролетариата подрывную работу. В этом проявилась вся та преданность буржуазии со стороны верхушки буржуазной интеллигенции, которая формируется всей системой капиталистического общества: «Буржуазия лишила обаяния все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом. Врача и юриста, священника и поэта, человека науки она превратила в своих наемных работников» («Коммунистический манифест»).

Буржуазная интеллигенция работает на буржуазию не за страх, а за совесть и... за деньги. Уступив полиции и охране черную работу по борьбе с революцией, буржуазная интеллигенция взяла на себя чистую работу по теоретическому обоснованию устойчивости капитализма и его институтов: священной частной собственности и «богом освященной» эксплуатации одним человеком другого. Такого рода теоретическая деятельность высоко ценится и высоко оплачивается буржуазией. Не даром именно из уст буржуазной интеллигенции часто слышишь о добром старом времени, оставшемся в их представлении как период комфортабельной и спокойной жизни.

Те осколки буржуазной интеллигенции, которые остались верными до гроба буржуазии, как только сумели легализоваться в наших условиях, начали первым делом оттачивать свое заржавевшее и потрепанное теоретическое оружие.

В их руках были многие научные рычаги: они имели большой опыт исследовательской работы, они знали иностранные языки, они имели международные связи с учеными. И они пустили в ход все это оружие не на нужды социалистического строительства, для коей цели они были призваны победившим пролетариатом, а на нужды буржуазии, усвоив из уроков интернациональной борьбы пролетариата необходимость интернациональной защиты буржуазии. Бывшие патриоты повторили всех своих предшественников типа Тьера.

Осуществление защиты буржуазии в советском и международном масштабе проводилось кондратьевщиной по многим линиям; некоторые из них могут быть очерчены следующим образом.

1) Теоретическое обоснование благоприятных перспектив развития послевоенного капитализма, т. е. по существу борьба с анализом, даваемым Коминтерном.

2) Апология колониальной политики, т. е. защита буржуазии в политике захвата колоний.

3) Политическое оправдание и защита русской эмиграции.

4) Обоснование кулацкой политики в СССР

5) Всесторонняя подготовка всевозможного материала для всякого рода наскоков на пратию, т. е. вкладывание оружия в руки внутрипартийной оппозиции различных оттенков.

Недостаток времени не позволяет нам подробно останавливаться на всех упомянутых выше вопросах со всей необходимой подробностью, поэтому ограничимся только самыми необходимыми примерами.

Кондратьев со своим аппаратом в Конъюнктурном институте, сплошь наполненном кондратьевцами, занимался изучением хозяйства зарубежных стран и освещал их положение в многочисленных бюллетенях и книгах. Всюду, где только можно, он развивал чисто буржуазную точку зрения на неизбежность капиталистического строя, в особенности подчеркивая огромные технические достижения последнего времени и совершенно игнорируя те потрясения, которые характерны для послевоенного капитализма. Само собой понятно, что, поскольку в капиталистических условиях отрезана всякая возможность широко поставленной марксистской разработки анализа развития капитализма и каждодневного наблюдения его конъюнктуры, постольку революционно настроенные зарубежные друзья пролетариата всегда обращались к материалам этого рода, идущим из СССР. Можно себе представить то отрицательное значение материалов нашего советского Конъюнктурного института, который был в руках Кондратьева. Не может быть никаких сомнений, что материалы Конъюнктурного института служили только для теоретического разоружения в вопросах нарастающего кризиса капитализма во всем мире. Само собой разумеется, что все материалы преподносились в таком виде, что опять выпячивалась на первый план так называемая объективность, которая превращалась в ширму апологии капитализма. Припертый марксистской критикой, Кондратьев, в ответ на вопрос о судьбах капитализма, написал нижеследующее: «Капитализм как исторически обусловленный режим может погибнуть. Но когда погибнет он? «Как близок этот час?» (Троцкий). «Ignoramus» — должны мы сказать совершенно откровенно словами Дю-Буа-Реймона и повторить слова Троцкого: «Мы этого не предсказываем».

Теоретически этот вопрос представляется для нас не только нерешенным, но и едва ли допускающим научно-категорическое решение...

«Однако это не мешает конечно верить в близость определенных перспектив необратимого процесса и действо-

вать по направлению к ним. Но было бы ошибкой категорию сознания бессознательно заменять категорией веры»¹.

Так издевается Кондратьев над чеканным анализом марксизма о неизбежности краха капитализма, противопоставляя этому свою идеалистическую дребедень и думая, что в этом вопросе можно отвернуться ссылкой на столоверчение шаманов. И дальше он пишет:

«Таковы наши выводы о перспективах. Они очень условны и конечно не удовлетворяют тех, кто жаждет социального пророчества. Но мы и не стремимся дать такое удовлетворение. Мы недоумеваем также, в чем усмотрела критика (М. Бронский, Осинский) особый оптимизм наших выводов о перспективах.

«Чтобы быть оптимистом или пессимистом в научной работе, необходимо защищать в ней определенную социально-экономическую практическую идею. Этого нет в нашей книге, которая стоит на почве теоретической, и потому наши выводы совершенно индифферентны к пессимизму или оптимизму»².

Итак Кондратьев считает, что он стоит на научной точке зрения, если защищает капитализм и осуждает тех, кто анализирует противоречия производственных отношений капитализма и в этих противоречиях находит самый предел развития капитализма.

Кондратьев—весь с ног до головы буржуа. Что бы он ни писал, как бы осторожно он ни выражался, всюду однако вылезает апология буржуазии. Возьмем пример из его впечатлений о Всебританской выставке в 1924 г., на которую ездил Кондратьев на средства советского пролетариата. Английская буржуазия показала на этой выставке свой товар лицом. Самым искусным образом она продемонстрировала все те «прелести», которые она несет колониальным народам, самым искусным образом было подобрано все то, что должно было оправдать «великую цивилизаторскую» роль капитала в английской королевской мантии Кондратьев в восторге от выставки.

Вот небольшая выдержка из его описания:

«Здесь собрана, можно сказать, мозаика всего мира, всех частей империи. Отметим лишь следующее. Почти в каждом из этих павильонов вы увидите два мира. С одной стороны, перед вами своеобразный строй примитивной культуры, глядящий на вас через собранную туземную утварь, орудия производства, изделия, символы религиозных верований, глядя

---

¹ «Социалистическое хозяйство» № 4—5, 1923

² Там же.

щий на вас глазами привезенных туземцев в их своеобразных костюмах, с их примитивным театром, песнями, танцами, тут же демонстрируемыми, например в театре Бирмы

«С другой стороны, перед вами новый капиталистический мир, приходящий в эти колонии с англичанами и глядящий на вас через новые орудия производства, новые отрасли промышленности, новые приемы работы и быта. Вы видите, как этот новый мир захватывает естественные богатства старого, как он ищет путей обогащения и источников сырья. Последнее особо ярко обнаруживается в судорожном стремлении англичан насадить всюду, где возможно, в колониях, культуру хлопка. Вы видите, как под сокрушительным натиском этого нового мира старый мир отступает, хиреет и рушится. И как бы символом гибели первобытного мира являются туземцы. Некоторые из них, как гласят плакаты, были князьями и вождями своих племен. Но здесь, в сутолке, шуме и блеске богатства выставки, они кажутся жалкими и бессильными»

А в другом месте о том же:

«До прихода в колонии новой санитарной техники там господствуют ужасные условия жизни местного населения и самые примитивные методы борьбы с заболеваниями, еще сплошь проникнутые религиозными предрассудками, верой в знахарство и волшебство. Вместе с тем наблюдается и значительная смертность. С переносом в колонии знания санитарных правил и техники лечения значение заболеваний падает и смертность уменьшается».

Могут ли быть сомнения после этого в научной объективности кондратьевского подхода и может ли быть вообще большая подлость, чем подлость оправдания колонизаторской политики Британии.

Протягивая руку международной буржуазии, Кондратьев не забывает своим вниманием и русскую эмиграцию. Тысячами нитей связанная с ней в прошлом и тысячами нитей, связанная единством платформы, кондратьевщина использует советскую трибуну для защиты изгнанных из страны советов осколков русской буржуазии и ее приспешников. Об одном из таких столпов, ученом жреце буржуазии Туган-Барановском Кондратьев пишет некролог-книгу, изданную в 1923 г. Маневр, применяемый им в данном случае, заключается в том, что довольно подробно описывается, с соблюдением кондратьевской объективности, все то, что вошло в историю политической и экономической мысли под именем «барантугановщины». Всему этому предпосылается очень небольшое но знаменательное предисловие «Автор тем не менее считает себя одним из ближайших учеников его (Туган-Барановского). Поэтому он смотрит на предлагаемый

очерк одновременно и как на свой долг в отношении своего покойного и любимого учителя».

Этот свой долг Кондратьев выполняет в меру своих сил и в меру возможностей достаточно хорошо. Нельзя без возмущения читать в особенности те страницы этой буржуазной книжонки, где Кондратьев оправдывает деятельность своего учителя Туган-Барановского в роли министра петлюровского правительства. При этом он хитро анализирует вопрос не в той плоскости, что петлюровское правительство боролось с Советской Россией, а в плоскости украинно-русского вопроса, и находит оправдание деятельности Туган-Барановского в его... украинском происхождении.

Нет времени приводить цитаты из этой книжки. Мы ограничимся только тем, чем кончает Кондратьев свою книгу: «Все мимолетное умрет и покроется пеплом забвения. Но тем ярче будут гореть искры подлинного вдохновения и творчества, черты своеобразия и одаренности, которыми была так богата личность М. И.; тем значительнее будет представляться нам то научно-идеологическое наследие, которое он оставил для грядущих поколений. М. И. умер. Но память о нем и его духовное влияние не умрут».

Мимолетное—это деятельность Туган-Барановского против страны Советов. Нет, господин Кондратьев, скоро забудутся труды и Туган-Барановского и его верных учеников—кондратьевцев. Но в классовой борьбе никогда не забудется то, что Туган-Барановский и Кондратьев стояли по ту сторону барьера.

Деятельность Кондратьева на поприще разворачивания кулацкой программы экономической политики СССР общеизвестна. Выше мы приводили тому несколько примеров, а другие товарищи это развивали с достаточной ясностью¹. Поэтому нет необходимости сейчас специально на этом останавливаться. Мы попробуем однако остановиться на этих вопросах в связи с той общей задачей, которую мы себе поставили, т. е. задачей освещения теоретических основ тактики кондратьевщины.

Наряду с тем, что кондратьевцы вели тонкую и длительную пропаганду за капитализм, против социализма, они, кроме всего этого, непрестанно и в массовом масштабе готовили всевозможные материалы для всякого рода наскоков на генеральную линию партии, вкладывая это оружие в руки внутрипартийной оппозиции, всякого рода уклонистов и т. п.

Дадим тому несколько примеров.

---

¹ Я имею в виду доклад т. Милютин и других товарищей, а также и статьи на эти темы в «Правде» и «Социалистическом земледелии».

Лозунг восстановительных цен, который фигурировал в троцкистской программе, целиком заимствован из кондратьевского арсенала. Не кто иной, как Кондратьев, Жиркович, Озеров и т. д. занимались так называемыми крестьянскими индексами, основной политической целью которых было доказать неправильность советской политики в вопросе цен на крестьянские товары и необходимость перераспределения так называемого национального дохода в пользу «крестьянства».

Этот пример является между прочим иллюстрацией и того, как троцкистская оппозиция, левая на словах, была правой на деле.

Но само собой разумеется, что основным воспринимателем кондратьевских подсказываний был правый уклон: «Основное зло правого оппортунизма состоит в том, что он разрывает с ленинским пониманием классовой борьбы и скатывается на точку зрения мелкобуржуазного либерализма» (Сталин).

Кондратьевцы пропагандируют взгляд на капиталистическое хозяйство как хозяйство, преуспевающее и в основном на базе высокой техники и повышения уровня масс справившееся с противоречием внутри капитализма.

Правые выдвигают теорию организованного капитализма.

Кондратьевцы считают, что капиталисты являются прогрессивным классом, развивающим производительные силы страны.

Правые выдвигают лозунг ориентации на индивидуальное зажиточное хозяйство в деле преодоления наших трудностей.

Кондратьевцы считают, что основным вопросом развития нашего хозяйства является гармоническое сочетание индустрии и сельского хозяйства, и отрицают ведущую роль индустрии.

Правые выдвигают тезис о нереальности принятых темпов индустриализации.

Кондратьевцы считают индивидуальное хозяйство с его заинтересованностью на основе частной собственности идеальным в деле развития сельского хозяйства.

Правые выступают против взятых темпов коллективизации. Кондратьевцы защищают деревенского кулака.

Правые—против ликвидации кулачества как класса, против так называемых чрезвычайных мер в отношении кулацкой верхушки в деле хлебозаготовок.

«Что было бы, если бы мы послушались правых оппортунистов из группы т. Бухарина, если бы отказались от на-

ступления, свернули бы темп развития индустрии, задержали бы развитие колхозов и совхозов и базировались бы на индивидуальном крестьянском хозяйстве?

«Мы наверняка бы сорвали нашу индустрию, загубили бы дело социалистической реконструкции сельского хозяйства, остались бы без хлеба и расчислили бы дорогу для засилия кулачества. Мы сидели бы у разбитого корыта» (Сталин).

Кондратьевцы прекрасно знают, кому они дают свои аргументы. Кондратьевцы прекрасно понимают, что в наших условиях диктатуры пролетариата тот подкоп, который они вели против пролетариата, может начаться только с подкопа внутри партии. Кондратьевцы, будучи прямыми агентами буржуазии, сделали правых своими контрагентами внутри партии. Само собой разумеется, что победа правых—это объективно победа кондратьевцев, это победа кулацкой идеологии. Поскольку классовая борьба в наших условиях разворачивается с необычайной силой, поскольку идет последний и решительный бой с остатками буржуазии в наших условиях, постольку все то, что стоит по ту сторону барьера, пойдет на какой угодно блок с теми, кто способен пойти против генеральной линии партии внутри самой партии. Ставка на правых—это ставка на поражение революции.

Но ставка буржуазии бита. Бита и ставка правых. Перед нами огромная задача дальнейшего развертывания социалистического строительства, одним из условий успешности которого является борьба со всякого рода извращениями и отклонениями от генеральной линии партии.

Кондратьевщина исторически закончена. Но в той или иной мере она будет выступать под тем или иным прикрытием и будет выступать до тех пор, пока мы не разделаемся окончательно с буржуазией, и чем дальше, тем ожесточеннее она будет выступать, ибо, чем дальше, тем все сильнее и сильнее пролетариат приближает буржуазию к пропасти.

Кондратьевщина должна стать для всех нас уроком еще большей бдительности, еще большей беспощадности, еще большей нетерпимости ко всякого рода антимарксистским теориям, ибо за всеми этими теориями скрывается жестокий враг пролетариата.

Наш пролетариат побеждает буржуазию на каждом шагу и в теории и в практике. И осколки буржуазных теорий летят во все стороны от мощно шествующего марксизма и ленинизма, и горе тем, кто эти осколки поднимет. Ибо «революция—это вихрь, отбрасывающий назад всех, ему сопротивляющихся».

Кондратьевщина в вопросах социалистического строительства

Выступление А. С. Бондаренко

То, что мы сейчас имеем в результате развития, которое прошла буржуазная наука в лице кондратьевщины и всех ее эпигонов, не случайно совпадает с тем бурным развитием нашего социалистического строительства, которое мы имеем в настоящий момент. Иначе и быть не могло. Активизация кондратьевщины и переход ее к прямой подрывной работе должны были совпасть именно с расширением и особенно с успешным ходом нашего социалистического строительства.

Формирование этой непримиримо враждебной советской власти и социалистическому строительству организации означает вместе с тем ожесточение и обострение классовой борьбы, схватку «кто—кого», последний и решительный бой между осужденным на историческую гибель классом и классом-строителем новых общественных форм. Между этими классами не было и не могло быть кооперации, сотрудничества или смягчения противоречий.

И пример кондратьевщины нам это иллюстрирует с полной наглядностью.

У нас нет возможности останавливаться на описании фактической стороны всей борьбы кондратьевщины и на поприще науки и в практической государственной и хозяйственной работе. Мы ограничимся разбором нескольких теоретических положений этой школы, приведших ее к активной борьбе за свержение советской власти.

Вы знаете, что кондратьевщина с внешней стороны не представляет собой какого-то единого целого. Но это лишь на поверхности, лишь так кажется. Наши товарищи, которые в прошлом боролись с кондратьевщиной, распыляли свои силы на борьбу с ее отдельными струями: с чаянзовщиной, с кондратьевщиной, с сухановщиной—как будто бы это были различные теории. На самом деле и на практике и по суще-

ству их теории привели к совершенно очевидному единству, к одним и тем же результатам. Практическое осуществление и приложение их теоретических позиций оказалось одним и тем же. И нам нужно рассматривать их, взятых в их совокупности. И кондратьевщина очевидно станет их собирательным наименованием.

Мы не можем раскрыть сущности взглядов и концепции кондратьевщины, рассматривая только произведения Кондратьева. У кондратьевцев была определенная система разделения труда, известная плановость борьбы против плана социалистического строительства, и для того, чтобы охватить всю теорию кондратьевщины, всю ее концепцию, нужно вскрыть концепцию основных ее вождей: Громана, Чаянова, Кондратьева, Макарова и Суханова. Вот основные пять фигур, которые больше всего, решительней всего и пожалуй откровеннее всего высказывались на страницах печати.

Недалеко еще то время, когда даже в стенах Комкадемии вся плеяда этих ученых чувствовала себя совершенно как дома, выступала развязно.

Трудно согласиться с теми товарищами, которые здесь выступали и говорили, что мы достаточно преодолели кондратьевщину, достаточно вскрыли ее сущность и можем совершенно спокойно почтить на лаврах. Я считаю, что критика кондратьевщины в науке, критика методологии кондратьевщины сейчас, можно сказать, по-настоящему только начинается. Вернее сказать, что наше социалистическое строительство, наша практика, преодолело кондратьевщину. Наша партия отвергла все планы, которые кондратьевщина нам преподносила, не только в области строительства сельского хозяйства, но и во всей пятилетке. На прежней пятилетке лежал отпечаток влияния кондратьевщины. Наша партия все это преодолела практически. Те темпы, которые мы взяли в строительстве, показали, что кондратьевский прогноз, кондратьевская калькуляция, кондратьевские подсчеты были совершенно неправильны. То, что нам преподносилось, не выдерживало никакой критики. Но в области науки мы всюду имеем эпигонов кондратьевщины (например Студенский в Самаре) в достаточном количестве и даже внутри нашей партии имеем ряд товарищей, огражающих кондратьевщину, соприкасавшихся с ней, подпавших под ее идейное влияние.

Борьба с такими эпигонами в науке, в вузах, в нашем государственном аппарате—повсюду является для нас в настоящее время основной задачей.

Тов. Сталин на конференции аграрников-марксистов еще до раскрытия заговора констатировал, что «за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль...» и

что мы «начинаем хромать именно в области теоретической разработки вопросов нашей экономики. Чем же иначе объяснить тот факт, что у нас, в нашей общественно-политической жизни, все еще имеют хождение различные буржуазные и мелкобуржуазные теории по вопросам нашей экономики. Чем объяснить, что эти теории и теориейки не встречаются до сих пор должного отпора...»

Влияние кондратьевщины в среде специалистов было очень велико. Выступавшие здесь товарищи уже говорили, что и в целом ряде хозяйственных органов у нас имелось сильное влияние кондратьевщины: и в Наркомфинде, и в Наркомземе, и в Госплане, и в ВСНХ—всюду вы могли найти самых компетентных, самых научно подкованных, самых авторитетных представителей этой организации. Возьмите целый ряд журналов: «Плановое хозяйство», «Социалистическое хозяйство», посмотрите в списки авторов и вы увидите, что в этих журналах кондратьевщина располагалась, как у себя дома, и должного отпора им мы все-таки в области науки все еще не дали.

Даже целый ряд научных институтов—Институт с.-х. экономики, с полным правом называвшийся чаяновским, Институт экономики Комкадемии, куда коммунисты довольно скромно изредка входили—был ареной их подрывной работы, тут почти всегда докладчики, оппоненты, ораторы были в огромной степени из них. И «должного отпора», как подчеркивает т. Сталин, в стенах таких авторитетных учреждений они от наших марксистов-теоретиков не получали.

Поэтому критика и разоблачение кондратьевщины, того, что внесла кондратьевщина в науку, того, чем кондратьевщина отравила нашу науку, того, как идейное влияние кондратьевщины сказалось на правом уклоне, для нас является основной на ближайшее время задачей. Без очищения наших научных и «высоких» хозяйственных учреждений от идейного хлама контрреволюционной теории немислимы преодоление трудностей и победа на фронте социалистического наступления.

Кондратьевщина имела совершенно законченное представление о природе советского хозяйства. Но это никогда нам не преподносилось, да вряд ли в наших условиях и можно это преподнести в откровенной циничной форме. Все же это столь явно высказывалось, что мы теперь, будучи достаточно подкованы в марксизме, имея достаточные кадры научных работников-марксистов, могли в известной мере это понять. Те вещи, которые констатировал т. Ужанский: неверная оценка Кондратьевым своего учителя Туган-Барановского, одного из вождей петлюровщины, или Лондонской всемирной выставки,—это детские вещи, пустяки, за которые мы

бы не так обижались. Кондратьев высоко ценит Туган-Барановского, в семинарах которого он воспитывался,—мы не за такие вещи их сажаем: не за оценку Туган-Барановского, не за оценку выставки, а за их активную антисоветскую работу. А их активная работа выразилась в тех планах, которые они нам преподносили под видом пятилетки социалистического строительства, и в целом ряде вредительских актов.

Возьмите Громана—лицо, которое занимало достаточно видную позицию в нашем Госплане, просмотрите его работы в журнале «Плановое хозяйство», зачастую без всяких редакционных примечаний, где он дает развернутую проблему построения баланса народного хозяйства, плана народного хозяйства. У всех этих авторов, начиная от Кондратьева и кончая Громаном и Сухановым, вы найдете даже очень ловкое оперирование и спекулирование выхваченными цитатами и целыми главами из Маркса и Ленина,—например, когда Громан обосновывает наш перспективный план, рассматривает схему воспроизводства Маркса, механически преподносит их нашему сплошь и рядом неискушенному в теории читателю. А оттуда прямой вывод: каким темпом, как мы можем развивать наше хозяйство, как наши планы могут быть построены реально, а не утопически? Тут идет противопоставление реальных планов утопическим.

Кондратьев довольно пространно описывает разницу между «телеологическим» методом и «генетическим». Последний, по мнению Кондратьева, единственно научный и достойный метод. Состоит он в том, что сначала изучают динамику развития за как можно больший промежуток времени, устанавливают «тенденции» развития, показатели, темпы его и при этом на основании этого выводят возможный реальный рост на ближайшее время. Отсюда представление о выполнимых и невыполнимых задачах.

«Пределы революционного воздействия очень ограничены», говорит Кондратьев в своем докладе в Госплане.

Кондратьев и его ученики и не могут представить себе, что революционный пролетариат, овладев производственными силами, даст им совершенно невиданный темп роста, темп, совершенно невозможный и вовсе исключенный для капиталистической системы, темп порядка 32% (из плана 1929/1930 г.) и свыше 45% (для 1931 г.).

Все эти генетические методы, с внешней стороны столь научно обоснованные, будучи применены к стране социалистического строительства, оказываются совершенно неприменимыми, вздорными.

Как представляет себе эта школа советское хозяйство? Ничего особенного, никакого противопоставления капитализму

в нем и быть не могло—это разновидность капиталистического хозяйства. Последнего утверждения в такой прямой, грубой форме конечно не найдете, но вся концепция к этому сводилась: «Советское хозяйство представляет собой разновидность капиталистического хозяйства». Начиная с книги «Большие циклы конъюнктуры», Кондратьев стремится все эпохи капитализма, от самого раннего капитализма до позднейшего этапа—империализма, подвести под одну скобку внутри капитализма нет никаких градаций. И мы в советских условиях сможем, по Кондратьеву, при построении наших планов исходить из таких же тенденций больших циклов конъюнктуры, мы должны влиться в эти циклы, исходить из их глубин и вершин. В кондратьевском изложении марксизма совершенно неосуществимая вещь—ставить себе определенные цели и пытаться осуществить их революционным путем: учесть темпы развития мирового хозяйства, рыночные соотношения, учесть нашу аграрную отсталость, наши узкие места и на основании всего этого строить определенный прогноз, давать определенные «директивы». Ничего подобного нашим изображениям советской экономики, как экономики, руководимой совершенно особыми законами. Кондратьев никогда не мог допустить. Для него она—разновидность капиталистического хозяйства со всей подчиненностью его рынку, на первом месте рыночным отношениям и т. д. Можно конечно сопротивляться рыночным законам, можно стараться внести ничтожные изменения, но в общем и основном, нужно подчиниться рынку.

«Учесть перспективы нашего сельского хозяйства,—говорит Громан при обсуждении пятилетки в Госплане,—это значит иметь в своей голове не только русское народное хозяйство в целом, но и все мировое хозяйство, ибо рыночные условия сельского хозяйства это прежде всего условия сбыта на мировой рынок. Наше сельское хозяйство развилось, развивается и будет развиваться в связи с мировым рынком, и темп его развития соответствует темпу мирового рынка. Оторвите нас от мирового рынка—и все законы развития сельского хозяйства будут иными, чем мы могли бы этого ожидать...»¹.

Здесь изложено законченное представление и о типе регулирования нашей экономической жизни и о темпах ее развертывания. Рамки мирового рынка являются определяющим началом. Если мировой рынок испытывает кризис перепроизводства, производство застопоривается, рабочих выбра-

---

¹ «Плановое хозяйство», август 1925, с. 128

сывают на улицу, зарплату срезают и пр., то все эти явления неизбежны и у нас.

Практика социалистического строительства невиданными в истории темпами показала, что это далеко не так, что это прямо противоположно истине. Весь капиталистический мир потрясен кризисом и острейшей безработицей, а здесь, в Советском Союзе, фактически происходит огромный рост производства.

Громан в статье «Баланс народного хозяйства» для обоснования баланса нашего советского хозяйства исходит из простого механического приложения марксовых схем расширенного капиталистического воспроизводства к современной советской экономике, полагая, что кого-либо можно обмануть, будто это приложение метода Маркса.

Во всех кондратьевско-громановских писаниях о контрольных цифрах, о балансе, о конъюнктуре нашего хозяйства никогда и нигде нельзя найти ни звука о том, что здесь происходит изживание, преодоление, упразднение, ликвидация стихии рынка и совершенно иные законы руководят переходной экономикой. Из всего нэпа им понятен, близок рынок с его сверхъестественной регулирующей силой.

И в таком духе они проповедывали и в ряде высших учебных заведений, с этим они выступали всюду.

И неслучайно, что в период нашего генерального наступления на базу рынка, на распыленное товарное хозяйство, на кулачество для его ликвидации на основе сплошной коллективизации громановская буржуазная группировка, испробовав все средства подрыва, разрушения советского строительства, перешла к организации кулацкой партии.

Ту же идею в другой форме пропагандировал Суханов.

Суханов здесь, в Аграрном институте, делал доклад на тему «О природе нашего товарного голода». Доклад этот был сделан достаточно многочисленному собранию. Если вы просмотрите этот доклад, вы увидите, что в нем полностью предвосхищена программа правых уклонистов, вы увидите в нем буквально все положения, с которыми наша партия ведет непримиримую борьбу. Вопрос шел о природе наших затруднений. Суханов начинает так: «Вы думаете, что это происки кулака, что наши затруднения—козни кулака,—это детски наивное объяснение». Все это конечно не заслуживает со стороны Суханова даже улыбки. Придавать такое огромное значение «ничтожной кучке» кулаков, по его мнению, по меньшей мере наивно. Старая сухановская теория, с которой Ленин находил нужным бороться со всей решительностью и непримиримостью как с вреднейшей теорией,—будто клас-

совые отношения в сельском хозяйстве если не отсутствуют уже, то притупляются, будто крестьянин уже социалист,— эта теория здесь практически прилагается и ведет к тому, что крестьянство как таковое уже настолько слабо дифференцировано, что о влиянии кулака говорить не приходится.

Все социалистическое строительство, вырываю ее капитализм с корнем, по Суханову, не встречает более или менее серьезного сопротивления и радостно поддерживается всем «трудовым» крестьянством. Все многочисленные факты борьбы за осуществление промфинплана и пятилетки, атака со стороны кулака на колхозы и совхозы, срыв хлебозаготовок, невыполнение государственных налогов и пр., по Суханову, явления, ничего общего, мол, с классовой борьбой не имеющие.

Идея самотека в социалистическом строительстве могла зародиться лишь на основе идей Суханова, идей, отрицающих классовую борьбу и ее обострение в связи с лозунгом ликвидации кулачества как класса.

Второй вопрос ставит Суханов: «Вы думаете, что товарные затруднения имеются потому, что мы мало производим? Совершенно неверно». Тут начинаются разговоры о деградации нашего сельского хозяйства, о способах поднятия этого хозяйства, о незаинтересованности крестьянина вообще и т. д. Полнейшая аргументация и обоснование того пути, который может единственно привести к росту и возрождению сельского хозяйства, к его реконструкции. Это— путь построения устойчивого, укрупненного», как он выражается, хозяйства, которое строится на основе определенной рыночной выгоды накопления—и только так. В дальнейшем идет обоснование целей экономической политики, и налоговой и крестьянской, которая должна осуществить эти цели. Но основное—это внешняя торговля. Вы интересуетесь в области внешней торговли монополией внешней торговли. Мы, заявляет Суханов, не можем быть «огульными протекционистами». И в дальнейшем считает, что может быть ряд отраслей промышленности, которые нам следует защищать, но не все: мы не можем быть огульными протекционистами. Здесь вы имеете целую концепцию о «желательной» экономической политике, основанную на толковании природы нашего хозяйства как разнovidности капиталистического хозяйства, которое не может выскочить из подчинения закону спроса и предложения.

Если вы заинтересуетесь, как буржуазные ученые за границей вслед за нашими Кондратьевыми, которые их информировали, смотрят на плановое хозяйство, то увидите, что они никак не могут понять, как плановое хозяйство может вы-

скочить из подчинения закону спроса и предложения, закону рынка,—ведь это же «основной закон всех эпох и всех народов».

Здесь в достаточной мере упоминали о той части контрреволюционной концепции Кондратьева, которая говорит, что нужно «начинать с крестьянства». Кондратьевцы в подтверждение этой мысли приводят целый ряд цифр и аргументируют тем, что Ленин сказал в совершенно других условиях, в 1921 г., при обосновании введения нэпа, что основное тогда было—оживить сельское хозяйство. Они переносят это в нашу эпоху, в совсем другие времена, и говорят, что нужно начинать с крестьянства: сначала крестьянство, а потом индустрия, и подъем индустрии будет обеспечен только так. И это—для обоснования, что крестьянство является и рыночной базой для сбыта продуктов промышленности, и сырьевой базой, продовольственной базой, всяческой базой для промышленности, что сначала крестьянство, а потом индустрия, отрицая, что промышленность—основа подъема сельского хозяйства. Нельзя, конечно, их обвинить в том, что они не понимали действительного развития вещей; конечно вся эта группа имела законченную систему взглядов и действий, в тех документах, которые мы в настоящее время имеем, в программе их действий мы видим, что они себе совершенно отчетливо представляли, куда пойдет развитие при осуществлении их программы.

Я хочу сказать, что наша работа, наша наука в настоящее время весьма заражены кондратьевскими идеями, что нам предстоит огромная работа для очищения этой науки. Нельзя согласиться с тем, что вся эта школа, что все это вредительство представляют собой просто-напросто мусор, который мы можем смести. Практика их работы, то, к чему они пришли, показывает, что это далеко не пассивный мусор, от которого легко очиститься, а это та активная контрреволюционная классовая сила, которая являлась наиболее серьезным препятствием на пути нашего социалистического строительства.

И когда мы анализируем преимущества нашей системы хозяйства, когда мы преодолеваем все препятствия, то в числе препятствий является не последний, а основным—идеология нашего классового врага. Но очевидно в нашей системе хозяйства, в нашем наступлении на фронте социалистического строительства заложены настолько сильные преимущества, что, несмотря на то, что эта группа ученых—и в научных учреждениях, и в основных хозяйственных учреждениях, как Госплан и ВСНХ—имела огромную агентуру, огромный шпионаж, огромнейшие кадры, мы всех их преодолели. Это

лишнее доказательство того, что в нашей системе хозяйства заложены огромные, еще не все использованные возможности.

Но перед нами молодые растущие количественно и качественно научные кадры, мы имеем уже достаточные марксистские кадры, и наша задача состоит в том, чтобы преодолеть и выкорчевать эту школу до основания. Это преодоление началось уже давно и в журнале «На аграрном фронте» и в целом ряде наших журналов, но эта работа не может быть признана ни в коей мере достаточной. Во всех наших научных учреждениях сейчас кондратьевщина еще не преодолена. Остатки кондратьевщины еще не вытеснены. Не только в наших хозяйственных органах, но и во многих университетах, во многих комвузах вы находите эпигонов кондратьевщины в опасном количестве. И для нас преодоление кондратьевщины в настоящее время является наиболее боевой задачей, потому что кондратьевщина и в нашей партии имеет проводников своих взглядов. Если сравнить программу сухановской экономическое политики и те предложения, которые мы имеем в «Записках экономиста» и в ряде других документов, то увидите, что все это одного поля ягоды, и перед нами огромная задача бороться с ними.

Корни правого уклона растут именно из этой почвы

Влияние классово враждебной идеологии отражается и на определенных прослойках рабочего класса и сбивает с пути ряд партийных товарищей, тем ослабляя революционный строительный энтузиазм, новые неизвестные капитализму формы подъема производительности труда, работу по оживлению новой колхозной волны и т. д.

И все это оформляется в идеологии правого уклона, в его предложениях, сводящихся в основном к тому, чтобы снизить темп, сократить напор, не так круто ликвидировать капитализм, вырывая последнюю базу и основу его — мелкое товарное хозяйство, «ежедневно и ежечасно рождающее капитализм».

Кондратьевщина и правый уклон

Выступление И. Д. Лаптева

Наряду с осуществлением высоких темпов индустриализации нашей страны, наряду со все возрастающим охватом сплошной коллективизацией основных масс крестьянства, а вместе с этим ликвидацией кулачества как класса нанесен сокрушительный удар по контрреволюционной организации во главе с идеологами капиталистической реставрации — Кондратьевым, Макаровым, Сухановым, Чаяновым и К°. Дальнейшее разоблачение контрреволюционной сущности идеологии этих реставраторов представляется тем более необходимым, что их экономическая и политическая платформа пропагандировалась ими под маской «спецов» в ряде журналов и десятках фундаментальных работ. И — что особенно важно — «кондратьевщина» как идеологическое оформление интересов и чаяний кулака и нэпмана была поставщиком теоретического багажа правым оппортунистам в нашей партии. Развертывая некоторые принципиальные вопросы социалистического строительства, мы покажем это на основе документальных данных.

Развертывание высокими темпами индустриализации страны, на основе этого социалистическое переустройство деревни в форме коллективизации основных масс крестьянства, переход от политики ограничения и вытеснения капиталистических элементов к ликвидации кулака как класса — таков стержень политики партии. По этим основным устоям вела прежде всего идеологическую атаку кондратьевщина.

Кондратьев, премьер контрреволюционной идеологии, выразил пути развития хозяйства СССР в «надклассовой» формуле «развития производительных сил страны». Касаясь вопроса о взаимоотношении промышленности и сельского хозяйства в этом «развитии вообще», он писал: «Мы прямо говорим: развивающееся сельское хозяйство создает рынок сбыта для продукции промышленности, и наоборот мы утверждаем, что

развивающаяся промышленность создает рынок для продуктов сельского хозяйства»¹. Совершенно очевидно, что такая тривиальная формулировка о взаимной зависимости промышленности и сельского хозяйства была направлена к загромождению определяющего значения индустриализации страны как ключа к подъему сельского хозяйства. На основе такой формулировки могла быть легко развита концепция капиталистического развития нашего хозяйства.

И чрезвычайно характерно, что правые в теоретическом обосновании путей развития нашего хозяйства приняли вышеприведенную формулу в качестве исходного пункта. «Развитие индустрии зависит от развития сельского хозяйства .. развитие сельского хозяйства зависит от развития индустрии»². Исходя из необходимости согласования той и другой части этой формулы, правые приступили к разрешению вопроса о соотношении между индустрией и сельским хозяйством в СССР³.

Кондратьев шел по этому же пути. Согласовать развитие промышленности и сельского хозяйства и добиться на основе этого «планового роста» всех отраслей народного хозяйства—таков следующий теоретический шаг Кондратьева⁴. На этой же основе согласования в развитии промышленности и сельского хозяйства Бухарин стремился обосновать развитие нашего хозяйства в условиях «подвижного экономического развития», «возможно более бескризисного хода общественного воспроизводства»⁵.

В этом сопоставлении ясно вырисовывается, откуда росла пресловутая «теория равновесия секторов нашего хозяйства»

«Нетрудно понять,—говорил т. Сталин на конференции аграрников-марксистов,—что эта теория не имеет ничего общего с ленинизмом». Она «не имеет ничего общего с ленинизмом» потому, что она направлена против высоких темпов индустриализации страны, которые осуществляет на деле рабочий класс, против того ленинского положения, что только высокие темпы индустриализации страны дадут нам возможность поднять сельское хозяйство, коллективизировать основные массы крестьянства.

Кондратьевцы однако не против индустриализации страны «вообще». Они против индустриализации социалисти-

¹ Заключительное слово Н. Кондратьева на пленарном заседании президиума Госплана 1/VIII 1925, «Пути сельского хозяйства» № 3, 1926, с. 125.

² Н. Бухарин, Заметки экономиста, с. 21—22.

³ Там же, с. 22.

⁴ «Пути сельского хозяйства» № 3, 1926, с. 127.

⁵ Н. Бухарин, Заметки экономиста, с. 14 и 18.

ческой, но всегда защищали индустриализацию кулацкого типа.

В упомянутом выступлении Кондратьев говорил: «Мы утверждаем, что накопление капитала промышленности есть процесс медленный и что его ускорение предполагает рост сельского хозяйства»¹. И так Кондратьев раскрывает свою формулу взаимной зависимости промышленности и сельского хозяйства. Ключ к развитию хозяйства СССР он находит в области сельского хозяйства, а отнюдь не в области промышленности.

Дальше теоретические нити рассуждений Кондратьева тянутся к его социальной основе—кулаку. Выступая по вопросу о дифференциации деревни, Кондратьев выдвинул следующий тезис: «Накопление материальных средств в более сильных группах (крестьянства, т. е. у кулаков.—И. Л.) идет более напряженным темпом, чем в группах слабых. И только здесь формируются ресурсы, из которых можно черпать средства для накопления в государственном секторе»². Только рост кулацкого хозяйства, пропагандирует реставратор, может дать источники индустриализации. Индустриализация в теории Кондратьева есть смычка промышленности с кулаком.

Если увязать это с общей оценкой Кондратьевым характера нашего хозяйства, то программа Кондратьева предстанет перед нами во всей полноте. Кондратьев считает, что система советского хозяйства является «госкапиталистической»³, что наше хозяйство есть одна из разновидностей капиталистического хозяйства.

Госкапитализм, ставка на развитие кулацкого хозяйства—такова экономическая программа контрреволюционной организации.

Правооппортунистический взгляд на индустриализацию, борьба правых против высоких темпов, осуществляемых партией, своими корнями далеко вошли в теорию кондратьевщины. Мы уже упоминали, что «самое коренное»⁴ для правых—это установление равновесия в развитии промышленности и сельского хозяйства. Переходя к обоснованию путей развития на основе этого «равновесия», т. Бухарин в свое время писал: «Накопление в нашей промышленности идет тем быстрее, чем быстрее идет накопление в нашем крестьянском хозяйстве, т. е. чем скорее это крестьянское хозяйство

¹ «Пути сельского хозяйства» № 3, 1926, с. 125

² Там же, № 5, 1927, с. 137.

³ Там же, № 3, 1926, с. 125.

⁴ Н. Бухарин, Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, с. 42.

выходит из нищеты, чем больше оно богатеет»¹. Богатеющий крестьянин—опора развития промышленности. Добавьте сюда теорию равнения в промышленности на «узкие места», теорию «мирного вращающегося кулака в социализм»—и будет совершенно ясно, что индустриализация по теории правых есть смычка промышленности с кулацким хозяйством.

Чтобы проиллюстрировать это, возьмем еще один пример—брошюру т. И. Теодоровича «Вопросы индустриализации и сельское хозяйство»². Как представляется т. Теодоровичу проблема индустриализации? Помимо «исторической справки», что проблему индустриализации России «высказал еще П. И. Пестель, самый выдающийся из декабристов» (!), мы у т. Теодоровича еще узнаем, что он мыслит себе индустриализацию «только на базе развивающегося и крепнущего крестьянского хозяйства». Так как т. Теодорович ничего толкового кроме «исторической справки» об индустриализации не дает, то интересно знать, как он понимает крепнущее хозяйство. «Чтобы иметь масло,—пишет Теодорович,—мы должны держать курс на многокоровных крестьян; точно так же для того, чтобы иметь избытки хлеба, мы должны держать курс на многоземельное крестьянское хозяйство» (с. 48). Чтобы не ныло сердце у партийного работника от такой кулацкой политики, т. Теодорович успокаивает: «Тут сердце партийного работника не должно раздваиваться,—он должен рассуждать так: я помогаю росту крепких слоев деревни затем, чтобы в конечном счете (!) помочь бедноте, которая ближе моему сердцу» (!) (с. 46). Вот что значит, оказывается, развитие «крепнущего» крестьянского хозяйства, на которое должна опереться индустриализация. Действительно такая индустриализация могла быть открыта и декабристом Пестелем. Можно к этому добавить еще одну историческую справку: такую индустриализацию желали иметь Кондратьев и К°, но железная рука диктатуры пролетариата дала этой компании нечто «из другой оперы».

Заканчивая вопрос об индустриализации, не мешая привести еще одну документальную справку, очень ярко уязвляющую родословную теории правых с «кондратьевщиной» «Единственно верная формулировка взаимоотношений промышленности и сельского хозяйства,—говорит Кондратьев вслед за Громаном,—это та, которую дал т. Бухарин. Действительно т. Бухарин в «Большевике» № 14 напечатал статью и в ней решительно высказался против определенного течения, что первой основной задачей... является задача раз-

¹ Н Б у х а р и н, Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, с 41.

² Свердловск 1927, ОблЗУ.

вития промышленности. Значит т. Бухарин направляет свою статью против узко цеховой промышленной точки зрения, а нам говорят, что он идет против нас. Это по меньшей мере странно. Его критика направлена не против нас¹. Мы видели, в чем состояла «верная формулировка» развития промышленности и сельского хозяйства у Кондратьева и «правых». Приведенное заявление Кондратьева есть неопровержимый факт, показывающий, как перерастала кондратьевщина в правый уклон. Это вместе с тем особенно ярко подтверждает оценку, данную партией правым, что их программа есть программа возврата к капитализму.

Контрреволюционная идеология кондратьевщины была заострена и против коллективизации.

Развертывая реставраторскую программу в области сельского хозяйства, проф. Макаров дает следующую установку в области «социальной» политики:

Схема мероприятий и разделов политики²

Предпосылка	Основная группа мероприятий	Добавочная группа
Социальная политика	1. Рыночная	1. Снабжение
	2. Финансовая	2. Кооперирование
	3. Техническая	

В этой схеме, приведенной в статье о методах борьбы с засухой, выложена вся суть контрреволюционных воцелений. Не политика пролетариата, а «социальная» политика, рыночная форма связи с сельским хозяйством—на первом месте, кооперирование—в «добавочной группе» мероприятий как малосущественная задача. Основная ставка здесь—ставка на кулацкое хозяйство. «Если в переходное время некоторую устойчивость могут создать для себя в засушливых областях хозяйства укрупненного размера, то задача государства—содействовать укрупнению таких хозяйств. Для всего этого государство развертывает такую социальную политику, которая позволяла бы соответствующей группе хозяйств крепнуть»³. Макаров требует по линии налоговой «ослабления того бремени, которое государство может возлагать на эти группы деревни», смягчения «социального режима» по линии аренды и найма рабочей силы и т. д.

Кооперирование, по Макарову, не имеет ничего общего с задачами социалистического переустройства деревни. «Соци-

¹ «Пути сельского хозяйства» № 3, 1926, с. 126

² Макаров, Борьба за устойчивое хозяйство, «Пути сельского хозяйства» № 1—2, 1925, с. 23.

³ Там же

альная политика государства, в особенности при помощи кооперирования низов и середины деревни (очевидно бедноты и середняка—*И. Л.*), может быстрее передвинуть эти слои к созданию устойчивого хозяйства, чем это было ранее» А устойчивое хозяйство, по Макарову,— это кулацкое хозяйство. Кооперация следовательно выдвигается как средство развития деревни по капиталистическому пути.

Кондратьев формулирует эту же позицию следующим образом: «Если база нашего сельского хозяйства до крайности примитивна и архаична, если кооперативный путь развития сельского хозяйства представляется чрезвычайно длительным, если мы пока не в состоянии полностью обслужить нужды слабейших групп деревни, то мы не можем не использовать путь развития сельского хозяйства через усиление в деревне процесса дифференциации. При наличии развивающейся индустрии и следовательно роста городов, при условиях, когда в руках государства почти вся промышленность, транспорт и кредит,—процесс дифференциации не таит в себе никаких социально-экономических неожиданностей»¹. Кондратьев здесь откровеннее Макарова. Он прямо ставит вопрос о необходимости капиталистического пути развития деревни, упоминая, что никаких «неожиданностей» (очевидно— кроме экономической и политической реставрации капитализма!) здесь нет. Кооперацию Кондратьев вообще отбрасывает. Беспрепятственное развитие рыночных отношений, капиталистический путь развития сельского хозяйства, защита кулака, борьба против кооперирования основных масс крестьянства—такова в этом вопросе платформа кулацкой контрреволюции.

Здесь надо снова вспомнить: а что же партии предлагали правые оппортунисты? Достаточно напомнить суть кооперативного плана т. Бухарина, чтобы убедиться, что и в этом вопросе правооппортунистическая теория росла из кондратьевщины. Мы уже указали выше, как представляет себе т. Бухарин пути развития сельского хозяйства. Исходным пунктом политики он ставит развитие рыночных отношений. Исходя из свободного развития рыночных отношений, он обосновывает путь индивидуального накопления в крестьянских хозяйствах, путь «богатеющей» деревни в рамках индивидуального хозяйства. На этой основе мыслил себе Бухарин в далеком будущем втягивание индивидуальных хо-

¹ «Пути сельского хозяйства» № 5, 1927, с. 139.

зяйств в кооперацию. Материальная основа социализма в деревне, по Бухарину, должна была создаваться на основе индивидуального хозяйства. Для партии было совершенно ясно, что ставка правых на индивидуальное хозяйство есть ставка на кулака, есть отрицание кооперативного плана Ленина. И всем известно, что правые прямо выступили против этого плана. В 1926 г., выступая на совещании колхозов, т. Бухарин говорил: «Коллективные хозяйства—это не столбовая дорога, не главный путь, по которому крестьянству придет к социализму»¹. Тов. Марецкий пропагандировал то же самое. «Нельзя утверждать,—писал он,—что (колхозы) есть столбовая дорога, по которой основные массы крестьянства пойдут к социализму»². Два пути возможны были для развития нашего сельского хозяйства: путь капиталистический и путь социалистический. Отрицая социалистический путь развития через коллективизацию основных масс крестьянства, правые по существу выступили апологетами капиталистического пути. Ничего иного не предполагали в данном случае и кондратьевцы. Мы показали, как они рьяно боролись за капиталистический путь развития.

А разве не близки правые с кондратьевщиной в вопросе об отношении к кулаку. Если Кондратьев, защищая необходимость развития кулацкого хозяйства, говорил, что в этом не может быть никаких неожиданностей, то разве не по такому же пути шли правые. Вот что писал на сей счет т. Бухарин: «В общей сети кооперативных организаций мы будем иметь и кулацкие ячейки, быть может иногда и чисто кулацкие, и бедняцкие, и середняцкие, и ячейки смешанного типа»³. Значит кулак оставался у т. Бухарина и тогда, когда мы будем иметь поголовное кооперирование крестьянства... Если «правые» признавали, что в отдаленном будущем на основе разбогатевшей деревни мы подойдем к кооперированию, то их кооперативный план не предполагал борьбу с кулаком, а предполагал сотрудничество с ним. Что такая позиция вела к неизбежности возврата капитализма в нашей стране, правым представлялось «совершенно невероятным»⁴. Это говорит лишь о чрезвычайной наивности и политической близорукости правых. Раскрытие и разгром контрреволюционной организации теперь с совершенной оче-

¹ Н Бухарин, Новые задачи в области нашей крестьянской политики, «Правда» № 99, 1925.

² Д. Марецкий, Ревизия ленинизма «слева», «Большевик» № 19—20, 1925, с. 27.

³ Н. Бухарин, Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз, с. 48.

⁴ Там же, с. 50.

видностью показали, что она работала по тому же направлению, которое теоретически защищали правые.

Разрешите мне еще остановиться на одном чрезвычайно важном вопросе, на вопросе о борьбе кондратьевцев против национализации земли, а вместе с тем и на позиции правых в этом вопросе.

Национализация земли в эпоху буржуазной революции расчищает путь для свободного развития капитализма в сельском хозяйстве. Таково неоспоримое положение марксизма. Но столь же неоспоримым является и то марксистско-ленинское положение, что национализация земли в эпоху социалистической революции становится в руках пролетариата одним из могущественнейших факторов, обеспечивающих победу социалистических элементов над элементами капиталистическими.

Практика нашего социалистического строительства уже доказала, что освобождение мелкого крестьянина «от рабской приверженности к своему клочку земли» облегчает тем самым «переход на рельсы коллективизации», что освобождение сельского хозяйства от бремени абсолютной земельной ренты дает в наших условиях «колоссальное превосходство перед мелким крестьянским хозяйством» (Сталин). Национализация земли вместе с национализацией промышленности, банков, транспорта монополий внешней торговли является одной из важнейших «командных высот» пролетариата в его борьбе за социализм.

Не даром поэтому буржуазные реставраторы (Кондратьев, Макаров, Суханов, Хауке и др. в своем теоретическом и практическом вредительстве, в борьбе против социалистического строительства так яростно нападали на нашу национализацию земли.

Поскольку национализация земли была по капиталистическим элементам деревни, по кулачеству, ограничивая его рост, и являлась одним из факторов, подготовляющих ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, буржуазные реставраторы должны были противопоставить нашей национализации земли только защиту частной собственности на землю. Иного пути борьбы с национализацией земли не было. Будучи идеологами буржуазии, Кондратьев и К^о в современную эпоху вообще не могли уже защищать национализацию земли даже как «меру буржуазного порядка», тем более не могло быть этого, когда стоял вопрос о борьбе против советской системы хозяйства.

Нетрудно показать, что вся борьба кондратьевцев против национализации земли была составной частью их общей реставраторской, буржуазной программы. Как и в дру-

гих вопросах контрреволюционной деятельности, здесь задавал «тон» прежде всего Кондратьев

В выступлении по поводу проектов закона о землепользовании и землеустройстве свою программу аграрного законодательства Кондратьев ставит прежде всего в связь с капиталистическим путем развития нашего сельского хозяйства. Он выдвигает контрреволюционный тезис, что коллективизация является отрезом развития производительных сил. Носителем «прогресса» сельского хозяйства для него является кулак. Отсюда логический вывод, что формы землепользования и землеустройства должны обеспечить интересы развития кулацкого хозяйства. «В нашем земельном законодательстве есть страх перед существующим и несуществующим (I) кулаком»¹. Кондратьев рекомендует не проявлять «страха» перед кулаком, т. е. шире развернуть свободу аренды, найма рабочей силы; мало этого, он требует свободы купли и продажи земли. Если у Кондратьева это выражено было в витиеватой, но ясной по намерениям форме—«о надлежащем разрешении вопроса о компенсации (за землю—И. Л.) в широком смысле и условиях отхода от земли», «о надлежащем решении проблемы об аренде и об институте наемного труда»², то у других профессоров от контрреволюции это выражено и более определенно. «Нам нужно подумать,—говорит проф. Хауке,—не следует ли ввести в земельный кодекс изменения,—в пункт, где говорится о том, что односельчане оказывают помощь переселенцам. Нужно требовать денег от населения, которое выигрывает от этого переселения, нужно заставить его компенсировать переселенцев. В какой форме это нужно сделать—это другой вопрос. Я не предлагаю, чтобы переселенец мог продать свою землю первому попавшемуся...»³, но что земля в противовес принципу национализации должна продаваться и покупаться—это заветная мечта, цель борьбы контрреволюционных профессоров.

То же самое, что и проф. Хауке, предлагает и проф. Макаров, стараясь затушевать свою позицию мелкобуржуазными сказками об общине: «Компенсация за отказ от земли,—говорил он,—хотя бы и в денежной форме, не восстанавливает частной собственности на землю и свободы товарного оборота, так как, во-первых, компенсация за уход делается обществом и, во-вторых, земля остается у общества»⁴. Это прикрытие кулака «обществом», общиной, есть одна из форм,

¹ «Основные начала землепользования и землеустройства», с. 180, изд. Комкадемии, 1927.

² Там же, с. 181, 182.

³ Там же, с. 142.

⁴ Там же, с. 148.

в которой профессора хотели протащить реставрацию частной собственности на землю. Марксизм в работах Ленина еще в споре с народниками опроверг мелкобуржуазные представления об общине. Маневр Макарова здесь не нов.

Стремление восстановить частную собственность на землю через ставку в землеустройстве и землепользовании на общину особенно ярко выражено у идеолога общины—реставратора Суханова. Отдать землю в собственность общины—такова стародавняя мечта Суханова. Нам известно, что это значит в классовом отношении. Для марксиста община состоит из определенных классовых групп. Отдать землю в собственность общины—значит сорвать национализацию земли, допустить свободу купли и продажи земли, под фирмой общины допустить концентрацию земли в руках кулачества. Для того чтобы прикрыть этот факт, Суханов создает целую концепцию об общине как форме социалистического преобразования сельского хозяйства. Эта концепция знаменательна тем, что она построена на теории мирного вrastания кулака в социализм. Суханов с этого и начинает. По его мнению, эта теория «врастания», которая «в условиях буржуазного строя была проявлением самого скверного вида реформизма, оппортунизма, ренегатства. ., по сю сторону революции стала лозунгом социалистического строительства»¹. Суханов забыл только добавить, что эта теория является лозунгом правых оппортунистов, а не лозунгом социалистического строительства. Впрочем Суханову такое «уточнение» было невыгодно,—ему, как и всем профессорам-реставраторам, политически было чрезвычайно выгодно выдавать позицию правого уклона за линию нашей партии.

Этим они достигали извращения политики партии в аграрном вопросе, прикрывая свою вредительскую теорию и практику.

Буржуазная теория «мирного вrastания кулака в социализм» в своеобразной форме давно развивалась Сухановым. «Община,—пишет Суханов,—есть хозяйственная диктатура сельсовета. И при таких условиях община в руках советского государства может служить могучим орудием обобществления и социализма»². Кулак, находясь в общине, таким образом мог мирно вrastать в социализм. Что такая теория отражала интересы кулачества, это совершенно очевидно. Практика социалистического строительства в деревне, обострение классовой борьбы в деревне в связи с коллективизацией, ликвидацией кулака как класса опровергали пол-

¹ «Основные начала землепользования и землеустройства», с. 89.

² Там же, с. 95—96

ностью сухановскую, а вместе с ней и правооппортунистическую теорию о мирном сожительстве с кулаком в строительстве социализма. Вместе с тем эта практика показала, что путь развития, рекомендуемый Сухановым и правыми, тащил нас назад к капитализму. Это был путь реставрации капитализма и частной собственности на землю.

Против ставки партии на коллективизацию в вопросах землепользования и землеустройства буржуазные реставраторы выдвигали ставку на индивидуальное хозяйство, т. е. по сути дела ставку на кулацкое хозяйство.

«Основной наш принцип,—говорил проф. Хауке,—это принцип свободы форм землепользования в известных пределах с покровительством коллективной форме»¹. Собственно даже ограничение «покровительства» коллективной форме—здесь вынужденное замечание. В условиях диктатуры пролетариата вредителям надо было скрываться хотя бы за пустые фразы о коллективизации.

Кулацкая идеология реакционной профессуры в борьбе против национализации сказалась в их откровенной позиции лишения земли бедноты и по сути дела середняка. «Не наступил ли тот момент,—спрашивает тот же Хауке,—когда нужно провозглашать, что раз вам дана общая, национализированная земля, то потрудитесь вести на ней хозяйство не ниже некоторого минимального уровня»². Проф. Макаров выразил это в требовании «принципа обязательности для землепользователя вести свое хозяйство достаточно интенсивно и рационально в условиях района»³. Смысл сего кулацкого режима ясен. Если бедняк или середняк не могут вести свое хозяйство «достаточно» рационально, т. е. по их представлениям так, как может вести хозяйство кулак, то такие бедняцкие и середняцкие хозяйства должны быть лишены права пользоваться землей. «Земля для кулака!», «Отобрать землю у бедноты!», «Долой национализацию земли!»—таковы лозунги кулацкой контрреволюции.

Не будем останавливаться на других попытках контрреволюционных аграриев восстановить частную собственность на землю. Нам важно отметить еще следующее. Правые оппортунисты, как и по другим вопросам своей теоретической платформы, по вопросам землепользования и землеустройства также тесно смыкаются с кондратьевщиной. Если они не дошли до тех лозунгов, которые выбросили контрреволюционные профессора, то во всяком случае ставка правых в землепользовании и землеустройстве на индивидуаль-

¹ «Основные начала землепользования и землеустройства», с. 140.

² Там же, с. 141

³ Там же, с. 146

ное хозяйство означала ставку на кулака. Правые в своей теории и практике таким образом подрывали основы национализации земли. Достаточно привести этому несколько примеров.

При выступлении в прениях по поводу земельного кодекса на том самом собрании, где указанные профессора развивали свою вредительскую теорию, где со стороны каждого марксиста-большевика требовалось решительное разоблачение кулацких идей этих профессоров, т. Дубровский высказывает ряд правооппортунистических положений. Прежде всего он «ударение при определении отдельных форм землепользования» делает на «дворе и земельном обществе»¹, а отнюдь не на проблеме коллективизации. В отношении же общины он прямо говорит, что «нам нужно учесть роль общины как организации, которая может и должна регулировать (!) землепользование»². Тов. Дубровский здесь буквально повторил в несколько измененной форме идею Суханова об общине и в дословной форме идею вредителя проф. Рудина, который говорил: «Совершенно неправы те товарищи, которые отрицают земельное общество как землепользователя и как регулятора земельно-хозяйственных отношений»³. Эта подмена государственных органов, регулирующих земельные отношения, общиной есть не что иное, как одна из форм защиты кулачества.

В самом деле, разве не является полнейшим отказом от государственного регулирования землепользования и землеустройства например такое утверждение Дубровского: «Я думаю,—говорит он,—что каждому крестьянину нужно предложить спастись (!) на свой лад»⁴. Разве это не есть отказ от принципа национализации земли, разве это не есть предоставление всего хода землеустройства и землепользования стихии, в которой кулак мог беспрепятственно осуществлять свои интересы. Только наивный в политике человек мог бы не заметить здесь защиты интересов кулака.

«Я считаю,—продолжает там же Дубровский,—что в Сев.-зап. крае мы должны взять линию и апоселковое землепользование». Эта неприкрытая правооппортунистическая защита поселкового землепользования практически, как известно, реализовалась в ряде мест в правооппортунистической практике насаждения отрубков. Таким образом Дубровский не только не дал отпора вылазкам защитников кулачества, но сам встал на их позицию.

¹ «Основные начала землепользования и землеустройства», с. 175.

² Там же.

³ Там же, с. 155.

⁴ Там же, с. 175.

Впоследствии, на конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 г.) т. Дубровский сделал заявление, что «если у меня есть какие-либо формулировки, которые не то что противоречат линии нашей партии, формулировки, которые могут быть даже неправильно истолкованы, я от таких формулировок заранее отказываюсь». Трудно на основе этого заявления сказать, имелись или нет в виду т. Дубровским отмеченные выше правооппортунистические установки (отнюдь не просто—«формулировки»). Допустим, что т. Дубровский имел и их в виду. Однако для характеристики проявлений правого уклона в вопросе о земельных отношениях эти ошибочные установки правого порядка важно было отметить.

Ставка правых на индивидуальное хозяйство, т. е. по сути дела на капиталистический путь развития сельского хозяйства, невольно приводила их в вопросе о земельных отношениях на такую же позицию. В чем они видели основное в земельном кодексе? Наиболее характерно для правых выразил это один из работников в этой области Д. Розит. «Всю работу,—писал он,—по землеустройству крестьянского землепользования мы ни в коем случае не можем считать законченной. Она расчищала и расчищает путь для крестьянского хозяйства по сравнению с теми возможностями, какие крестьянское хозяйство имело при феодально-помещичьем землевладении. Эта работа и на предстоящее пятилетие остается главной работой в области землеустройства»¹. Итак Д. Розит мыслит себе проблему земельных отношений в 1928 г. еще в пределах буржуазно-демократической революции, он считает еще на целое пятилетие «главной» задачей—обеспечение путей развития для индивидуального крестьянского хозяйства более хороших, чем при феодально-помещичьем землевладении! Национализация земли этим аграрникам мыслится в 1928 г. еще как только средство для развития капитализма. Это присуще всем правым. Они не поняли, что национализация земли в условиях диктатуры пролетариата должна быть направлена на усиление социалистических форм развития сельского хозяйства, на преодоление и победу над элементами капиталистическими. Правые не понимали этого даже за год до массового колхозного подъема, за год до начала осуществления сплошной коллективизации и на основе ее решительной ликвидации кулака как класса. Не понимают этого правые и теперь.

---

¹ Д. Розит, Основные вопросы пятилетнего плана землеустройства, «Вестник землеустройства и переселения» № 9, 1928.

Ни в коем случае не следует забывать, что и троцкизм, который давно обнаружил свою контрреволюционную природу, в аграрном вопросе также был устремлен против нашей национализации земли. Достаточно здесь напомнить хотя бы требование троцкистов ввести «рентное обложение крестьянства». В этом требовании в прямой форме отрицался принцип национализации земли в условиях диктатуры пролетариата, отрицалось завоевание Октябрьской революции, что земля отдается в безвозмездное пользование крестьянства. Понятно, что партия решительным образом отвергла это предложение троцкистов, которое непосредственно било по ленинскому союзу пролетариата и крестьянства. Таким образом и троцкизм в аграрном вопросе был тесно связан с кондратьевщиной. Не даром кондратьевцы делали ставку на троцкистов, выдвигая этот же принцип рентного обложения¹.

На этом я заканчиваю свое выступление. Четко различая кондратьевщину и правый уклон в нашей партии, мы не должны забывать их идеологическую родственность. Разоблачая кондратьевщину, необходимо решительно ударить по всякого рода оппортунизму в аграрном вопросе, и, в первую очередь, по правым оппортунистам, которые в своей теории глубокими корнями уходят в кондратьевщину.

---

¹ Студенский, Земельная рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения

Кондратьевцы и правые в вопросах индустриализации страны

Выступление Я. П. Никулихина

Кондратьевщина явилась идеологическим штабом кулачества в нашей стране. Правые в решениях партии названы кулацкой агентурой внутри партии. Кондратьевцы в своей борьбе против советской власти делали ставку на правых. И это не случайно. В ряде основных вопросов политики правые смыкались с кондратьевцами, выступали и выступают прямым рупором враждебных нам классов.

Вопросы, связанные с политикой индустриализации страны, являются одними из главнейших, по которым необходима проверка идеологического родства правых с кондратьевщиной. Правые часто пытались защищаться от обвинений, которые предъявляла партия, тем, что они тоже, мол, поддерживают курс на индустриализацию страны, что они тоже за опережающий темп развития индустрии. Но можно их утешить: проф. Кондратьев также выдавал себя сторонником курса на индустриализацию страны. В 1927 г., выступая против запроектированных темпов еще первого варианта пятилетки Госплана, он писал: «Против ставки на индустриализацию как таковой конечно не может быть никаких возражений. Индустриализация страны—и это подтверждается исторически—является необходимой предпосылкой повышения производительности всего народного хозяйства и повышения уровня благосостояния масс. Значение индустриализации у нас вытекает также из особенностей нашего социального строя и нашего международного положения»¹. Видите, Кондратьев готов даже признать, что курс на индустриализацию вытекает из особенностей нашего международного положения. Больше того, защищая пятилетку Наркомзема РСФСР, составленную им и проф. Макаровым, Кондратьев говорил: «В на-

---

¹ «Плановое хозяйство» № 4, 1927

шем построении нет и намека на то, что сельское хозяйство и промышленность должны развиваться равным темпом и что между ними должна быть мистическая гармония постоянного равенства в развитии... в интересах развития самого сельского хозяйства и всего народного хозяйства необходимо повышение удельного веса промышленности в стране»¹.

Но когда это заявляли Кондратьев и иже с ними, то они имели в виду обычный тип развития и для любой индустриализирующейся капиталистической страны. Они допускали индустриализацию страны, развитие промышленности, во-первых, в той мере, в какой это необходимо было кулацкому хозяйству для сбыта той части продукции, которая не могла быть вывезена на внешний рынок, в той мере, в какой кулацкому хозяйству необходимо было получить часть промтоваров, добавочную к импорту их, во-вторых, для роста и поддержания на высоком уровне цен на с.-х. продукты. Развитие же нашей страны они мыслили только в капиталистическом направлении.

Таким образом в простом признании курса на индустриализацию страны еще нельзя было отличить позиции простого буржуа и коммуниста. Гвоздь вопроса в проблеме индустриализации страны лежал в вопросе о том, какой тип индустриализации страны должен у нас быть (включая и проблему роста экономической самостоятельности), какой темп индустриализации должен у нас быть, какие источники ресурсов определяют этот темп. Именно это определяло судьбы социалистического строительства в нашей стране, определяло то, будет ли у нас социалистический или капиталистический путь развития сельского хозяйства. И мы утверждаем, что в данных вопросах в основном, позиция правых оппортунистов была родственна кондратьевщине.

Кондратьевцы исходили из того, «что особенностью нашего народного хозяйства является превалирование сельского хозяйства над промышленностью»², и они думали эту особенность сохранить. Они прямо заявляли, что мы не «в состоянии изменить основного характера международных хозяйственных связей СССР и преимущественно с.-х. характера страны»³. Они прямо говорили, что должен быть не индустриальный, а аграрно-индустриальный тип⁴ развития на-

---

¹ «Пути сельского хозяйства» № 3, 1926.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Что к сожалению было записано в раннем плане НКЗема РСФСР.

шей страны. Должно юстаться преобладающим сельское хозяйство, а последнее, как известно, по утверждениям кондратьевцев, могло развиваться только по капиталистическому пути. Кулацкие хозяйства должны стать основным источником накопления ресурсов в стране, в том числе и для развития промышленности, к денационализации которой стремились кондратьевцы. Все возможности нашего хозяйственного развития они рассматривали преимущественно через призму развития кулацкого хозяйства. «Только здесь формируются ресурсы,—писал проф Кондратьев в 1927 г.—из которых можно черпать средства как на цели расширения воспроизводства в сельском хозяйстве, так в известной мере и для накопления в государственном секторе»¹.

Еще более резко подчеркивал Кондратьев это положение в своей речи на президиуме Госплана СССР (1925 г.), при обсуждении пятилетки Наркомзема РСФСР:

«Мы говсрили, что развивающееся сельское хозяйство создает рынок для сбыта продукции промышленности и создает приток средств для накопления основного капитала промышленности. Это связь односторонняя. Только при росте сельского хозяйства может создаваться основной капитал для промышленности»². В том же духе писал и проф Макаров: «Главными районами капиталонакопления должны быть районы многоземельного экстенсивного хозяйства. Главными группами хозяйств, накапливающих капиталы, являются группы и районы более крупных хозяйств»³. Сюда они требовали направить основные средства государственных вложений. Здесь через соответствующую политику цен, через повышение с.-х. цен, о чем кондратьевцы всюду вопили, они требовали создать благоприятные условия для накопления. И когда пролетарское государство основную массу вложений направляло по линии индустриализации, когда в интересах индустриализации было усилено наступление на капиталистические элементы города и деревни, кондратьевцы выступили с бешеной атакой против высоких темпов индустриализации. Кондратьев в 1927 г. в докладной записке т. Калинину выступил решительно против «крайностей индустриализма», говорил о том, что мы идем по пути относительно непомогильного развития тяжелой индустрии. В своих статьях в № 4 и 5 «Планового хозяйства» Кондратьев и Макаров выступали против запроекгированных темпов, требовали перераспределения средств, а Макаров даже называл сумму порядка

¹ «Пути сельского хозяйства» № 5, 1927.

² «Плановое хозяйство» № 8, 1925.

³ «Пути сельского хозяйства» № 2, 1926.

800—1 000 млн. р., которую предлагал снять из проектированных вложений в индустрию и торговлю.

Правые конечно открыто не были «за аграрно-индустриальный тип» нашей страны, но все их попытки поставить знак равенства между развитием сельского хозяйства и индустрии, попытки танцевать от сельского хозяйства в вопросах темпов индустриализации, их позиция в вопросах об источниках средств на индустриализацию, их борьба против высоких темпов индустриализации страны—все это на деле вело к тому же, чего требовали кондратьевцы, все это исключало социалистическую реконструкцию сельского хозяйства и вело к капиталистической реставрации. Тов. Бухарин дал такую общую формулу нашей хозяйственной политики, которую Громан публично приветствовал в дискуссии о пятилетке сельского хозяйства как евангелие для экономической политики¹. Вот эта формула: «Условия развития целого и взаимная связь отдельных частей, максимально возможное гармоническое развитие обеих великих отраслей народного хозяйства» Здесь нет и помина об опережающем темпе развития индустрии и необходимости политики высокого темпа индустриализации страны. Здесь в немногих словах дана еще в восстановительный период формулировка теории равновесия, которая потом пышно расцвела в «Заметках экономиста». Здесь т. Бухарин отвлекается от проблемы «кто кого». Проблема классовой борьбы у него совершенно выпадала: капитализм и социализм мирно развивались рядышком. Тов. Бухарин даже допускал в 1927 г., что мы не погибнем, если деревня будет развиваться только по капиталистическому пути. Если троцкисты в политике индустриализации совершенно игнорировали необходимость подтягивания сельского хозяйства, то правые разговаривали о гармонии отраслей народного хозяйства, прикрывая этим политику отказа от высоких темпов индустриализации страны.

В вопросе об источниках индустриализации мы имеем у правых прямо-таки трогательное совпадение с кондратьевцами: т. Бухарин писал: «Накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве»². Именно на частное накопление хотели правые опереться в нашем хозяйственном развитии.

Мы хотим привести яркую на этот счет цитату из статьи т. Бухарина, которая, как нам известно, в печати еще не приводилась. Тов. Бухарин говорил в 1925 г., что надо «раз-

¹ «Плановое хозяйство» № 8, 1925.

² Об экономической платформе оппозиции, с 20

витие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов поставить в такие условия, чтобы оно вместе с частным накоплением все в возрастающей степени обеспечивало укрепление нашего хозяйства»¹. Оказывается, не что иное, как развитие мелкобуржуазных хозяйственных стимулов и частного накопления, во все возрастающей степени должно было обеспечивать укрепление нашего хозяйства. Отсюда понятна ставка правых уклонистов на постоянное развертывание свободного товарооборота, на ограничение регулирующей роли государства на рынке, на развязывание капиталистических отношений в деревне. Одно с другим тесно связано.

Тов. Теодорович, долгое время руководивший Земпланом Наркомзема РСФСР, писал: «Мы видим и будем видеть в дальнейшем передвижку крестьянских хозяйств из низших групп в высшие. Не нужно пугаться этой передвижки вверх, а всемерно ее поддерживать... в этой передвижке крестьянских хозяйств все наше спасение»². Тов. Теодорович, как и ряд прочих правых оппортунистов, все ресурсы для индустриализации видел в экспорте с-х продуктов, которые будут поставляться кулацкими хозяйствами. В своей статье «Индустриализация сельского хозяйства» он насчитывает следующие пять путей для решения проблемы капиталов: «Первый путь—путь военно-коммунистического изъятия из деревни; второй—путь обложения сельского хозяйства; третий—путь эмиссии; четвертый—путь изъятия при помощи механизма цен; пятый—путь экспорта»³.

Все пути у него вертятся вокруг мобилизации накопления, производящегося в сельском хозяйстве, из которых т. Теодорович отдает предпочтение последнему пути—экспорту с-х. продуктов. «Это единственный основной путь», говорит он. О накоплении на собственной социалистической основе, о накоплении в самом социалистическом секторе т. Теодорович ни слова не говорил. О решающем значении накопления в самом социалистическом секторе в период реконструкции для финансирования индустриализации страны ни т. Бухарин, ни другие правые не говорили. Троцкисты это тоже забывали. Источники ресурсов на индустриализацию они связывали главным образом с накоплением в крестьянском хозяйстве, точнее с накоплением верхушки деревни. Поэтому они проявляли огромную заботу о том, чтобы обеспечить благоприятные условия для такого накопления. Накопление в социалистической промышленности по мнению правых пре-

---

¹ Н. Бухарин, О новой экономической политике.

² «Пути сельского хозяйства» № 11—12, 1926.

³ Там же, с. 7.

допределено было накоплением в крестьянском хозяйстве. В этом сказалось наиболее ярко философия крестьянской ограниченности.

Мы уже не говорим о концепции Шанина—Сокольников, державших явный курс на аграризацию страны.

Наиболее ярко блок правых и кондратьевцев запечатлелся в одном совместном документе: «Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства», «Труды Семплана», вып. XIV, 1928 г., под редакцией т. Теодоровича. Во всей этой книге командная роль в развитии народного хозяйства присвоена сельскому хозяйству. В четырех основных условиях оптимального соотношения темпов индустрии и сельского хозяйства в этой книге не нашлось места ни социалистическому строительству, ни росту экономической самостоятельности нашей страны. Темпы индустрии всюду поставлены в зависимость от темпов сельского хозяйства, причем наиболее ярко выдает их позицию последней критерий оптимального соотношения темпов развития различных отраслей народного хозяйства. В «Материалах» записано: «Чем более страна перенасыщена живой рабочей силой и чем меньше она насыщена капиталом (орудиями и средствами производства), тем настойчивее она должна стремиться (в отличие от богатых и перенаселенных стран) обеспечить возможность приложения труда для наибольшего количества своего активного населения. Иначе говоря, те или иные капитальные вложения, при прочих равных условиях, должны направляться в отрасли, которые относительно наиболее трудоемки или, наоборот, относительно малокапиталоемки» (с. 46). И здесь же в книге приводятся яркие данные о высокой капиталоемкости металлообрабатывающей, химической, цементной, автомобильной и других видов промышленности. Здесь кондратьевцы и правые из тогдашнего руководства Наркомзема РСФСР прямо давали директиву: не производи вложений, поменьше вложений в тяжелую индустрию. Борьба против высоких темпов индустриализации здесь наблюдается даже в развернутом виде. Болтая на многих страницах о бескризисности развития народного хозяйства, кондратьевцы предлагали такие условия для бескризисности, которые на деле готовили жесточайший народнохозяйственный кризис. Он нужен был им для срыва социалистического строительства, для ликвидации диктатуры пролетариата. Партия проведением правильной ленинской линии, жестокой борьбой с буржуазным вредительством и правыми, предотвратила этот кризис.

Интересно отметить, что кондратьевцы и правые в своей борьбе против темпов индустриализации иногда прибегали к ссылкам на Ленина. Кондратьев говорил на президиуме Госплана в 1925 г., что он хочет идти под лозунгом Ильича «Начать нужно с крестьянства». В таком же духе делались попытки и со стороны правых. Это нельзя назвать иначе как явной фальсификацией взглядов В. И. Ленина. В 1921 г. в период жесточайшего топливного, сырьевого и продовольственного кризисов, в период крайнего падения промышленного производства т. Ленин говорил о том, что «начать нужно с крестьянства». Но подъем и развитие мелкой промышленности по т. Ленину были нужны не сами по себе, а для того, чтобы восстановить и развить крупную промышленность, которая только одна способна реорганизовать и земледелие. Задача заключалась в том, чтобы «уцепиться за наличную мелкую отсталую промышленность или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему рядовому крестьянину экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности»¹.

Мы говорим: «Крупная промышленность—единственное средство спасти крестьянство от нужды и голода»²; «Так называемая «тяжелая индустрия»—основная база социализма»³. И «тот, кто забывает это, тот не коммунист». И т. Ленин требовал «всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной индустрии». В статье «О Рабкрине» т. Ленин писал: «Или мы сумеем развить у себя крупную промышленность или мы как цивилизованная страна погибнем».

Только в развитии крупной промышленности, в электрификации всей страны В. И. Ленин видел возможности для реорганизации нашего земледелия, возможности для построения социализма в нашей стране. И когда правые уже в 1928 и 1929 гг., после огромных наших хозяйственных достижений, по примеру кондратьевцев пробуют изобразить Ленина поборником мелкого крестьянского хозяйства, это только лишний раз подтверждает, как они далеко отходили от ленинизма.

Правые не понимали решающей роли индустрии в реконструкции сельского хозяйства. У правых «исходным пунктом является не развитие индустрии,

---

¹ В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1, с. 414.

² Там же, с. 334.

³ Там же, ч. 2, с. 76.

как рычага реконструкции сельскохозяйственного производства, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства» (Сталин), «ключом реконструкции сельского хозяйства является... не усиленный темп развития индустрии, а развитие индивидуального крестьянского хозяйства» (Сталин). Они хотели темп индустриализации страны приспособить к уровню мелкого индивидуального хозяйства, на котором они собирались ехать еще очень долгое время. Поэтому правые выступали против высоких темпов индустриализации. Они выступали против темпов даже уровня 1928/1929 г. (24%-й рост промышленной продукции при 1 600 млн. р. вложений в промышленность), т. Бухарин говорил о «чрезмерности взятых темпов индустриализации, он писал осенью 1928 г., что «мы идем с напряжением огромным», и что нужно понять, что «мы должны сохранить, а не раздуть этот темп» («Заметки экономиста», с. 52).

В начале 1929 г. т. Бухарин высказался в том же духе: «Нелепо давать ассигнования, если нет (а нельзя за год произвести) строительных материалов»; «Мы почти наверняка принуждены будем резать прежние производственные программы». И правые не только говорили о необходимости снизить темп индустриализации, но они предлагали для этого целую систему мероприятий: двухлетка, поквартальные цены, ввоз хлеба из-за границы за счет сокращения ввоза оборудования и т. п.

Мы имеем факты еще до показаний в ГПУ, как Кондратьев публично присоединился к т. Бухарину и борьбе про-заявил: «Я согласен с Бухариным в том, что если нет кирпича, то строить нельзя. Если хотите, то надо равняться по узким местам. По-моему нет другого выхода» Этот поцелуй классового врага очень характерен.

Борьба против высоких темпов индустриализации и за сохранение характера довоенных хозяйственных связей нашей страны с мировым рынком—на деле была направлена против роста экономической самостоятельности и независимости СССР. Но мы имеем еще ряд прямых выступлений на этот счет. Известна позиция Базарова против развития новых отраслей промышленности СССР. Стремление развить все отрасли индустрии в СССР он даже назвал «промышленным империализмом». Кондратьев писал в 1927 г., что мы развиваем даже «и те отрасли, которые не имеют значительных перспектив для развития внутри страны и которые исторически не получили у нас заметного развития. Это вынуждает нас стоять на почве огульного протекционизма в отношении всей промышленности и в силу этого в нашей им-

портной политике или совершенно отказываться от ввоза иностранных товаров, или прибегать к чрезмерно высокому обложению ввозимых товаров». По существу здесь Кондратьевы и Базаровы выступали против развития тяжелой индустрии, ибо в прошлом не получили значительного развития следующие отрасли промышленности: машиностроение, химическая, электротехническая и строительных материалов. К тому же во всех странах гигантски стали расти за послевоенный период такие молодые отрасли, как автомобилестроение, авиационная промышленность и т. п. Кондратьевцы не хотели развития всех этих отраслей и в составе импорта они стремились снизить долю оборудования. Правые, выступая против высоких темпов индустриализации страны, подпевали в этом деле кондратьевцам. Интересно, что в пятилетке Земплана от 1927 г. критерий независимости совершенно выпал.

Развитие нашего сельского хозяйства, по утверждениям кондратьевцев, определялось преимущественно мировым рынком. Проф. Месснер, планировавший механизацию сельского хозяйства в Госплане, писал:

«Одним из таких внешних факторов, которые в значительной степени предопределяют механизацию нашего сельского хозяйства, остается внешний рынок. Цены на продукцию сельского хозяйства на мировом рынке—а на нем-то мы и должны базировать дальнейшее развитие сельского хозяйства—еще не установились на каком-либо определенном уровне; наша возможность конкурировать с другими странами не определилась; и до тех пор, пока останется в силе неопределенность наших взаимоотношений с мировым рынком, нельзя очертя голову идти на ломку всего хозяйства¹.

Теодорович писал, что рост кулацких хозяйств есть «предпосылка экспорта, а экспорт приведет к возможности импорта, а импорт в конечном счете решает вопрос о коллективизации». Не развитие собственной индустрии решает вопрос, а импорт.

Троцкисты также не видели связи подъема сельского хозяйства с развитием индустрии, решающую роль в деле реконструкции сельского хозяйства они тоже отводили внешнему рынку. Троцкий писал: «Решающее значение внешней торговли для нашего сельского хозяйства совершенно очевидно. Индустриализация, а следовательно и коллективиза-

---

¹ «Плановое хозяйство» № 4, 1926.

ция земледелия пройдут параллельно с ростом экспорта»¹. Комментарий здесь излишни. Не даром Троцкий мыслит теперь коллективизацию в масштабе десятилетий.

Какие перспективы развития сельского хозяйства определялись идеологами кулачества при низком темпе индустриализации страны и какова их линия развития? Какие перспективы стали возможными при высоком темпе индустриализации страны, при развитии по генеральной линии партии?

Теперь на этот счет можно произвести интересные сравнения.

Начнем с капитальных вложений в сельское хозяйство. Кондратьевцы и правые требовали урезки вложений в индустрию ради увеличения вложений в сельское хозяйство. Они кричали о том, что крупные вложения в индустрию режут сельское хозяйство. Они пугали нас тем, что, наступая, ликвидируя кулака, мы подрезаем базу накопления. Что же в действительности мы имеем? Пятилетка Кондратьева и Макарова (1927—1932 гг.) намечала всего вложений 3 194 млн р., генеральный план Огановского и Вишневого (1926—1940 гг.) 12 млрд. р. вместе со средствами населения. На деле уже за первые 3 года текущей пятилетки мы вложим около 10 млрд. р.

Финансирование сельского хозяйства по данным Госплана СССР (в млн. р.)

	По госбюджету и кредиту	Всего, включая и долевое участие средств населения
1928/29	776,0	1 297,0
1929/30	1 644,3	2 634,1
1930/31 ²	3 676,5	5 625,3
Итого 6 096,8		9 556,4

Если по пятилетке 1927 г. Госпланом намечалось всех вложений в госпромышленность 5 653,6 млн. р., что казалось тогда чрезмерным Кондратьеву и Макарову, то теперь всего за 3 года только по госбюджету и кредиту мы вкладываем в одно только сельское хозяйство значительно больше. В одно только 1931 г. в сельское хозяйство будет произведено всех вложений больше, чем предполагалось вложений в госпромышленность по всей пятилетке 1927 г. Всего же в текущую пятилетку, как определяют некоторые работники Гос-

¹ «К социализму или капитализму», 1925, с. 43.

² По контрольным цифрам, намеченным до перенесения начала хозяйственного года на 1 января.

плана, будет вложено не менее 25 млрд. р.¹, или в 8 раз больше, чем предполагали Кондратьевы и Макаровы, в период же генерального плана будет вложено минимум в 10 раз больше, чем предполагали Огановские и Вишневские. Составляя пятилетку, Кондратьев и Макаров вкупе с правыми (Теодорович и т. п.) не могли и мечтать о вложениях в 7,5—15 млрд. р. Они говорили о материалах наркомземовской пятилетки: «Если бы затратить предположительно 300—500 р. на одно хозяйство, то в отношении всех хозяйств это означало бы затрату в 7,5—15 млрд. р. Ни государство, ни сельское население не могут на предстоящее пятилетие выделить такие средства». На основе же проведения не только темпов, проектировавшихся Госпланом в 1927 г., но еще более высоких темпов индустриализации страны на базе коллективизации сельского хозяйства оказалась теперь возможной такая программа финансирования в масштабе пятилетки, о которой буржуазные экономисты и правые оппортунисты не смели мечтать. Она оказалась возможной при самом форсированном наступлении на капиталистические элементы города и деревни, при ликвидации кулачества как класса, на основе сплошной коллективизации. Легенда о том, что мы можем ехать на накоплении верхушки деревни, разбита теперь в пух и прах.

Высокий темп индустриализации страны и социалистическая реконструкция сельского хозяйства вскрыли такие капалы накопления внутри страны, такие резервы для ускорения темпов, которые на голову разбили все доводы трубадуров капиталистического пути развития сельского хозяйства, сторонников аграризации страны. Накопления на собственной социалистической основе стали настолько огромными, что оказалось возможным направление крупных ресурсов на социалистическую переделку крестьянских хозяйств. Это главным образом позволило финансирование сельского хозяйства по госбюджету и кредиту поднять с 530,5 млн. р. до 1 644,3 млн. р. в 1929/30 г. и увеличить финансирование в 1931 г. в семь раз по сравнению с 1927/28 г. Те материальные жертвы, которые несло крестьянство в первые годы курса на индустриализацию, теперь возвращаются умноженными в форме финансирования мероприятий по социалистической реконструкции самого сельского хозяйства.

С другой стороны, социалистическая реконструкция самого сельского хозяйства, сплошная коллективизация важ-

---

¹Осторожно принимая вложения для 1932 г. в 7 млрд. р. для 1933 г. — в 9 млрд. р. В действительности вложения за эти годы будут еще выше

нейших районов, гигантски расширила наши возможности в деле мобилизации накоплений, образующихся в самом сельском хозяйстве, и обеспечивает такое их эффективное применение, о каком нельзя было и мечтать при мелком распыленном хозяйстве. Кроме того мобилизация крестьянских средств производства на миллиарды рублей и их более производительное использование в коллективном хозяйстве открывают дополнительные источники для ускорения темпов развития сельского хозяйства и всего народного хозяйства

О темпах развития сельского хозяйства

Известно, что вредители и оппортунистические элементы ВКП(б) выступили с теорией затухающей кривой развития индустрии. Кондратьевцы выступили защитниками затухающей кривой развития и для сельского хозяйства¹. В восстановительный период мы имели такую тенденцию роста валовой продукции сельского хозяйства: от 1923/1924 г. к 1924/1925 г.—9% роста валовой продукции, от 1924/1925 г. к 1925/1926 г.—6%, от 1925/1926 г. к 1926/1927 г.—5%.

Макаров, приводя эти данные из пятилетки Госплана 1927 г., ратуя за предположенный ею темп роста в 5%, пишет: «При наличии затухающей кривой темпов предположение среднего годового роста в 5% говорит о каком-то переломе, говорит как бы о том, что с 1926/1927 г. мы выходим из-под затухающей кривой». И Макаров со всей силой обрушивается на эти скромные предположения Госплана, сравнивая некоторое ускорение темпов с «бегом»². Макаров спрашивает: «Имеются ли в рыночной предпосылке плана условия для того, чтобы сельское хозяйство росло темпом не довоенным—в 3%,—при перевёрнутом положении конъюнктурных «ножниц», а темпом в 5%, при невыгодном для сельского хозяйства растворе «ножниц» Макаров пытался доказывать, что это не удастся. А что же мы видим спустя три года? Мы видим, что благодаря высокому темпу индустриализации страны и широкому приступу к социалистической реконструкции сельского хозяйства темпы роста продукции сельского хозяйства круто поднимаются вверх. По «Контрольным цифрам Госплана на 1930/1931 г.» до объявления перехода на но-

¹ См. статьи Макарова в журнале „Плановое хозяйство“ № 5 1927 г.

² С. Прокопович за 5 лет поред войной средний годовой темп роста установил в 2,5% по Европейской части территории России и более высокий по Азиатской части. Его плановские специалисты довоенные темпы установили для территории СССР в 3,5%.

вый год, запроектирован темп прироста продукции на 18%. В дальнейшем, при расширении посевной площади, увеличении урожайности, поголовья и продуктивности скота, при повышении качественных показателей социалистического сектора, мы можем иметь как минимум 20% ежегодного прироста валовой продукции сельского хозяйства вместо 5% последних лет восстановительного периода и 4,6% средне-годового ежегодного прироста валовой продукции, который намечали Огановские и Вишневские в своем генеральном плане. Какие слова подберут теперь вышеуказанные экономисты и оппортунисты для характеристики данных темпов? Теории вредителей о затухающем темпе развития наносится сокрушающий удар и по линии сельского хозяйства. Мы не только уже в ближайший период будем иметь высокий темп развития сельского хозяйства, но и на долгий период все возрастающий темп. Мы еще только подходим к моменту, когда развернутся в полном объеме гиганты индустрии, работающие на обслуживание средствами производства сельского хозяйства, когда будет реализоваться все богатство преимуществ крупного социалистического земледелия. Промышленность решительно подтягивает темпы развития сельского хозяйства. Сбиваются слова Маркса, что земледелие относительно отстает в своем развитии только на буржуазной основе. Развитие производительных сил на социалистической основе ликвидирует противоположность между городом и деревней.

Известно, как много теперешние вредители распинались об аграрном перенаселении. Они предсказывали наличие аграрного перенаселения в течение всего генерального плана. Н. Огановский писал: «Ни уход в города, ни переселение решающего значения здесь (в изживании аграрного перенаселения) иметь не могут». В действительности на основе высокого темпа индустриализации страны и коллективизации деревни проблема аграрного перенаселения потеряла свою актуальность и находится на пути полного своего изживания.

Низкий темп индустриализации страны исключал бы возможность подведения новой материально-технической базы под колхозы и совхозы. Без высокого темпа индустриализации невозможны были бы закрепление сплошной коллективизации и выполнение гигантской программы совхозного строительства.

Ранняя пятилетка Наркомзема РСФСР, составленная Кондратьевым и Макаровым, срок которой истекает, намечала внедрение всего тракторов (19 тыс.) и с.-х. машин и орудий на 540 млн. р. за все пять лет. В действительности же в текущую пятилетку будут внедрены в сельское хозяйство сотни тысяч тракторов и на миллиарды рублей с.-х. машин и ору-

дий. С.-х. специалистами Госплана намечалось за 15 лет (1926—1940 гг.) дать сельскому хозяйству всего 175 тыс. тракторов и притом все за счет импорта. Предполагалось обработать тракторами всего лишь 12 млн. га посева. В действительности же механическая обработка охватит полностью полеводство уже в первой половине следующего пятилетия. Электрификация сельского хозяйства намечалась в ничтожных размерах. К концу генерального плана мы можем в основном осуществить широкую электрификацию сельского хозяйства. Применение химических удобрений, при самом широком их импорте, намечалось в 20 раз меньше, чем это необходимо и возможно к концу генерального плана при высоком темпе индустриализации. Потребность реконструируемого сельского хозяйства СССР в химических удобрениях скоро превысит производственную мощность мировой капиталистической туковой промышленности. А какая гигантская масса строительных материалов нам будет необходима только для одного реконструируемого сельского хозяйства. И все это можно осуществить только при высоких темпах индустриализации страны.

Повышение темпов развития большинства отраслей промышленности является теперь настоятельной необходимостью для социальной и технической реконструкции сельского хозяйства. На протяжении ближайшего десятилетия у нас, несмотря на гигантский рост, будут в большом минимуме металл, горючее, химия, машиностроение, электротехника и строительные материалы. Мы должны задать прямо-таки бешеные темпы развития для данных отраслей промышленности. И прав был т. Сталин, когда писал: «Теперь даже слепые видят, что если и есть какое-либо серьезное недовольство у основных масс крестьянства, то оно касается не колхозной политики советской власти, а того, что советская власть не может угнаться за ростом колхозного движения в деле снабжения крестьян машинами и тракторами» (Сталин). Борьба за высокие темпы индустриализации СССР, за завершение сплошной коллективизации в основном к концу пятилетки есть решающее условие для построения социализма в нашей стране.

В заключение необходимо остановиться на том, какое государство хотели создать вредители. Всех их стремления по существу были направлены на создание фашистского государства, как бы оно внешне ни называлось: буржуазно-демократической республикой, парламентской республикой и т. п. Сильное кулацкое хозяйство, тесно связанное с мировым капиталистическим рынком, концессии, денационализация важнейших отраслей промышленности, пол-

ная зависимость от финансового капитала крупных капиталистических стран, разгром молодых отраслей промышленности, отмена национализации земли, террор по отношению к рабочему классу и бедняцко-средняцким массам крестьянства, нищенский материальный уровень для трудящихся, ликвидация завоеваний социалистической революции—вот конечные чаяния вредителей, вот каков был бы результат, если бы страна развивалась по путям, которых хотели Кондратьевы, Макаровы и иже, с ними. Но все их расчеты не учли силы настоящего хозяина нашей страны и мощи социалистического строительства.

Правые оппортунисты конечно субъективно не хотели выполнения такой программы. Субъективно они были за социалистическое строительство. Но, выступая против высокого темпа индустриализации страны, выступая за свертывание коллективизации и строительства совхозов, танцуя все время от индивидуального хозяйства и стремясь его увековечить, требуя свободы развития для кулацкого хозяйства, они усиливали позиции наших классовых врагов, ослабляли фронт социалистического строительства, дезориентировали рабочий класс. Линия правых по существу вела к срыву социалистического строительства. Правые расчищали почву представителям капиталистической реставрации. Правые были трамплином, по которому кондратьевцы надеялись притти к власти и установить фашистскую диктатуру.

Вопросы плана и рынка по Кондратьеву

Выступление Я К Берзтыса (Ленинград)

Все остатки разбитых в революции партий меньшевиков, эсеров и кадетов, из которых сложилась контрреволюционная организация, возглавляемая Кондратьевым, объединяла борьба за свержение советской власти, за установление буржуазно-демократического строя, за капиталистический путь развития нашего народного хозяйства. В перспективе практическое осуществление этой контрреволюционной установки неизбежно привело бы к победе капитализма—как в городе, так и в деревне, как над социализмом, так и над мелким товарным производством

Какой же теоретический базис Н. Кондратьев и К^о подводят под свою политическую платформу? Первый и основной вопрос, решение которого характеризует теоретическое обоснование платформы кондратьевщины,—это вопрос о соотношении плана и рынка в развитии производительных сил на основе советского строя. Если мы считаем неизбежным на основе развития и укрепления социалистических хозяйственных командных высот, прежде всего промышленности, расширение и укрепление планового начала в нашем народном хозяйстве за счет соответствующего сокращения роли рынка, то Н. Кондратьев трактует рынок как основной, в лучшем случае равноценный плану регулятор развития производительных сил СССР. Наша трактовка соотношения плана и рынка в условиях СССР логически вытекает из диалектической трактовки соотношения промышленности и сельского хозяйства в их развитии, из признания руководящей, ведущей, роли в этом развитии за промышленностью. Эклектическая механическая трактовка соотношения плана и рынка Н. Кондратьева вытекает из его же механической трактовки соотношения промышленности и сельского хозяйства в их развитии, из отрицания руководящей роли промышленности и признания за сельским хозяйством способности самостоя-

тельного развития в силу заложенной в нем особой «внутренней инерции» Для Кондратьева рынок является той щелью, через которую получают развитие капиталистические элементы в нашем народном хозяйстве Поэтому он ухватывается за рынок, стойко стоит на защите условий свободного его развития и возводит его чуть ли не в основной фактор развития производительных сил советского хозяйства. И не случайно поэтому, что контрреволюционная организация Кондратьева в своей сфере влияния имела как раз Наркомзем, Наркомфин, конъюнктурные институты Наркомфина СССР и Госплана, т. е. высшие государственные хозяйственные органы, более связанные с рынком и мелким товарным производством. Их практическая работа в этих учреждениях направлялась прежде всего на расширение и углубление нэпа, на развязывание рынка как основной силы товарно-капиталистического неорганизованного хозяйства.

Программа экономической политики кондратьевщины получила свое конкретное выражение в двух документах: в «Перспективном плане развития сельского хозяйства 1923—1928 гг.» и в тезисах Н. Кондратьева «Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией». Первый из этих документов появился в 1924 г., второй—в 1927 г. Хотя эти документы появляются в разное время, но между ними нет принципиальной разницы. Второй из них является только более конкретным открытым выражением всех тех основных положений, которые получили выражение еще в «Перспективах» в условиях обостряющейся борьбы между социализмом и капитализмом. Если вы возьмете «Перспективы развития сельского хозяйства», т. е. пятилетку кондратьевщины, которую они раньше и последовательно защищали против проектов пятилеток Госплана, и если вы проанализируете эти «перспективы» со стороны их теоретического обоснования, то вы легко убедитесь, что в основе их лежит буржуазная теория факторов По этой теории каждый из семи факторов развития производительных сил сельского хозяйства, выдвинутых Н. Кондратьевым является вполне самостоятельным и находится только в функциональной связи с любым из других, что позволяет Кондратьеву объяснить с-х прогресс на капиталистический лад, свести его к росту народонаселения и организующей и стимулирующей роли рынка. Но, поскольку основным регулятором развития производительных сил сельского хозяйства признается рынок, постольку это развитие будет протекать по тем же самым путям, по которым оно проходило еще в рамках капитализма И действительно, все директивные идеи, нашедшие воплощение в

«Перспективах», а именно ставка 1) на интенсификацию, 2) на рационализацию экстенсивного хозяйства, 3) на повышение товарности крестьянского хозяйства, 4) на индустриализацию сельского хозяйства, исходят из того предположения, что наметившиеся еще до войны тенденции развития сельского хозяйства будут восстанавливаться и развиваться дальше на основе нэпа. Следовательно в том же направлении и в той же форме должна протекать дифференциация крестьянства, которую автор из стратегических соображений в данном случае замалчивает.

Эта же теория факторов дает возможность Кондратьеву умалить значение крупной индустрии в развитии народного хозяйства. Крупная индустрия у нас в руках пролетариата служит основным материальным базисом для все большего и большего внедрения планового начала во все народное хозяйство. Поэтому Кондратьев разделяется с крупной промышленностью, как ведущим началом, заявлением, что развитие сельского хозяйства и его планирование независимы от развития и планирования крупной промышленности, что сельское хозяйство развивается в силу внутренней своей инерции. Таким образом Н. Кондратьев дает теоретическое обоснование неизбежности капиталистического пути развития сельского хозяйства на основе развития нэпа. Поэтому платформа контрреволюционной организации, возглавляемой Кондратьевым, есть программа капиталистического пути развития сельского хозяйства в противоположность социалистическому, есть теоретическая и практическая защита капиталистического пути развития сельского хозяйства через использование советского государственного аппарата.

Для чего, спрашивается, надо было Кондратьеву начать с теоретической и практической защиты капиталистического пути развития сельского хозяйства, а не всего народного хозяйства? Для того, чтобы путем развития сельского хозяйства в направлении к капитализму готовить ту классовую силу—кулачество, опираясь на которую можно было бы произвести свержение советской власти и установление буржуазно-демократического строя и практически подойти к денационализации нашей промышленности. И мне кажется, когда здесь речь идет об их ставке на иностранную промышленность, то это пожалуй скорее надо рассматривать не как программную, а как тактическую ставку, обусловленную тем объективным фактом, что у нас крупная промышленность находится в руках пролетариата. Поэтому сперва надо подготовить все необходимые условия для свержения диктатуры пролетариата и денационализации промышленности, а только после осуществления этих задач развитие сельского хо-

зяйства пойдет по капиталистическому пути под руководством уже своей отечественной капиталистической промышленности.

Та же самая ставка на рынок, как на основной регулятор, и на присущие ему капиталистические тенденции развития нашего хозяйства положена в основу тезисов Кондратьева на тему «Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией». Только в тезисах основные положения перспективного плана получают более четкую, ясную формулировку и расшифровку, на что вынуждает Кондратьева начинающееся наступление социализма на капиталистические элементы. Н. Кондратьев в тезисах открыто выступает против взятых темпов индустриализации, против расширения государственного и кооперативного сектора в области обмена, против роста заработной платы рабочих и против помощи бедноте, за ревизию монополии внешней торговли в сторону ее ослабления и последующей отмены, за свободное развитие частной внутренней торговли, за курс на индивидуальные кулацкие хозяйства. Словом Н. Кондратьев и здесь выступает в защиту частного внутреннего и международного рынка как основной регулирующей силы неорганизованного товарно-капиталистического хозяйства, в противовес крепнущему из года в год плановому началу в нашей хозяйственной системе. И здесь Кондратьев выступает в роли защитника капитализма в сельском хозяйстве как неизбежного продукта свободного действия рыночного регулятора.

Наконец возьмем вопрос о сущности плана и планирования. Наши расхождения с Кондратьевым и Макаровым, которые больше всего выступали в печати по этому вопросу, начинаются разногласиями по вопросу о характере единства элементов предвидения и директивы, о трактовке соотношения между предвидениями и директивой. Кондратьев исходит из того, что два сектора народного хозяйства — социалистический и частнокапиталистический — являются самостоятельными и находятся между собою в функциональной зависимости. Поэтому точно такую же трактовку он дает и соотношению между предвидением и директивой в народно-хозяйственном плане. Так например Кондратьев в своих «Критических замечках о плане развития народного хозяйства». («Плановое хозяйство» № 4, 1927) пишет следующее по интересующему нас вопросу: «Наши усилия и мероприятия для реализации заданий могут сделать многое. Но все же они не всеисильны. Они будут развиваться в конкретной обстановке будущего, в которой огромное значение имеют чисто стихийные процессы. И действительный результат, к кото-

рому приведут наши усилия и мероприятия, определится сочетанием нашего действия и действия объективной среды, в которой они будут протекать. При плановом строительстве нам приходится решить задачу не только о наилучшей комбинации имеющихся хозяйственных элементов, но и вопрос о том, в каких размерах и в каком виде эти элементы будут даны или могут быть обеспечены в настоящее время и в будущем. Эти элементы построения мы не можем и не имеем права брать как данные или заданные». Как видим, по Кондратьеву и план влияет на стихию, и стихия влияет на план; и директива влияет на предвидение, и предвидение влияет на директиву. Но в конце концов ограничивающим, лимитирующим, сферу действия директивы моментом выступает предвидение, т. е. иными словами стихийные элементы нашего народного хозяйства. По Кондратьеву не план ограничивает, вводит в определенные рамки, стихию, а, наоборот, стихийные элементы, элементы предвидения, определенным образом ограничивают активную роль пролетариата в деле планомерного развертывания производительной силы страны по пути к социализму. Таким образом и в своей трактовке сущности народнохозяйственного плана и планирования Н. Кондратьев выступает как защитник капиталистического пути развития нашего народного хозяйства под действием рынка как основного регулятора. Н. Кондратьев здесь выступает в роли теоретика «самотека», ибо трактовка планирования как равенства по узким местам нашего народного хозяйства есть не что иное, как отказ от активного преодоления всех объективных препятствий, стоящих на пути строительства планового социалистического хозяйства. Теория самотека по своему существу является капиталистической, неизбежно вытекающей из капиталистического производственного отношения, и находится в непримиримом противоречии с социалистическим производственным отношением, включающим в себя активное плановое начало.

Возьмите теперь и сопоставьте точку зрения Н. Кондратьева с точкой зрения правого уклона по двум основным вопросам. Возражая против моей трактовки соотношения промышленности и сельского хозяйства в их развитии, т. Теодорович писал следующее: «Основным фактором, определяющим общее направление и развитие сельского хозяйства, является крупное промышленное производство, в системе которого сельское хозяйство составляет лишь отдельную отрасль, подчиняющуюся общим законам развития капиталистической промышленности. Вот центральный пункт берзтысовской постановки вопроса. Я назвал этот пункт совершенно неприличной карикатурой на марксистское учение... Вы-

слушайте такого свидетеля, как т. Бухарин. В том же номере 14 «Большевика» за 1924 г., где я журил т. Берзтыса, Бухарин пишет: «Развитие промышленности есть функция всего народного хозяйства, и обе части народного хозяйства (сельское хозяйство и промышленность—И Т.) находятся во взаимодействии и взаимно оплодотворяют друг друга». Очевидно, что формула Бухарина на голову разбивает формулу Берзтыса. Выводить последнюю из первой было бы так же глупо, как если бы кто-нибудь другой вывел из бухаринской тезы примерно такое положение: «Основным фактором, определяющим направление развития крупного промышленного производства, является сельское хозяйство, в системе которого крупная промышленность составляет лишь отдельную отрасль» («Большевик» № 1, 1925 г.). Я привел эту цитату для того, чтобы подчеркнуть, что еще в 1924 г. т. Бухарин дал свою эклектическую трактовку соотношения промышленности и сельского хозяйства, легшую впоследствии в основу платформы правого уклона, что дало возможность И. Теодоровичу прятаться за спиной т. Бухарина в своей защите Н. Кондратьева.

Дальше возьмите трактовку сущности плана и планирования, которую Н. Бухарин дает в «Заметках экономиста». Разве здесь он не развивает теорию равнения по узким местам, теорию самотека! И здесь в этом вопросе диалектический подход заменяется эклектизмом

Теперь разрешите остановиться еще на политической стороне вопроса. Мы рассматриваем сейчас теоретические, методологические, основы платформы контрреволюционной организации Н. Кондратьева; но нам чрезвычайно важно также коснуться вопроса о том, каким образом контрреволюционная организация с такой открытой программой, нашедшей воплощение в пятилетнем плане, нашедшей выражение в «Тезисах» Кондратьева, так долго могла уживаться рядом с партией, в рамках советской власти. Благодаря чему эта организация получила возможность пользоваться такими высокими учреждениями, как Наркомзем, Наркомфин и Госплан, для защиты не только теоретической платформы, но также и практического проведения своих программных требований? И вот над этим вопросом надо серьезно в настоящее время задуматься, этот вопрос надо серьезно разобрать для того, чтобы вывести из этого соответствующий урок для будущего.

И мне кажется, что основная причина, обеспечившая такое длительное существование и саму возможность довольно неприкрытой контрреволюционной вредительской работы в ряде наших центральных ведомств, научноисследо-

вательских учреждений и вузов,—это установившаяся смычка между отдельными членами партии и буржуазными специалистами. Часть партийных товарищей, посланных партией на ответственные руководящие посты в эти учреждения для защиты и проведения на практике правильной политики пролетариата, сознательно или несознательно попала под влияние враждебных делу строительства социализма элементов, потеряла свое классовое чутье и бдительность по отношению к этим элементам. Вместо того чтобы проводить установки партии, защищать партийную линию в своей практической работе, эти товарищи превратились в орудие контрреволюционной организации и объективно творили контрреволюционное дело. Возьмите например такого представителя нашей партии, как И. Теодорович. Его роль особенно выпукла и позорна в деле легализации этой контрреволюционной организации и в допущении создания в Земплане Наркомзема РСФСР штаба контрреволюционной организации. Он сыграл в этом отношении такую большую роль потому, что пользовался доверием в партийных кругах и как председатель Земплана, и как достаточно теоретически подготовленный член партии.

Поэтому наряду с членами контрреволюционной организации должны быть привлечены к ответственности и те члены нашей партии, которые способствовали контрреволюционной работе кондратьевцев.

Разлагающее влияние кондратьевщины выходило далеко за стены тех органов, в которых они вели непосредственную работу. Их взгляды развивались и защищались и в вузах, и в научноисследовательских институтах, и на страницах всех основных экономических журналов, где не всегда разбирались в контрреволюционной сущности этих взглядов. Все это не могло не оказывать определенного влияния на формирование правоклассистских настроений среди известной части нашей партии.

Далее кондратьевщина могла так свободно развиваться еще и потому, что было допущено искривление партийной линии в вопросе об использовании буржуазных специалистов. Я согласен с т. Милутиным, что мы должны были использовать и впредь еще будем использовать опыт и знания буржуазных специалистов в деле строительства социализма. Однако помимо этого мы должны готовить своих ученых и специалистов и постоянно выдвигать молодые коммунистические кадры на руководящие посты в госаппарат. А между тем в Наркомземе РСФСР и Наркомфине СССР в прежнее время как раз не так обстояло дело.

Возьмите напиме отношение того же. И. Теодоровича к молодым аграрникам-коммунистам, которые принимали участие в обсуждении ученых докладов специалистов Земплана. Вместо того чтобы опираться на помощь подрастающих коммунистических кадров в борьбе против сплоченного враждебного нам идеологического фронта, И. Теодорович считал своим долгом всегда блокироваться с кондратьевцами, брать их под свою защиту против коммунистов, забрасывать грязью последних перед беспартийными специалистами, защищать фактическую монополию последних на работу в Наркомземе РСФСР.

А разве среди самой контрреволюционной организации, даже среди ее руководящей головки, мало таких, которые на пороге Октябрьской революции еще представляли собою буржуазную ученую молодежь, ученая карьера которой в значительной степени сложилась уже при советской власти? Разве не мы создавали их как ученых, специалистов, предоставляя в их исключительное владение такие высшие практические школы, как Наркомзем и Наркомфин, снабжая их всеми необходимыми материальными и людскими силами, давая им научные заграничные командировки, когда только им вздумается и на сроки по их усмотрению? А кто из коммунистического ученого молодняка был за эти же годы поставлен в такие же условия в этих же наркоматах! Поэтому неудивительно, что эти наркоматы не подготовили, не вырастили за все это время ни одного специалиста-коммуниста, которые могли бы безболезненно занять места старых контрреволюционных спецов и ученых. А ведь это не случайно, это—результаты определенного перегиба в вопросе об использовании специалистов.

Эта проблема не только не потеряла своей актуальности в настоящее время, но, наоборот, каждый день заставляет задумываться над ее разрешением. Развертывание социалистического наступления по всему фронту обостряет классовую борьбу, сплачивает все контрреволюционные элементы и группы на последние отчаянные попытки борьбы с социализмом. Вредительство как одна из форм этой борьбы уже обнаружено, раскрыто чуть ли не во всех областях социалистического строительства. А с другой стороны, мы уже входим в такую полосу социалистического строительства, когда невозможным станет использование на практике специалистов-экономистов прежней капиталистической формации, ничего в марксизме не понимающих или не желающих понимать. Все это заставляет нас обращать сугубое внимание не только на подготовку своих коммунистических кадров, но и на их быстрое втягивание в работу в экономические

органы диктатуры пролетариата. То же самое надо сказать и в отношении научноисследовательских институтов по линии сельского хозяйства. Правда это будет сопряжено с некоторыми материальными потерями, некоторыми издержками, но это будут издержки по созданию своих кадров. По своим размерам они во много раз будут меньше тех колоссальных убытков, которые нам причиняет вредительство.

Между тем еще в настоящее время не мало таких коммунистов из числа руководителей учреждений и научных институтов, которые продолжают находиться под влиянием беспартийных специалистов, которые задерживают выдвижение уже наличных молодых коммунистических кадров. А это обстоятельство является одной из серьезнейших помех на пути смычки научноисследовательской работы с практическими задачами социалистического строительства сегодняшнего дня.

Поэтому, чем быстрее мы используем в этом отношении урок, данный кондратьевщиной, тем это будет лучше.

От столыпинской реакции к кондратьевской контрреволюции

(эволюция неонародников)

Выступление М. В. Сулковского

В своем выступлении я остановлюсь на мелкобуржуазном прикрытии обсуждаемой нами буржуазной теории—кондратьевщины.

В определенных условиях обострения капиталистических противоречий, когда открытые капиталистические лозунги, открытые капиталистические теории не могут встретить успеха в мелкобуржуазных массах, наступает пора расцвета мелкобуржуазных теорий, приводящих в конце концов к тому же результату, как и буржуазные теории, к апологии капиталистического способа производства.

Внешне мелкобуржуазные теории выступают как антикапиталистические теории. Они не против того, чтобы прикрыть свою сущность критикой отдельных противоречий капиталистического общества. Но, отрицая классовые противоречия, смазывая происходящую классовую борьбу, предполагая возможным осуществление утопических мелкобуржуазных идеалов в рамках капиталистического общества и отрицая ту революционную борьбу, которую ведет пролетариат против этого общества,—они по существу приспосабливаются к существующим буржуазным условиям и объективно содействуют укреплению владычества буржуазии и ослаблению классовой борьбы против нее.

Характерным типом такой мелкобуржуазной теории является неонародничество, появившееся как особое теоретическое течение в эпоху столыпинской реакции и объективно способствовавшее тем мероприятиям со стороны столыпинского правительства, которые были направлены на укрепление кулацкой части деревни, на подъем ее хозяйства в противовес массовому обнищанию основных слоев деревни.

Неонародничество имеет в качестве своего предшественника старое революционно-утопическое народничество. Но между той и другой идеологией, между той и другой теорией, существует принципиальная грань. Положительная и объективно революционная роль старого народничества заключалась в том, что именно оно оформило идеологию крестьянства как класса крепостнического общества, именно оно решительно и революционно выступало за уничтожение крепостничества в деревне, за свободу развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве. Туманная и социалистическая фразеология народничества по существу своему явилась лишь выражением прикрытой и действительно буржуазной, революционно-буржуазной сущности этого направления, борющегося за наиболее прогрессивный американский путь капиталистического развития сельского хозяйства.

Развитие капиталистических отношений в деревне, капиталистическое расслоение крестьянства, шедшее особенно бурно в конце XIX и начале XX веков, в период относительно благоприятной мировой конъюнктуры для сельского хозяйства, сильно подорвало прежнюю социальную базу старого народничества. Капиталистическое развитие сельского хозяйства происходило быстрым темпом даже в относительно неблагоприятных условиях гнета крепостничества и помещичьей кабалы в отношении широких масс крестьянства; поэтому не удивительно, что та часть крестьянства, которая и в этих неблагоприятных для буржуазного развития условиях получила возможность пойти по капиталистическому пути, стала в примиренческую позицию по отношению к помещикам-крепостникам. Пролетаризирующаяся же часть деревни чем дальше, тем все больше подпадала под идеологическое влияние пролетариата.

Отзвуком этого происшедшего социального сдвига в деревне было изменение во взглядах у тех слоев буржуазной интеллигенции, которые в большей мере были связаны с крестьянством, в том числе в первую очередь с его капиталистическими слоями,—у земских деятелей, агрономических, кооперативных работников и т. д. и т. п.

В чем состоял этот сдвиг, лучше всего рисуют самые крупные идеологи неонародничества. Так, Н. Макаров по этому поводу пишет: «В своем месте мы еще увидим, как «оплакивали» и почти хоронили крестьянское хозяйство в основной русской экономической литературе; и этот плач тоже был одним из идейных средств борьбы со старым режимом. Говорить о прогрессе было довольно трудно; разрешалось это таким экономистам, как В. В., Н. А. Каблуков и т. п., которых не могли заподозрить в защите прави-

тельства и существовавших социальных отношений; но и то Н. А. Каблуков писал, что нужно удивляться, как при таких условиях крестьянское хозяйство еще живет»¹.

В соответствии с изменением отношений капиталистически растущих слоев деревни к экономическим условиям и правительственной политике дореволюционной России, эти вопли относительно обнищания русской деревни, игравшие объективно прежде роль все-таки борьбы против царского крепостнического режима, заменялись у связанной с крестьянством интеллигенции выискиванием «прогрессивных тенденций» в крестьянском хозяйстве и всяческим подчеркиванием их при полном затушевывании вопроса о том, в каких же слоях деревни этот прогресс происходит.

Ярче всего это «новое» отношение к экономическим условиям в деревне выражается в следующих словах проф. Чайнова, сказанных им в 1914 г.:

«Наша родина переживает сейчас такое же возрождение села», какое несколько десятилетий назад пережили датские, итальянские, бельгийские и другие европейские крестьяне. Крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной и делает первые шаги к общенародному благополучию»².

В соответствии с новыми взглядами на экономические условия, господствовавшие в деревне, изменяется и старая народническая идеология. Старое народничество любило подчеркивать социалистический характер своей теории, имея в виду социализм в его утопической форме. Но в этих утопических мечтаниях революционного народничества о социализме «есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство в его трудовой части присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира»³. Так Ленин характеризовал эти прогрессивно-революционные моменты в народнических теориях, говоря о партии левых эсеров на III Съезде советов.

Неонародничество отказывается от разговоров о социализме и от всякой революционной борьбы. Помощь народу, и без того быстро идущему по пути прогресса к «общенародному благополучию», естественно должна была по их мнению заключаться прежде всего в агрономической пропаганде, в кооперативной, культурной работе, для каковой цели, чтобы помочь крестьянскому хозяйству, необходимо было изучать его внутрен-

¹ Н. Макаров, Крестьянское хозяйство и его эволюция, с. 9.

² Чайнов, Война и крестьянское хозяйство, с. 3.

³ В. И. Ленин, Собрание сочинений, т. XXII, с. 206.

ний механизм, распознавать аппарат его организации. Социальноэкономические вопросы, вопросы борьбы за изменение общественных отношений, естественно отодвигались на задний план, о них неонароднические идеологи совсем не говорили, выпячивая вперед вопросы организации производства.

Отдельные неонароднические идеологи прямо отрицали необходимость для крестьян бороться за социализм. Так, Макаров писал: «Крестьянин не живет мечтой о социализме, о разрушении современного капиталистического общества; крестьянин верит в то, что и в современном обществе он может хорошо устроиться»¹.

Но все-таки старое народничество наложило один отпечаток на теорию неонародничества. Этим отпечатком было отрицание капиталистического развития деревни. Но вместо старых идеалов о не поддающейся капиталистическому разложению крестьянской общине, идеалов, разбитых практической действительностью, был выдвинут новый оплот против капиталистического развития, а именно крестьянская семья, определяющая собою и размер производства, и количество затраченного в хозяйстве труда, и изменение в дальнейшем развитии крестьянского хозяйства. Крестьянское хозяйство как семейное хозяйство по мнению неонародников обладало своими собственными внутренними законами и жило таким образом совершенно независимой от внешних законов капиталистического общества жизнью. В этом заключалось якобы «преимущество» «крестьянского» хозяйства над крупным капиталистическим.

Наиболее образно, наиболее четко такая семейная теория крестьянского хозяйства изложена Макаровым в его книге «Как американские фермеры организовали свое хозяйство»:

«Стоит зайти в избу к русскому крестьянину, чтобы видеть, как крепко связана вся жизнь семьи с хозяйством: жена хозяина работает в избе «по дому», на дворе около скота, в поле на покосе или на жниве, а кое-где, например в Костромской, Новгородской или Ярославской губерниях, вы встретите женщину не только за бороньбой ярового поля, а даже за плугом или «косулей».

«Родятся ребята. Будет передел земли, наделят новыми земельными «душами» или паями. Подрастут ребята—сначала будут помогать таскать снопы, ворошить сено, сидеть верхом на лошади во время бороньбы; а еще подрастут—так отец-хозяин или «принаймет» (арендует) земли, или сыновья

---

¹ Макаров, Крестьянское хозяйство и его интересы, с. 13—14.

на заработки ходить начнут, если после нового передела земли не будет новой добавки земли.

«Обычно в прежнее время, пока жив отец-хозяин, семья живет дружно: растет большая семья; растет и большое хозяйство; потом сыновья поженятся; родятся внучата, ртов в семье поприбавится, а потом и рабочих рук станет больше; очень нередко такие большие крестьянские семьи были сильными, крепкими хозяйствами.

«Потом старик-отец умрет, а большая семья иногда еще долго живет не делясь; обычно есть в семье «старшак», или «большак», он заправляет хозяйством; остальные братья да племянники его слушаются; и существует иногда такое хозяйство долго.

«Но вот братья «не поладят» семьями: пойдут в семье разлады; начинается раздел, устраивается несколько новых хозяйств; каждый брат свое хозяйство заводит; каждый подбирает землю, скот и всякий инвентарь для своей семьи и каждая такая новая семья-хозяйство начинает собою такую же новую историю, какую мы только что рассказали.

«Как видим, семьей определяется хозяйство крестьянина, каждый год весной и осенью хозяин считает, сколько «ртов» в семье и сколько рабочих рук в семье. Тогда хозяин или ищет добавочной земли, арендует, берет из надела или покупает; или кто-либо из семьи уходит на посторонние заработки.

«Но в огромном большинстве случаев крестьянская семья была так сильна, что вполне сохранялась как хозяйство, несмотря на то, что по закону земель владел и распоряжался хозяин единолично.

«Выход из общества и продажа земли стали гораздо чаще и легче, но ушли из деревни, продав землю, главным образом те, кто и так уже не жил в деревне. Остальное крестьянство (и это было огромное его большинство) продолжало держаться за землю, как держались отцы и деды.

«Потом наступила революция, и русское крестьянство еще и еще раз встречает новые законы, касающиеся земли; но и в этот период русской истории семейное начало в жизни русского крестьянского хозяйства продолжает оставаться очень важным и сильным началом.

«Стариной, наследственностью, дедами и отцами пропитана была жизнь русской деревни; в этой старине выросла и сложилась крестьянская семья, которая слитно и как бы нераздельно сжилась с хозяйством; так получилось семейное крестьянское русское хозяйство»¹.

¹ Н. Макаров, Как американские фермеры организовали свое хозяйство, с. 7.

Приведенное место достаточно ярко рисует сущность новой теории в ее отношении к замазыванию идущей быстрым темпом капиталистической дифференциации деревни в годы столыпинской реакции. И вполне понятно, что, несмотря на свой внешне антикапиталистический характер, эта теория, как переносившая центр тяжести всего «крестьянского» вопроса в плоскость его внутренней организации, как нельзя больше, как нельзя лучше содействовала интересам столыпинской реакции, интересам столыпинской славки на крепкого мужика.

Совпадение интересов неонародничества со столыпинщиной становится особенно понятным, если принять во внимание, что столыпинское правительство в интересах развития капиталистических слоев деревни проводило обширные агрономические и землеустроительные мероприятия и таким образом создавало большой спрос на труд тех «интеллигентов», которые и исходили обычно из неонароднической теории.

Октябрьская революция заставила неонародничество приспособляться к советским условиям и вполне серьезно поставила перед идеологами неонародничества вопрос о возможностях использования достижений Октябрьской революции, ликвидировавшей окончательно крепостнические пережитки. И уже проф. Макаров в своей речи в Московском обществе сельского хозяйства 21/XI 1917 г. заявляет: «Если большевистский пожар несет с собой большое разрушение, то он дает, как это ни тяжело, и нечто положительное».

Это «нечто положительное» вытекало из той оценки неонародниками Октябрьской революции, что она в конце концов создаст благоприятные условия для капиталистического развития деревни.

Вся история неонародничества в советских условиях — это длинная цепь попыток приспособления и советских условий и советской политики к развитию крестьянского капиталистического хозяйства, с прикрытием этих попыток всяческим подчеркиванием некапиталистической сущности этого крестьянства и подчеркиванием всей своей преданности основным началам советской власти.

Идеалы неонародничества в отношении использования завоеваний Октябрьской революции и надежды их на перерождение советской власти довольно ярко изложены Чаяновым в его книге «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», изданной им в 1920 г. под псевдонимом «Иван Кремнев». Здесь рисуется картина перерожденной советской власти, в том случае, когда правая часть коммунистов объединяется с крестьянскими (читай кулацкими) партиями и устраивает страну в соответствии с идеалами неона-

родничества. Здесь перед нами и высоко развитое индивидуальное крестьянско-кулацкое хозяйство, объединенное в сбыто-снабженческую кооперацию, и господство ручного труда в земледелии и наконец полное насильственное уничтожение городов, с подавлением таким образом путем распыления «беспокойных» масс рабочих.

Таким образом еще в 1920 г. неонародниками рисуется картина по своему существу фашистского «крестьянского» государства с подавлением и всяческим принижением рабочего класса.

Борясь за осуществление своей программы в советских условиях, неонародничество не могло сохранить своего единства. Явные буржуазные элементы страны, теряя надежду на перерождение советской власти, объективно боролись за объединение всех антисоветских сил страны под открытыми, прямыми, капиталистическими лозунгами, более соответствующими по их мнению существующей обстановке, чем прикрывающие действительную сущность борьбы мелкобуржуазные лозунги неонародничества. По их мнению, эти лозунги имели еще смысл тогда, когда они тушили классовую борьбу против капитализма, но они, казалось бы, имели мало смысла в тот период времени, когда нужно было заострить эту классовую борьбу, но не против капитализма, а против победившего пролетариата.

Первые годы нэпа поэтому знаменуются ожесточенной критикой неонароднических теорий со стороны последовательно буржуазных экономистов. В этот период времени как раз выходят основные критические произведения против неонародничества Литошенко, Студенского, Прокоповича и др. Эта критика привела к расколу прежде единого мелкобуржуазного фронта неонародничества, к выделению из него явно буржуазной части, вполне перешедшей на платформу кондратьевщины в узком смысле этого слова.

Всего резче этот раскол выявился на известном диспуте о дифференциации, происходившем в 1927 г. Там один из ярких идеологов неонародничества, Макаров, прежде не видевший никаких перспектив для капиталистической дифференциации деревни, вполне присоединился ко взглядам Кондратьева, признав, что дифференциация происходит и что она происходит темпом несколько не меньшим, чем она происходила в дореволюционное время, что эта дифференциация является положительным явлением и что такой дифференциации не надо мешать. Одним словом, Макаров присоединился к открыто кулацкой программе Кондратьева.

Старая группа неонародничества (Чаянов, Челинцев) осталась на прежних позициях. Она правда признавала наличие

дифференциации, но всячески старалась представить ее объемы в уменьшенном виде и смазать ее перспективы в советских условиях. Для этой цели она доходила до отрицания отдельных форм дифференциации деревни, считая, что например так называемые кабальные формы дифференциации, в том числе по ее мнению и сдача в наем средств производства, не являются формами, присущими капиталистической дифференциации деревни, а представляют из себя лишь элемент отношений, ничего общего не имеющих с капитализмом и всегда присущих крестьянскому хозяйству.

Но, несмотря на это внешнее различие во взглядах, в действительности старая группа, смазывавшая капиталистическую дифференциацию, выступала на практике с теми же лозунгами, которые выдвигали непосредственно буржуазные идеологи, а именно она также поддерживала лозунг «Не мешать капиталистическому расслоению деревни», так как по ее мнению никакой действительной опасности для советской власти и для диктатуры пролетариата от этой дифференциации, в силу ее крайне ограниченных размеров и возможностей, не может быть. Поэтому не имеют никакого смысла мероприятия, направленные к ограничению кулачества, так как они при фактическом отсутствии кулачества в действительности затрагивают известную часть трудовых хозяйств.

В противовес отколовшейся группе, перешедшей на непосредственно буржуазные позиции, старая группа продолжала идти прежним путем защиты капиталистически растущих элементов деревни, путем прикрытия этой защиты формальным приспособлением—с соответствующим извращением—к лозунгам, выдвигаемым партией. Такой например формой защиты капиталистических слоев деревни был так называемый кооперативный план Чаянова, в действительности являющийся лишь незначительной вариацией кооперативного плана Бухарина и представлявший собой мелкобуржуазное прикрытие капиталистического развития верхушечной части крестьянского хозяйства под тем флагом, что она развивается по пути к социализму. Так, Чаянов начинает подчеркивать, «что кооперация по отношению к земледелию представляет собою то же, что капитализм в отношении обрабатывающей промышленности, т. е. особую народнохозяйственную систему, новую форму народнохозяйственного развития, более высокую по своей организации, чем предшествующая фаза распыленного семейного хозяйства»¹. Поэтому Чаянов

¹ Чаянов, Основные идеи и методы работы общественной агрономии, 1924, с. 23.

предлагает использовать это свойство кооперации и при советских условиях. «Единственно возможным в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации, государственного плана— это путь кооперативной коллективизации, постепенного, непосредственного отщепления отдельных отраслей от индивидуального хозяйства, организации их в повышенную форму крупных общественных предприятий»¹. При такой системе «кооперативно-организованное» крестьянство мыслилось как система специальных союзов с.-х. кооперации, ведавших каждый отдельной отраслью крестьянского хозяйства, организовавших соответственно сбыт и переработку продуктов крестьянского хозяйства. Но в центре такой системы мыслилось сохранившееся индивидуальное хозяйство, связанное через эту сложную кооперативную систему с советским государством.

Нечего говорить, что эта внешняя социалистическая форма такого кооперативного плана в действительности создавала удобное прикрытие для буржуазного перерождения с.-х. кооперации, для влияния в ней капиталистических элементов, ибо она предполагала вовлечение этого крестьянского хозяйства в государственную систему лишь через отношения товарооборота, отрицала производственную переделку крестьянского хозяйства и смазывала всякие возможности классовой борьбы в крестьянстве.

Выступая за такой кооперативный план, сохранявший индивидуальное крестьянское хозяйство, Чаянов в то же время решительно высказывался против строительства коммун и артелей, считая, что это строительство имеет мало перспектив и не может принять «того массового масштаба, на котором можно было бы строить сейчас политику концентрации с.-х. производства»².

Такова была идеология неонародничества к концу восстановительного периода.

Успехи социалистического переустройства сельского хозяйства поставили перед неонародниками вопрос о непригодности их теории в современных условиях, когда, с одной стороны, в СССР происходила массовая переделка индивидуальных крестьянских хозяйств, говорившая о предстоящем конце мелкого производства, а с другой стороны, в капиталистическом мире процесс концентрации с.-х. производства стал проходить бешеным темпом.

¹ Ч а я н о в, Организация крестьянского хозяйства, с. 210—211.

² Его же, Основные идеи и формы организации с.-х. кооперации, с. 24.

Конечно в борьбе за интересы капиталистических слоев деревни оказывались непригодными и прежнее мелкобуржуазное вооружение и всякое отстаивание неизбежности законов мелкого трудового крестьянского хозяйства. Говорить о преимуществах мелкого хозяйства и о правильности своих прежних теорий в этот период времени означало потерю всякого кредита, а следовательно и всяких перспектив успешности своей работы по отстаиванию интересов капиталистических слоев деревни.

И вот мы видим, как вожди неонародничества один за другим начинают «отказываться» от своих старых теорий, пытаясь путем отказа от них сохранить все-таки возможность прикрытой защиты слоев деревни, имеющих в своем развитии капиталистические тенденции. Они, как например, проф. Челинцев, даже договариваются до таких положений относительно своей теории: «При всей внешней видимости «политической прогрессивности» этого учения, оно имеет весьма реакционную сущность, как правильно отметила марксистская критика, особенно после Октябрьского периода»¹.

Чаянов заявляет еще резче: «Я уже имел случай в печати указать, что мои исторические прогнозы оказались ошибочными, что при том техническом перевороте, который переживает сельское хозяйство, явилось бы грубой и реакционной ошибкой отстаивать как теорию классовой кооперации, так равно и защищать необходимость существования в новых формах земледелия индивидуального сектора сельского хозяйства»².

Но, говоря такие пышные фразы о своем переходе на платформу социалистического строительства в сельском хозяйстве, неонароднические вожди и в этой своей роли выступали как открытые защитники интересов мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, развивающегося и желающего развиваться по капиталистическому пути. И в своей роли «защитников» колхозов и совхозов они попрежнему оставались идеологами капиталистического пути развития крестьянского хозяйства против социалистического пути, защищая этим самым, как всегда, интересы капиталистической верхушки.

Интересны с этой стороны некоторые выступления. Так у проф. Челинцева мы читаем: «Строить прочно колхозное движение только на крупных ассигнованиях, повышенном земельном обеспечении и постоянных льготных мероприятиях экономической политики по отношению к ним, срав-

¹ Челинцев, «Пути сельского хозяйства» № 8, 1928.

² Чаянов, Письмо в редакцию «С.-х. газеты» 12/XII 1929.

нительно с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, можно только в начальной стадии, когда центральные и местные политические органы должны произвести проверку самой идеи коллективизации сельского хозяйства и ее осуществимости в более благоприятной обстановке». И в другом месте: «Всякое исключительное положение, придаваемое колхозам, которое не может иметь массового распространения и применения для крестьянских хозяйств, не особенно желательно, так как не может быть использовано как показ и пример для этих последних»¹.

Таким образом по мнению проф. Челинцева пролетарское государство должно отказаться от всякой помощи колхозам, предоставляя индивидуальным хозяйствам полную «свободу» организовываться в колхозы и выходить из колхоза, объединять свои земли в коллективные предприятия или их разделять. Пролетарское государство по Челинцеву должно выступать лишь в роли объективного наблюдателя, и всякое сочувствие с его стороны колхозному строительству должно быть явно платоническим.

Не говоря о том, что это выступление в действительности означало выступление против колхозного строительства, оно также являлось довольно ярким выражением теории «самотека» в колхозном строительстве и отрицания всякой руководящей роли в этом строительстве со стороны пролетариата.

Подобную позицию в своих многочисленных «отказах» от тех или иных элементов старой теории занимал и проф. Чаянов. Характерным элементом его отказов является то, что он всюду резко подчеркивал, что он признает неправильными свои прежние теории только применительно к существующим условиям, что в прежних условиях они-де имели свой смысл, что они-де в той или иной форме играли тогда прогрессивную роль, защищая «крестьянство» от капитализма. Таким образом Чаянов, отказываясь от своих старых взглядов, в действительности поддерживал их. Такой форме отказа со стороны Чаянова можно приписать свой смысл и отражение действительности только в том случае, если мы примем во внимание настоящую сущность этой теории, а именно защиту ею капиталистически развивающихся слоев деревни. Неонародническая теория в свое время верой и правдой служила капиталистическим слоям деревни, но она оказалась непригодной в тот период времени, когда для всякого стала очевидной победа крупного производства в Советском Союзе над мелким. В этот период вре-

---

¹ Челинцев, «Пути сельского хозяйства», № 11, 1928.

мени старая теория оказывалась только лишним бременем, от которого нужно было скорее отказаться.

Так же, как и Челинцев, проф. Чаянов, отказываясь внешне от своих старых мелкобуржуазных теорий, попрежнему продолжал высказывать взгляды, смазывавшие сущность колхозного строительства в СССР и дававшие извращенное представление о нем в целях затушевания надобности в тех или иных мероприятиях партии в отношении руководства колхозным движением.

Так, в своей статье, помещенной в № 9 «Экономического обозрения» за 1929 г., Чаянов выдвигает свою теорию причин успехов колхозного движения у нас. Оказывается, колхозы так быстро развиваются у нас только потому, что за последнее время были изобретены и ныне широко распространяются три новых с.-х. машины: гусеничный трактор, комбайн и грузовой автомобиль. Только благодаря этим трем новым машинам происходит концентрация с.-х. производства во всем мире, в том числе и у нас. Разница заключается лишь в том, что в то время, как у нас советское государство затрачивает большие суммы денег на обобществление крестьянских хозяйств, в капиталистическом мире финансовый капитал не идет на это, предпочитая капиталистическую концентрацию и обнищание широких масс деревни. Но если финансовый капитал пошел бы на это, то и в Западной Европе вполне была бы возможна коллективизация крестьянского хозяйства.

Эта теория прежде всего смазывает всякую социальную сущность колхозного строительства и значение для него руководящей роли пролетариата. Далее, выдвигая и особенно подчеркивая роль новых машин как единственного условия возможности колхозного строительства, эта теория дает материал для правооппортунистических теорий о том, что, прежде чем строить колхозы, нужно произвести эти новые с.-х. машины, что без тракторов колхозы строить нельзя.

Нечего говорить, что эта «новая» теория Чаянова в действительности представляла лишь новую форму старой испытанной линии мелкобуржуазной защиты капиталистически развивающихся элементов крестьянства.

Такая явно буржуазная сущность многочисленных и популярных мелкобуржуазных теорий неонародников говорит о неслучайности того, что мелкобуржуазные теоретики во всех практических мероприятиях, во всех практических предложениях шли за открытыми явно буржуазными идеологами — Кондратьевым и К°. Естественно, что за этими идеологами пошли они и в своей контрреволюционной борьбе против советской власти.

Кондратьевщина на разных этапах

Выступление В. С. Муллина

Платформа кондратьевщины как в восстановительный период, так и в период реконструктивный одинаково являлась платформой капиталистической реставрации. О действительной эволюции кондратьевщины можно говорить только в том смысле, что с переходом в реконструктивный период она более энергично воспроизводила себя как контрреволюционную политическую организацию.

В основе такой эволюции лежит победоносный ход социалистического строительства, приведший к полному банкротству первоначальной установки кондратьевщины на постепенную капиталистическую эволюцию СССР и самоликвидацию диктатуры пролетариата. Чем больше рушились подобного рода надежды, тем энергичнее шла нелегальная подготовка политической организации для прямой контрреволюционной борьбы против диктатуры пролетариата.

Но на арене легальной классовой и идеологической борьбы мы наблюдали несколько иную «эволюцию», которая на первый взгляд представлялась как непрерывный ряд отступлений от платформы, защищавшейся кондратьевщиной в 1921—1922 гг. На самом же деле она представляла собой не что иное, как изменение форм защиты кулака сообразно с изменившимися политическими условиями, не что иное, как стремление повлиять на экономическую политику пролетариата в сторону выполнения программы минимум кулака на каждом данном этапе социалистического строительства в стране.

На «эволюции» платформы кондратьевщины в этом смысле (она находилась в определенном сочетании с действительной, контрреволюционной эволюцией ее) мы и хотели остановиться, опираясь на важнейшие документы, главным образом самого Кондратьева.

Именно в начале нэпа кондратьевщина открыто выступила с законченной платформой капиталистической реставрации. Тем самым она показала, какое содержание хотела вложить в новую экономическую политику.

«Вестник сельского хозяйства», тогдашний орган буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, в своем призыве к готовившемуся агрономическому съезду писал: «Признание непрерывного ряда ошибок в области экономической политики, объявление так называемой новой экономической политики достаточно отчетливо характеризует мероприятия революционной политики, а сельскохозяйственная деятельность даст нам не менее яркие образцы тех перспектив, которые открывались при следовании по путям старой экономической политики». «Совокупность этих моментов у съезда, необходимость останавливаться на перспективах и критике старой экономической политики и призывает его к установлению содержания новой экономической политики в области сельского хозяйства». «Задача эта полна невероятных трудностей ввиду полной неопределенности, невыясненности сущности этой «новой экономической политики», кроме очевидной несомненности отказа от прежнего курса»¹.

Следовательно мероприятия революционной политики, «потерпевшие крушение»,—это «непрерывный ряд ошибок», а сущность нэпа находится в состоянии «полной неопределенности и невыясненности». И конечно господа Кондратьевы взялись внести в нее определенность и ясность. На том же агрономическом съезде Кондратьев действительно развернул сущность необходимой для них экономической политики. На чрезвычайно интересном документе, показывающем, как должен был выглядеть нэп à la Кондратьев, мы остановимся ниже.

Теперь же несколько слов о другом документе того же периода, который показывает, на какой платформе сошлись буржуа Кондратьев, меньшевик Громан и народник Огановский еще в 1922 г., когда необходимо было ответить на вопрос: по какому же пути должна идти дальнейшая эволюция СССР?

Кондратьев считает, что «надо поставить точку над и», надо поставить вопрос о «развитии русских капиталистических предприятий», «надо приветствовать русский капитализм, раз мы приветствуем вхождение иностранного», «на-

¹ «Вестник сельского хозяйства», № 4—5, 1922.

до нам отстаивать свое национальное лицо и надо сказать это откровенно»¹.

Огановский в своем докладе видимо защищал несколько иную позицию, но уже в заключительном слове, как и полагается этой породе людей, целиком солидаризуется с Кондратьевым. Видите ли, «общественное отрицание», которое встретило его доклад, «построено на большом недоразумении: он говорил о концессиях в сельском хозяйстве, но существо вопроса сводится не к концессиям вообще, а к вопросу о возрождении капитализма в сельском хозяйстве». Другими словами стоит тоже целиком за возрождение капитализма.

Громан также «считает необходимым говорить в настоящее время полными словами» и в более туманной форме становится на точку зрения Кондратьева.

«За капиталистическую эволюцию» — такое был общий ответ этой тройки еще в 1922 г. на вопрос о дальнейших путях нашего развития. Поэтому вовсе не случайно, что эта же тройка впоследствии оказалась среди руководителей контрреволюционной организации.

Вернемся однако к платформе Кондратьева, как она была доложена агрономическому съезду и потом напечатана в «Вестнике сельского хозяйства» № 6—7 за 1922 г. В узком кругу, как мы видели, Кондратьев назвал вещи своими именами, поставил точку над *и*. В докладе же он дает уже развернутую программу, и хотя говорит он не такими уж «полными словами» и не так откровенно, но все же довольно внятно.

Обращаясь «к общей характеристике желательной и необходимой линии с.-х. политики России», он прежде всего задается «общей руководящей целью, которую нужно положить в основу построения политики». В качестве такой руководящей цели он не выставляет открыто требования развития капитализма, нет, а «просто» «максимальное развитие производительных сил».

«Но на какой же основе?» спросите вы: «На капиталистической, на социалистической?» — «Для меня это «не важно», ответил бы Кондратьев, как он говорил до самого последнего времени. Впрочем дальнейшее изложение программы дает на интересующий нас вопрос исчерпывающий ответ. После определения этой «внеклассовой» руководящей цели он дает «теглавнейшие принципы, на которые должна опираться современная политика».

---

¹ Протокол общего собрания МОСХ от 18/II 1922

Их всего лишь три: 1) «свобода с.-х. инициативы и деятельности», но этого недостаточно, 2) «необходимо создать твердую и ясную правовую гарантию его («просто» крестьянина—В. М.) с.-х. инициативы», ибо, «сколько бы мы ни противились, ни возражали, жизнь поведет нас к этому и заставит поставить точку над и», наконец 3) «недопустимость подрыва сельского хозяйства путем непосильных повинностей», «нужно идти по пути сокращения... некоторых отраслей государственного хозяйства». Оставим пока не доуменные вопросы, возникающие по каждому из этих «внеклассовых» основных «принципов», и перейдем к «тем основным средствам», которыми должна «пользоваться с.-х. политика для осуществления этих задач».

Важнейшие из них: 1) гражданское и торговое законодательство, с целью укрепить рыночный оборот; 2) переход от монополии внешней торговли к «обычным условиям международной торговли» и бесполошинные экспорт и импорт; 3) изменение земельного законодательства в сторону установления более прочной связи хозяина с землей, свободы и гибкости в земельном обороте, другими словами аннулирование национализации земли; 4) импорт иностранного капитала в форме кредитного торгового капитала, а производственного—только на условиях аренды («с точки зрения национального развития»); 5) и самое главное—необходимость создать соответствующие правовые условия для иностранного капитала, иначе он к нам не пойдет; 6) развитие самостоятельности населения: свободная с.-х. кооперация, в противовес покровительству ей со стороны государства

Перечисленные кондратьевские «принципы» и «средства» политики, которые он предлагал в качестве содержания нэпа, настолько полны и ясны, что вряд ли теперь есть необходимость доказать, какое развитие «производительных сил» было руководящей целью кондратьевской политики. Изложенная платформа, довольно стройная, является не только платформой быстрой капиталистической реставрации, но и программой превращения СССР в колонию международного империализма Капиталистические элементы деревни и иностранный капитализм—вот две основных опоры, на которые рассчитывал Кондратьев в своей программе капиталистической реставрации.

Такова наиболее ясная и определенная физиономия кондратьевщины, которую она показала в начале нэпа

Теперь мы должны показать «эволюцию» кондратьевщины, причем нет необходимости останавливаться на всех ее «принципах» и «средствах». Мы возьмем наиболее важные моменты из платформы Кондратьева:

1) «свобода с.-х. инициативы и самостоятельности и правовая гарантия»;

2) взаимоотношение социалистической промышленности и сельского хозяйства, вопрос об индустриализации страны;

3) национализация земли;

4) монополия внешней торговли.

1. «Свобода с.-х. инициативы и деятельности» и «правовая гарантия». Едва ли есть смысл доказывать, что этот один из важнейших принципов Кондратьева в переводе на классовый язык означает развязывание инициативы и деятельности капиталистических элементов деревни и требование прочных правовых гарантий, обеспечивающих рост этих элементов, в виде процессуального права.

В 1922 г. этот принцип у Кондратьева получил наиболее последовательную формулировку. Он писал, что «Россия— страна земледельческая, земледельческо-крестьянская. Крестьянство по самой своей природе живет частнохозяйственной инициативой и интересом», а поэтому: «Только политика, достаточно учитывающая природу и характер частнохозяйственных интересов крестьянского хозяйства, только политика, обращающая эти частнохозяйственные интересы как распыленную массовую стихию по желательному руслу, может рассчитывать на успех подъема производительных сил. Никакого другого пути объективно сейчас нет. Государство должно поэтому отказаться чертить полный план поведения отдельных крестьян как хозяйственников и затем теми или иными средствами принуждения осуществлять этот план»¹.

Если из приведенной формулировки первого принципа Кондратьева отбросить бессодержательную болтовню о «направлении массовой стихии» по «желательному руслу», то она означает требование ничем не ограниченного развязывания капиталистических элементов деревни. Но чрезвычайно важен в этой формулировке и другой момент, целиком вытекающий из первого,—это требование, чтобы пролетариат отказался от активного вмешательства в ход «эволюции крестьянского хозяйства», отказался от своей руководящей роли в социалистической реконструкции сельского хозяйства. «Государство должно отказаться чертить полный план поведения отдельных крестьян»—это и есть та самая «теория

¹ «Вестник сельского хозяйства», № 6—7, 1922.

само тека», которая усердно пропагандировалась впоследствии правыми оппортунистами в нашей партии.

Вернемся однако к развязыванию капиталистических элементов в деревне. Как далеко шел Кондратьев в этом отношении, показывают его второй «принцип» и развитие этого последнего на агрономическом съезде: «Мало предоставить хозяину свободу деятельности: необходимо создать твердую и ясную правовую гарантию» в виде «процессуального права». «И сколько бы мы ни противились, ни возражали, жизнь поведет нас к этому и заставит поставить точку над *i*»¹.

О какой «гарантии» говорил Кондратьев и точку над каким *i* он собирался поставить? На этот вопрос дал конкретный ответ кондратьевский агрономический съезд, выставив требования местных органов самоуправления в противовес местным органам диктатуры пролетариата. По этому поводу «Вестник сельского хозяйства» кричал (тот же номер): «Лозунг о создании местных органов самоуправления, прозвучавший на III Агрономическом съезде, останется звучать до тех пор, пока эти органы не возникнут и не возьмут принадлежащей им роли в судьбах русской истории». А один из соратников Кондратьева—Бруцкус завершил эту картину, открыто выставив требование буржуазно-демократической республики².

Итак первые два принципа, долженствующие защищать «свободу с.-х. инициативы», сводились к требованию неограниченного развития капиталистических элементов и в конечном счете («жизнь.. заставит поставить точку над *i*») создания буржуазного государства, гарантирующего такое развитие. Так обстояло дело в 1922 г.

Но Кондратьев оказался плохим пророком: жизнь не поставила «точку над *i*», лозунг о «самоуправлении» очень скоро перестал «звучать» (мог пискнуть только из контрреволюционного подполья), сельское хозяйство восстанавливалось без неограниченной «свободы с.-х. инициативы» и без гарантии ее. И Кондратьев «эволюционирует».

Примерно через 5 лет, т. е. к концу восстановительного периода, он еще раз возвращается к этому же своему «принципу».

Кондратьев требует: «Исправить налоговую практику в тех случаях, когда существующее обложение, благодаря резкому повышению прогрессии и формам учета доходности, ложится чрезмерно тяжелым бременем на развивающиеся слои крестьянских хозяйств и тем тормозит рост интенсивности и товарности сельского хозяйства».

¹ «Вестник сельского хозяйства», № 6—7, 1922.

² Там же.

Он не согласен с таким положением вещей, когда «вместо того, чтобы вести курс помощи бедноте, мы на практике сплошь и рядом ставим ставку на бедноту, т. е. связываем успех своей работы по развитию сельского хозяйства с потенциальными возможностями бедняцкого хозяйства».

Да и вообще Кондратьев требует борьбы «только» с «крайностями» нашей экономической политики и предостерегает нас от хозяйственно-политических опасностей. Обратите внимание на следующую выдержку из того же документа: «Крайности наших мероприятий социальной политики в деревне сводятся также к тому, что вместо борьбы с эксплуатирующими кулацкими элементами в деревне мы на практике сплошь и рядом ведем борьбу с крепнущими слоями деревни. И если первая задача имеет социальный смысл, то подмена ее на практике борьбой с крепкими развивающимися слоями деревни, со слоями хозяйств, которые только и могут быть основой товарной продукции, является хозяйственно и политически опасной».

«Фаворизируя бедноту и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни, мы не только задерживаем развитие сельского хозяйства, не только подрываем возможность индустриализации страны, но и лишаемся возможности реальную помощь оказать самой бедноте».

Можно привести и другие документы, например критику Кондратьевым первой пятилетки¹, где он в «интересах» индустриализации считает, что «нужно поощрить накопление в деревне», и его выступление по проекту «Основных начал землепользования», в котором он высказывается, что «все основные затруднения нашего хозяйственного развития... коренятся... в частности в правовых условиях существования и развития сельского хозяйства, что в нашем земельном и связанном с ним законодательстве есть страх перед существующими и несуществующими кулаками», и вопрошает: «Что же мы ставим во главу угла: развитие производительных сил или что-нибудь другое»².

Можно было бы и дальше продлить список документов самого Кондратьева и конечно кондратьевцев, но и процитированных вполне достаточно, чтобы показать степень «эволюции» интересующего нас принципа. Как видим, в этих документах прямо не говорится о неограниченной स्वा-

¹ «Плановое хозяйство», № 4, 1927

² «Основные начала землепользования и землеустройства» изд. Ком. академии, 1927, с. 9—17—180.

боду развития капиталистических элементов и о гарантии этой свободы, но существо вопроса от этого не меняется. Изменилась лишь форма защиты тех же капиталистических элементов применительно к условиям 1927 г. Ведь совершенно ясно, что требование отказа от опоры на бедноту, требование поощрения накопления развивающихся слоев деревни и призыв не обращать внимания на кулака в 1927 г. совершенно равносильны требованию возврата к капитализму.

Такова «эволюция» центрального принципа латформы, Кондратьева к 1927 г. Но он в своей эволюции пошел еще дальше. Перед лицом сплошной коллективизации и уничтожения кулака как класса было бы конечно дико повторять приведенные нами выше формы защиты кулака. В конце 1929 г. Кондратьеву ставят вопрос: возможно ли массовое строительство колхозов без усиленного наступления на кулака? Он дает следующий ответ: «Я считаю возможным проводить массовое строительство (колхозов—В. М.) даже без наступления на кулака, но процесс будет быстрее, если одновременно будет сопровождаться мерами нажима на кулака»¹. «Стройте колхозы, но оставьте в покое кулака»—такова последняя форма защиты кулака.

Вместе с тем мы видим, что правые оппортунисты лишь повторяли зады кондратьевщины.

На этом пожалуй мы можем закончить, ибо «теория» массовой коллективизации без усиленного наступления на кулака, «теория» вrastания кулака в социализм, достаточно разоблачена. Перейдем лучше к следующему принципу.

Здесь мы будем кратки, ибо в настоящем сборнике имеется по этому вопросу специальное вступление. Мы сравним только две даты: 1922 г. и 1929 г.

Вопросы взаимоотношения сельского хозяйства с промышленностью и индустриализации страны охватываются третьим из основных «принципов» Кондратьева. Он формулировался следующим образом: «Одним из отправных положений политики необходимо признать положение о недопустимости прорыва сельского хозяйства путем непосильных повинностей. Нужно идти по пути сокращения государственных расходов, сокращения некоторых отраслей государственного хозяйства, которые питаются соками сельского хозяйства, иначе мы обречены стоять на месте и даже идти назад в деле хозяйственного возрождения страны»¹.

¹ Стенограмма беседы с Кондратьевым при чистке Наркомфина в 1929.

Заметьте: этот тезис выставляется не в качестве временной меры, а как один из основных принципов.

Здесь он требует ослабления «непосильных повинностей» (для кого?) и сокращения некоторых отраслей государственного хозяйства. Вспомните теперь состояние государственной промышленности 1922 г. и сопоставьте этот тезис с требованием беспопытного импорта и экспорта, а также импорта иностранного капитала, в форме главным образом кредитного и торгового, и тогда станет ясно, что это была законченная и последовательная установка на аграризацию страны, на превращение ее в колонию международного империализма.

Нужно однако сказать, что аграризация страны в качестве генеральной линии вряд ли входила в задачу кондратьевщины. Кондратьев и тогда и впоследствии не возражал и не мог возражать против некоторой индустриализации, но капиталистической; обратное противоречило бы его руководящей цели «развития производственных сил».

Приведенная формула имела политический смысл и вытекала из необходимости быстрой реставрации капитализма. Ведь главной опорой для этого могли быть только сельское хозяйство и поддержка иностранного капитала. Кондратьев и ухватился за эти главные звенья. Чего он добивался этим своим принципом? Во-первых, решительного ослабления социалистической промышленности, а следовательно позиции пролетариата в городе. Во-вторых, решительного усиления, к тому же с помощью иностранного капитала, позиций кулака в деревне. Убивая сразу двух зайцев, Кондратьев действительно обеспечивал экономически реставрацию капитализма. Рост же капиталистической промышленности и индустриализация страны на этой основе, правда слабыми темпами, пришли бы сами собою. Правда и крестьяне тогда бы увидели, какие соки и какими способами Кондратьев начал бы из них выжимать.

Такова была платформа кондратьевщины в вопросе об индустриализации в 1922 г.

Не будем останавливаться на промежуточных звеньях «эволюции» Кондратьева по этому вопросу, а приведем его позиции в 1929 г.:

«Если не входить в детали,—говорит он,—взять общую установку, говорить об основных ставках на индустриализацию, которая изложена в этой пятилетке ярче,

чем в других местах, то против этой основной установки индустриализации, против реконструкции сельского хозяйства, против ставки на снижение цен и т. д. у меня никаких возражений нет». «Я могу подтвердить это документами.. и рассеять тот миф, созданный обо мне, что я являюсь противником индустриализации»¹.

Тут же он показывает, что в этом нет ничего удивительного:

«Я думаю,—говорит он,—что буржуазный экономист, если он толковый экономист, не может возражать против индустриализации»².

Но Кондратьев не согласен с квалификацией его как буржуазного экономиста, он говорит: «Против генеральной линии я не возражаю и не возражал нигде и никогда», но «мои выступления были всегда конкретны, они касались либо данного года, либо данного предмета, либо данной отрасли...» «Но я согласен с Бухариным, что если нет кирпичей, то строить нельзя». «Если хотите, надо равняться на узкие места». «Я бы внес поэтому формулировку: равняться на узкие места». «Если у вас имеется сосуд и в нем одна стенка ниже остальных трех, то налить больше воды, чем позволяет низкая стенка, вам не удастся по закону естествоведения»³.

И в этом пункте правые оппортунисты являются полными союзниками Кондратьева. Ведь последний тоже за генеральную линию и тоже только за «поправки» к ней.

Но разве требование снижения темпов, равенства на узкие места не означало бы срыв индустриализации и очищение путей для развития капиталистических элементов!

Кондратьев это прекрасно понимал и на всякий случай не зевал по части организации контрреволюционных сил и по части вредительства.

Но что сказать о правых оппортунистах?

Такова эволюция основных «принципов» платформы кондратьевщины.

Перейдем теперь к «эволюции» некоторых «средств» экономической политики, которые выдвигались Кондратьевым в том же 1922 г.

---

¹ Стенограмма показаний Кондратьева при чистке Наркомфина в 1929.

² Там же

³ Там же.

Вопрос об отношении буржуазных и мелкобуржуазных идеологов к национализации земли по понятным причинам имеет более длительную историю, но нет никакой необходимости излагать подробно позицию теперешних кондратьевцев в этом вопросе во время. Октябрьской революции, ограничимся лишь несколькими замечаниями. Известно, что Литошенко, один из лидеров, контрреволюционной организации Кондратьева, перед Октябрем был наиболее непримиримым защитником не только капиталистического землевладения, но и крупнопомещичьего. Нечего и говорить, что аграрную революцию он встретил с животной ненавистью. Чем только он ни квалифицировал «большевистские декреты о земле»: и «обезьяньим творчеством», и «рекордом безграмотности и тленности», и чем хотите. И конечно не отказывался и от пророчества о будущности нашего аграрного строя.

«Наш аграрный строй будет бесконечно далек,—писал он в 1918 г.,—от всякого рода социализации, но какую тяжелою ценой искупается это разочарование в социалистической фантастике»; «каждый клочок земли по несколько раз переменит своего временного «пользователя» и в конце концов на нем утвердится тот, кто сильнее, кто упорным трудом и любовью к собственности сумеет справиться со всей разрухой, принесенной революцией»¹. Не отставал в своем пророчестве от Литошенки и Чаянов. Он тоже видел в большевистских декретах о земле «ряд коренных противоречий» и предсказывал, что «грядущая за большевизмом реакция организует свою власть, которая... на осколках старого должна будет произвести настоящую земельную реформу», и что «большевистские декреты не есть ни в коем случае земельная реформа»². В том же духе высказывались Макаров и П. Маслов.

Такой оценкой и такими пророчествами встретили в удивительном единодушии господа Литошенки, Чаяновы и Масловы «большевистские декреты о земле». После окончательной победы Октября, после уроков гражданской войны, показавших, что основная масса крестьянства действительно дралась за большевистские декреты, кондратьевщина в начале нэпа не могла выступить с открытым лозунгом «Долой национализацию земли!» Была взята установка на постепенное, более длительное, аннулирование национализации земли.

Кондратьев в своей платформе не мог конечно обойти этот важнейший вопрос. В 1922 г. он на этот счет пишет:

¹ «Социализация земли», М 1918, с 44.

² I Съезд Лиги аграрных реформ, 21/XI 1917.

«В соответствии с принципами свободы хозяйственной деятельности и гарантии этой свободы, земельное законодательство, имеющее чрезвычайно глубокое значение для развития сельского хозяйства, должно быть пересмотрено в смысле установления более прочной связи хозяина с землей, в смысле большей свободы и гибкости в земельном обороте и выборе форм землепользования»¹. Как ни далека эта формулировка от того, что говорилось кондратьевцами в 1917—1918 гг., но она все же сводит на-нет национализацию земли. Хотя тезис «установления более прочной связи хозяина с землею» и является туманным, но вкупе с требованием установления «большей свободы и гибкости в земельном обороте» он довольно внятно говорит о введении в той или иной форме частной земельной собственности.

В 1926 г. в своем заключении по проекту «Основных начал землепользования и землеустройства» Кондратьев вносит следующие поправки:

1) установление института компенсации за вложенные в землю труд и материальные средства (капитал) при оставлении земли;

2) полная свобода выбора форм землепользования;

3) большая свобода арендных отношений (в соответствии с этим в ст. 9 «Основных начал», где речь идет о сдаче земли, он вносит маленькую поправочку об исключении из этой статьи слов: «при недостатке рабочих сил или инвентаря в хозяйстве сдатчика»);

4) большая свобода в найме рабочей силы.

Первая поправка проводит фуксом ту же идею более прочной связи хозяина с землею, идею возможности купли и продажи земли, тем самым обесценивая национализацию.

Вторая поправка дает простор развитию капиталистических элементов и лишает возможности использовать формы землепользования для направления развития деревни по социалистическому пути.

Последние две поправки прямо развязывают развитие кулачества.

Суть этих поправок в целом сводится все к тому же требованию приспособления земельного законодательства к развязыванию капиталистических элементов деревни, и отличаются они от соответствующей позиции 1922 г. только лишь размерами аппетита этих элементов. Но за удовлетворением их появились бы более высокие аппетиты, и следова-

---

¹ «Вестник сельского хозяйства», № 6—7, 1922

тельно в этом пункте мы могли бы повторить все то же, что говорили и относительно вышеизложенных «принципов».

По вопросу о монополии внешней торговли Кондратьев в 1922 г. выставляет следующий тезис: «От современного закрепощенного состояния мы должны в той или иной форме перейти к обычным условиям международной торговли»¹. Отказался ли Кондратьев по существу от этого своего тезиса? Конечно нет.

В 1927 г. в цитированных нами уже «тезисах» о развитии сельского хозяйства Кондратьев по вопросу о монополии внешней торговли пишет следующее:

«Необходимо значительно облегчить условия экспорта с.-х. товаров, в этих целях предоставить определенному кругу государственных, кооперативных и смешанных организаций свободу экспорта, проводя одновременно специальные ограничения, гарантирующие необходимую защиту интересов промышленности».

«Необходимо одновременно изменить политику импорта. Необходимо расширить импорт готовых изделий хозяйственного и личного, и в особенности крестьянского, употребления. В связи с этим необходимо, сохраняя монополию импорта в пределах устанавливаемого на каждый год плана, предоставить возможность импорта готовых изделий упомянутому в предыдущем пункте кругу организаций в тех пределах, в каких им удастся своим экспортом повысить намеченный план импорта».

Всякому ясно, что выставленные здесь требования являются одним из звеньев, одной из форм, последовательного уничтожения монополии внешней торговли. Требование хотя бы и ограниченной свободы экспорта, а также импорта готовых изделий, в особенности крестьянского употребления, означает ослабление социалистической промышленности, усиление капиталистических элементов в деревне, усиление связи последних с иностранным капиталом. Совершенно ясно, что эти требования по существу те же, что в 1922 г., но более урезанные применительно к интересам капиталистических элементов на данный момент.

Уже в самом конце 1928 г. Суханов выступает по этому вопросу с тезисом, в существе своем ничем не отличающимся от приведенных кондратьевских тезисов.

Всякие заботы о подъеме сельского хозяйства он считает утопией, если крестьянин «не будет на рынке получать

---

¹ «Вестник сельского хозяйства», № 6—7, 1922.

ответной единицы промтоваров». Но промышленность наша эту задачу не может выполнить и поэтому «каждый хозяин, сдавший любое количество продуктов в основной фонд, получает право сдать установленную часть этого количества в экспортный фонд и получить затем равновеликую часть заграничных товаров из эквивалентного импортного фонда»¹.

Последняя формулировка одинаково является попыткой в новых формах и в минимально для данного этапа необходимых размерах ослабить монополию внешней торговли со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эта попытка аналогична требованию Кондратьева в 1922 г.

Рассмотренные нами вопросы еще далеко не исчерпывают всей платформы кондратьевщины, и для характеристики эволюции выбранных нами основных положений этой платформы мы использовали далеко не все документы самого Кондратьева, не говоря уже о его соратниках.

Но и этих кратких данных достаточно, чтобы судить о характере и назначении так называемой «эволюции» кондратьевщины.

Чем дальше шла страна по пути социалистического строительства, чем больше изменялось соотношение классовых сил в пользу пролетариата, тем объективно скромнее должна была выступать легальная программа капиталистических элементов.

И вся «эволюция» платформы кондратьевщины есть не что иное, как изменение форм защиты кулака (и вообще капиталистических элементов), как попытка на каждой ступеньке нашего подъема потащить нас обратно на основе соответственно урезанной кулацкой программы.

В этом и заключается классовый смысл «эволюции» кондратьевщины на арене легальной борьбы. Кондратьевщина своей «эволюцией» не только не изменяла своему классу, но как раз наоборот—она показала себя наиболее последовательным и наиболее «толковым» его вождем.

Затащить нас обратно в капиталистическое болото кондратьевщине не удалось, как бы толково она ни выполняла свою миссию. Она успела сесть на соответствующее ей в системе диктатуры пролетариата место. Но это не значит, что она не принесла нам огромнейшего вреда. Не говоря уже о прямых вредительских действиях, она была тем резер-

---

¹ Стенограмма доклада Суханова в Аграрном институте Комкадемии «Об экономических предпосылках к под'ему сельского хозяйства» от 4/XII 1928.

буаром, откуда черпали в свое время некоторые свои аргументы и идейки троцкисты, куда с головой ушли правые, откуда идут некоторые теории, приобретшие было права гражданства у нас; под влиянием кондратьевщины оказались некоторые звенья государственного аппарата и т. д. и т. д.

Все эти вопросы требуют самостоятельного и серьезного освещения. Кондратьевщина разоблачена теоретически и политически, надо и дальше разоблачать все формы ее влияния и все объекты этого влияния.

О тактике кондратьевщины

Выступление Д. П. Давыдова

Крупнейшее вредительство в наших государственных органах не является новостью. Предательство специалистов, сознательное вредительство делу рабочего класса имеет уже свою довольно долгую историю. Многочисленные случаи предательства военных спецов во времена гражданской войны, шахтинское дело, вредительство в военной промышленности, вредительство на транспорте, в Союзмясе и т. д.—таков длинный ряд гнуснейших контрреволюционных актов, совершенных и совершаемых «осколками» бывшего капиталистического класса в лице антисоветской группы специалистов наших аппаратов.

Капиталист, этот когда-то «носитель прогресса», «певец» машинного производства, рационализатор хозяйства, ныне, на заре социализма, выбитый из седла социалистической революцией, подавленный пафосом гигантской социалистической стройки, превращается в свою противоположность—во вредителя, разрушителя машин и производства, в дезорганизатора хозяйственной жизни первой советской страны. Такова диалектика истории.

В чем особая опасность вновь раскрытой организации Кондратьева—Макарова—Суханова—Громана? Особая опасность этой организации заключается прежде всего в ее широте и разветвленности, в охвате некоторого слоя специалистов и большого количества советских и кооперативных органов.

Опасность далее в том, что эта организация гнездилась главным образом в руководящих планирующих и управляющих органах. Другими словами эта организация находилась в хозяйственных штабах социалистического наступления. Вредители, неправильно ориентируя партию и рабочий класс о наших хозяйственных достижениях и возможностях, пытаясь сбить нас на капиталистический путь, борясь против высоких темпов индустриализации и коллективизации, стре-

мились прежде всего к захвату таких важнейших штабов социалистического переустройства страны, как Госплан, Наркомзем, Наркомфин, ВСНХ. Большая эрудиция и «ученость» вредителей, с одной стороны, и недостаток кадров,—с другой, весьма облегчали вредителям эту задачу.

Эта же «ученость» помогла им обманывать рабочий класс, злоупотреблять доверием, которое им оказывалось, двурушничать, прикидываться друзьями, а на самом деле сознательно делать контрреволюционное дело, продаваться агентам международного капитала, брать «дальний прицел» на захват политической власти и создание буржуазно-демократической республики.

Вот почему нужно всячески разоблачать эту тактику классовых врагов, за густой красной вуалью скрывающих свою вредительскую маску.

Тов. Ужанский уже вскрыл один тактический ход вредителей, помогающий им прикрывать свои контрреволюционные деяния: это «народнохозяйственная» «точка зрения», «объективность» и «внеклассовость» в подходе к хозяйственным и политическим явлениям.

Однако эта тактика, которую можно назвать генеральной, основной, нередко заменяется вредителями еще более опасной в смысле трудностей разоблачения тактикой объявления себя друзьями социалистического переустройства, «признания» (подумаешь, какая честь!) социалистической реконструкции и даже отказа от своих прежних убеждений и объявления их ошибочными, реакционными. Этот тактический маневр характерен для последнего времени, когда успехи социалистической реконструкции промышленности и сельского хозяйства стали столь очевидными и осязательными, что выступать открыто против них стало опасно вредительствующим «беспристрастным» ученым.

Поэтому не случайно мы получили «признания» и осуждение своих прежних позиций от ряда спецов, как например Чаянова, Челинцева, а в последнее время даже от таких оголтелых контрреволюционеров, как Литошенко и Кондратьев. Мы остановимся на одном из главарей вредительства Макарове, который кажется дольше всех не признавал социалистической реконструкции, во всяком случае не выступал печатно с отказом от своих прежних точек зрения. Это запоздание однако не помешало ему пойти даже дальше других. Известно ли, что Макаров считал себя «дейным» «советским» работником? Однако—это так. «Как я смотрел на свою работу в Земплане?—говорил Макаров на чистке в Наркомземе.—На свою работу в Земплане я смотрел как на работу государственно-общественную. Поэтому свои лич-

ные взгляды я всегда ставил на задний план». Послушаем дальше: «Так было и при составлении нового перспективного плана... Думаю, что я всегда был достаточно дисциплинированным общественным работником, который умеет свои личные взгляды подчинить требованиям общества. В этом смысле основной моей задачей всегда было и в настоящее время есть помощь реконструкции». Так двуличничал Макаров, будучи прямым вредителем в Земплане, протаскивая в пятилетку сельского хозяйства линию на преуменьшение возможностей подъема урожайности, на преуменьшение роста коллективизации, протаскивая линию минималистских темпов роста сельского хозяйства в целом, с одной стороны, а с другой,—пытаясь навязать нам курс на кулака, курс на реставрацию капитализма в СССР, начиная с деревенского сектора. Такова «всегда была и в настоящее время есть» макаровская «помощь» реконструкции. Макаров «согласен идти на реконструкцию общества, на постройку планового народного хозяйства». «Для участия в этом строительстве,—говорит этот ученый слизняк,—у меня никаких задержек и препятствий нет. Та социальная реконструкция, которая проводится, она мне по душе».

Это говорилось за 2-3 месяца до ареста, в связи с которым выяснилась вся подлая роль Макарова в Наркомземе.

Каков классовый смысл этих выступлений Макарова? Смысл этих выступлений в затушевывании своей подлинной роли и своего подлинного лица. Эти выступления были дымовой завесой, которой густо прикрывалась контрреволюция, готовя тот или иной удар.

Социальной базой кондратьевщины внутри страны являются кулачество и нэпманство. Казалось бы на отношении к кулачеству можно было больше всего вскрыть подлинное лицо Макаровых, Кондратьевых и им подобных. В самом деле: Кондратьев, выступая на чистке в Наркомфине и «одобрив» курс на социалистическую переделку деревни, в то же время считает, что эту переделку можно вести и без наступления на кулака. Перестраивайте деревню, но... не трогайте кулака—таков лозунг Кондратьева. Однако Макаров более «гибок», более тренирован по части двурушничества. Он знает, что после разгрома правых и разоблачения их лозунга «мирного вращивания кулака в социализм» такие кондратьевские заявления уже недостаточны. Никто не поверит в возможность социалистического строительства в деревне без наступления на кулачество вплоть до его ликвидации как класса. Поэтому он больший «революционер», чем даже глава вредителей—Кондратьев. Макаров заявляет:

«Я считаю, что задача обобществления сводится к обобществлению накопления, обобществленному распределению, для того, чтобы форсировать развитие производительных сил. Кулак остается вне этой линии поступательного движения, так что он не нужен и может быть вырван».

Так говорит идеолог кулачества, один из вождей кулачества, в переплете истории оказавшийся «консультантом» и активным деятелем земельно-плановых органов. Приведу цитату, свидетельствующую об исключительном двурушничестве Макарова. Он сказал: «Два года тому назад я предупреждал и совершенно открыто говорил, что наступать не следует, потому что нам нужна товарная продукция этих групп (кулаков). Сейчас же вопрос совершенно изменился. Никакой товарной продукции от них нет. От них есть только социально-политическое беспокойство. И поэтому надо завершить процесс обобществленного строительства». Тактический смысл этого выступления совершенно ясен. На словах признать всю юшибочность своих убеждений, выступить против кулака, выступить за искоренение своей собственной социальной базы, для того, чтобы на деле отвести глаза от вредительских дел, войти в еще большее доверие, а значит глубже и больше ужалить. Привычка лгать стала привычкой жизни этих ученых, стала специальностью таких спецов.

Однако даже в этой «революционной» речи Макаров не смог скрыть своего кулацкого лица. «Между прочим» он заявил: «Индивидуальное хозяйство предприимчивей, быстрее находит пути к технической перестройке», чем коллективное, социалистическое. Это после того, как он «революционно» высказался за ликвидацию кулаков и за построение совхозов и колхозов. Сразу видно, что человеку «по душе» социальная реконструкция, которая нами проводится! Стоит ли «государственно-общественному работнику», «стороннику» коллективизации и ликвидации кулачества как класса, то, бишь, этому вредителю, напоминать о том, что трактор, комбайн и молотилка типа, скажем, «Румели» совершенно недоступна такому индивидуальному хозяйству, что даже жнейки, косилки и т. п. инвентарь могут применяться индивидуальными хозяйствами весьма не эффективно, что наконец так называемая «частная техника», как лошади, плуги, использовалась уже в этом году коллективными хозяйствами на 30—40—50% производительней, чем единоличниками. Мы не говорим также о применении рядовых посевов, об употреблении улучшенных сортовых семян,

протравливаний и пр. и пр., что в массовом масштабе доступно лишь для колхозов и совхозов. Этого мало: в той же речи, опять-таки «между прочим», Макаров на вопрос о сравнительной оценке капиталистического заграничного фермерского хозяйства и нашего социалистического, т. е. колхозов и совхозов, заявил: «Я считаю, что нам еще рано с ними конкурировать (это—с капиталистами, которых мы хотим догнать и перегнать—Д. Д.), потому что у нас нет навыков, подготовленных кадров, потом (слушайте, слушайте!) мы не проработали вопроса до конца о стимуляции (!) и предприимчивости (!) в условиях обобществленного хозяйства».

Одним словом: куда вам, чумазым, конкурировать с просвещенной Европой и архипередовой Америкой, у вас и навыков нет, и кадров нет, да и не знаете, как стимулировать производительность труда, как поднять дух предприимчивости, в то время как на стороне капитализма—опыт, сильнейшие кадры, «дух предприимчивости», «стимуляция» и т. д. «Сторонник» и «помощник» социалистической реконструкции вредитель Макаров «забыл», что по крупности с.-х. производства мы уже побили не только Европу, но и прославленную Америку, что по использованию крупного инвентаря и тракторов мы уже побили Америку (300—400 часов использования трактора в Америке и 1500—2000 часов у нас!), что по темпам развития мы также уже побили Америку (несмотря на наличие миллиона тракторов, всего 4 млн. га прироста посевных площадей в Америке за 10 лет; при сравнительно слабой технике 12 млн. га прироста посевных площадей по одним только колхозам у нас за 1 год). Словом мы, к досаде вредителей и несмотря на их помехи, догоняем и кое-где уже перегоняем капитализм. Вместо любезного Макарову «духа» предприимчивости и конкуренции, у нас широкой волной разлилось социалистическое соревнование миллионов рабочих, колхозников, бедноты и середняков. Вместо «хозяйского глаза» у нас—самокритика, «глаз» миллионов трудящихся, у нас—ударничество, советские бригады, общественный буксир, встречный промфинплан и встречный колхозный план. Рост материального благосостояния и духовной культуры трудящихся, в первую очередь рабочих и колхозников,—вот наша стимуляция, несравненно более мощная, чем погоня за прибылью и конкурентная борьба капиталистов.

Наконец на нашей стороне плановое хозяйство, освобождающее нас от необходимости периодически переживать хозяйственную лихорадку—промышленные кризисы и т. д. и т. п.

Что касается кадров, то они у нас растут гигантскими шагами. Рабочий класс и колхозники выделяют из своей среды огромное количество талантливых хозяйственников, ученых, администраторов, одним словом специалистов, которые быстро заменяют специалистов-вредителей.

Всего этого Макаров не хочет видеть, не хочет знать, ибо он—за капитализм, ибо он—слуга капитализма, его агент.

И посмотрите, какое нахальство: Макаров считает, что собственно нет принципиальной разницы между тем, что он говорил раньше и повторил «между прочим» в речи, и тем, что он объявляет себя ныне «сторонником» реконструкции. Вот—пожалуйста: «Тут принципиальных расхождений совершенно нет,—разглагольствует Макаров,—есть другое. Разные люди с разными скоростями переживают и изменяют свои взгляды. Так как объекты очень большие и я привык к академическим методам работы, то, следовательно, и скорость другая». Согласно этой, извините за выражение, «философии» Макаров активно защищал капитализм, готовил анти-советский переворот. Присмотрел себе портфель министра, а на досуге от своей вредительской деятельности «академически», не торопясь, «переживал и изменял свои взгляды». Да и что требовать—«объекты очень большие», а времени от контрреволюционной работы оставалось мало.

Вот вам и еще одна иллюстрация новой вредительской тактики.

Однако подлинный смысл всех этих «революционных» речей будет полностью понят лишь, когда мы покажем, как Кондратьевцы думали проводить реконструкцию сельского хозяйства, сторонниками которой они себя объявили.

Прежде всего вопрос о темпах коллективизации. Макаров, Чаянов, Кондратьев и другие были теми, кто яростно сопротивлялся курсу на коллективизацию деревни, кто всячески тормозил развитие коллективизации, кто выступал против высоких темпов коллективизации, объявляя ее утопией, осуществимой по крайней мере лет через 600. Но раз уже коллективизация охватила миллионы дворов, раз образовались сплошные колхозные массивы, раз невозможно стало вести открытую борьбу против колхозов, то можно попробовать другую тактику. Опять начинаются признания: «Должен сказать,—заявляет Макаров,—что два года тому назад я не верил в такие темпы. Когда мы перешли на другие темпы, которые есть сейчас, то я один из первых пришел месяца два тому назад (речь относится к декабрю 1929 г.—Д. Д.) и сказал—надо принять какие-то меры, чтобы темп обобществления был почти доведен до 100% теперь же, потому что процесс обобществления есть спо-

соб удержат производительные силы сельского хозяйства на определенном уровне и стимулировать дальнейшее развитие. Я сказал, что просрочка в этом отношении будет глубоко отрицательной». Какие же нужно принять меры для коллективизации «на 100% теперь же»? Какие же методы обобществления рекомендуют кондратьевцы?

Макаров выдвигает весьма простой, но радикальный метод — национализацию мелкого производства. Другой кондратьевец, сам сладчайший Чаянов, которому для того, чтобы стать Наполеоном, нехватило лишь ума, рекомендовал также не менее радикальный способ — военной силой загнать крестьян в колхозы. На одном из собраний семинаров НИОСХЭ он в качестве доказательства этого «тезиса» приводил исторические примеры того, как небольшая, крепко сплоченная армия подчиняла себе или разбивала на голову большие, но слабо спаянные рыхлые армии противников. «Почему бы и вам, коммунистам, т. е. небольшой, но крепко сплоченной армии, военной силой не загнать крестьян в колхозы», рассуждал Чаянов.

Ленинизм тщательно разработал целую систему методов коллективизации. Сюда относятся непереносимая добровольность объединения в колхозы, показ крестьянам на примерах и образцах всего преимущества крупного коллективного хозяйства, понятность крестьянам той или другой формы колхозов, различные темпы коллективизации в зависимости от подготовленности того или другого района, той или иной национальности, активная финансовая и экономическая поддержка, оказываемая колхозам государственной властью, помощь кадрами организаторов и руководителей и т. д.

Наряду со всеми этими методами ленинизм категорически запрещает насилие, командование, насильственный загон крестьян в колхозы. Буржуазия запугивает крестьян, распространяя слухи о том, что коммунисты, выступающие против частной собственности и выдвигающие национализацию фабрик, заводов, земли, транспорта, банков и т. п., постараются отнять у крестьян и их средства производства, экспроприировать их, национализировать мелкое производство так же, как и крупное.

Буржуазии не раз удавалось запугать мелкого собственника якобы грозящими ему от коммунизма бедами. Поэтому марксизм-ленинизм не раз совершенно определенно высказывался против национализации мелкого производства. Энгельс в брошюре «Крестьянский вопрос в Германии и во Франции» прямо заявляет: «Очевидно, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприировать мелких крестьян (с вознаграждением или нет—

это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую форму, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели». Ленин не раз возвращался к этому указанию Энгельса, развивая которое он и сформулировал целый комплекс методов коллективизации. Ленин категорически выступал против национализации мелкого производства, считая эту меру авантюристической, восстанавливающей бедноту и середняков против пролетариата. Указания Ленина и Энгельса нашли свое отражение также в постановлениях партии и в программе Коммунистического интернационала и в статьях т. Сталина и решениях XVI партсъезда. Последний нарушения ленинских методов коллективизации прямо объявил «тягчайшим преступлением против диктатуры пролетариата».

Так вот эту меру—национализацию мелкого производства, загон крестьян в колхозы военной силой, огосударствление колхозов, экспроприацию бедноты и середняка—вредители и выставили в качестве метода «коллективизации на 100% теперь же». Если вспомните, что летом и зимой прошлого года имели место ошибки и извращения в тактике коллективизации, заключавшиеся в «применении мер принуждения и насилия в отношении середняков и бедняков при построении колхозов; в обобществлении у членов артелей мелкого скота и коров, имеющих потребительское значение; в перенесении на незерновые районы темпов коллективизации, оправдавших себя на опыте и предусмотренных решениями ЦК только в отношении зерновых районов; в скороспелом создании коммун без соответствующей материальной и организационной подготовки; в создании под видом «гигантов» безжизненно бюрократических организаций, построенных на началах командования; в задержке предназначенных правительством для колхозов кредитов и лишении колхозников предоставленных правительством льгот; в грубом администрировании по отношению к колхозам и колхозникам и замене выборности назначенством, командованием сверху; в затирании середняка и неиспользовании его хозяйственного опыта; в перенесении на середняка мер борьбы, направленных против кулака («раскулачивание», «лишение избирательных прав» и т. п.)» (из резолюции XVI партсъезда),—то делаются совершенно понятными вредительские лозунги о «коллективизации на 100% теперь же», о национализации мелкого производства, о применении военных мер в коллективизации деревни. Если в качестве генераль-

ной стратегии у вредителей была ставка на правых в нашей партии, то в качестве сезонной тактики вредители пытались опереться и на троцкистские вагибы в отношении коллективизации, на головоуляпов и леваков. Сбить на авантюризм в таком важнейшем элементе реконструкции страны, каким является коллективизация, стащить на путь прожектерства, сбить на головоуляпство, поссорить рабочий класс с середняком, разжечь пламя гражданской войны—вот ради чего посыпались «признания» со стороны вредителей, вот почему Макаров взялся «помогать реконструкции».

Классовая, политическая, цель этой тактики состояла в том, чтобы, опираясь на леваков и головоуляпов, путем подмены коллективизации национализацией мелкого производства восстановить все крестьянство против советской власти, создать крепкий союз середняка с кулаком, вывести кулака из огня, прекратить ликвидацию кулачества как класса и тем самым сохранить резервы мирового капитала, сохранить свою социальноэкономическую базу. Одним словом руками самих же коммунистов сорвать дело коллективизации и на плечах восставших крестьян подняться к власти—вот сокровенная суть новой вредительской тактики.

В заключение—немного о корнях кондратьевщины. Несомненно, что социальноэкономической почвой, на которой расцвело вредительство, является умирающий, заживо гниющий, но все еще достаточно сильный мировой капитал. Мировой империализм является злейшим, смертельным врагом СССР. Вот почему всякое сколько-нибудь крупное вредительство непременно опирается на мировой капитализм как на свою идейную и материальную базу. Немудрено, что и кондратьевщина, черпая деньги из толстого кошелька финансовых тузов империализма, также являлась агентом мирового капитала, агентом, которому была поручена организация свержения советской власти изнутри и приготовления условий военного нападения на СССР.

Внутри же СССР кондратьевщина ставила ставку на кулака, этого «чумазого столыпинского протезе», который является носителем капиталистических отношений в СССР. Интересы кулака, интересы капиталистических элементов деревни и города—вот что воодушевляло кондратьевщину и составляло ее идейное и социальное содержание. Не случайно поэтому историческое совпадение ликвидации кулачества как класса и ликвидации политической организации, которая являлась вождем кулачества,—кондратьевщины.

Социальной базой кондратьевщины являлся и тот слой антисоветских спецов, который представляет собою осколки капиталистического класса бывшей России. Этот слой и поделил из себя личный состав кондратьевской организации.

Немалое содействие кондратьевщине оказывал и тот бюрократизм, который все еще пропитывает поры нашего аппарата.

Однако отметить только это—было бы далеко не достаточно. Если социальные корни кондратьевщины гнездятся в мировом капитализме, в кулачестве, в антисоветском слое спецов, то все же формы кондратьевщины, та наглость, развязность, которыми характерна эта организация, и факт отнюдь не позднего открытия самой организации не могут конечно быть объяснены, исходя лишь из указанной социально-экономической базы. Многое несомненно зависело и от других причин. На первый план здесь мы должны поставить наличие внутри ВКП(б) правого уклона, представители которого в продолжение нескольких лет вели активную борьбу против генеральной линии партии. Тов. Милютин уже отметил тождество лозунгов правых и кондратьевщины. Задержка индустриализации, снижение темпов коллективизации, защита кулака, курс на развязывание капиталистических тенденций сельского хозяйства, теория деградации сельского хозяйства, равнение на узкие места, теория военно-феодалной эксплуатации—все это целиком, иногда даже в формулировках и аргументации, совпадает с лозунгами кондратьевщины.

Развивая бешеную борьбу с партией, правые тем самым питали надежду кондратьевцев на победу контрреволюции в нашей стране, правые легализовали в партии и стране лозунги Кондратьевых, Макаровых и других, правые были рупором кондратьевщины. Это не могло не окрылить вредителей, не могло не развязывать их деятельности. Таким образом несомненно, что правые несут большую политическую ответственность за кондратьевщину, которую удалось вскрыть нашим органам ОГПУ.

Далее кондратьевщина еще раз сигнализирует слабость коммунистического влияния в наших аппаратах. Наличие кондратьевщины прямо указывает, что у отдельных звеньев нашего аппарата и отдельных руководителей советских учреждений недостаточно классовой бдительности, классовой чуткости.

Только укрепление коммунистической прослойки аппаратов, вовлечение рабочих в аппараты и смелое «освежение» ряда руководящих советских органов создадут твердую гарантию против повторения кондратьевщины,

Большое значение имело и наличие в наших аппаратах довольно значительного слоя специалистов типа так называемых «нейтральных». Среди них слой бывших царских чиновников, бывших специалистов капиталистических предприятий и учреждений—так называемые «старые специалисты», перешедшие к нам после революции—близко соприкасается с вредительскими организациями, часто бывает осведомлен о наличии вредительских организаций и еще чаще бывает знаком с теми или другими конкретными вредительскими актами.

Ссылаясь на свою личную «честность», «нейтральные» специалисты как правило не борются с вредительством, не разоблачают вредителей, а остаются в стороне. Перед этой группой со всей пролетарской четкостью нужно поставить в упор вопрос о недопустимости в дальнейшем такого беспринципного «нейтралитета». Нужно этим специалистам прямо сказать, что в данный момент острой классовой борьбы простой личной лояльности недостаточно, а нужны преданность делу рабочего класса и активная борьба с вредительством. Соккрытие вредительства по мотивам «гуманности», корпоративной или дружеской близости уже пора рассматривать как пособничество вредительству, как пассивное вредительство.

В связи со всем этим на аграрников-марксистов СССР возлагаются следующие ответственные задачи: разоблачение контрреволюционной сущности вредительства, борьба с «нейтральными», своевременная предупредительная борьба против всех идеологий, на основе которых может возникнуть вредительство, и наконец активная подготовка кадров из среды рабочего класса, которые окончательно покончат с вредительством, заняв важнейшие участки работы наших органов.

Кондратьевщина в Белоруссии

Выступление П. И. Пинчука (БССР)

Тов. Милиутин в своем докладе и товарищи, выступавшие после Милиутина в прениях, вскрыли контрреволюционную программу кондратьевщины в аграрных вопросах и в вопросах развития всего народного хозяйства. Я постараюсь хотя бы вкратце показать, как кондратьевщина нашла свое отображение в Белоруссии, как она нашла свое отображение в так называемом белорусском национал-демократизме.

Пожалуй можно сказать безошибочно, что нигде кондратьевщина не нашла такой благоприятной почвы для своего развития, как в Белоруссии. Контрреволюционный белорусский национал-демократизм был связан с кондратьевщиной не только идеологически, он был связан с нею, как это ныне устанавливается, и организационно. Контрреволюционный белорусский национал-демократизм был в то же время связан и с польским фашизмом. Таким образом белорусский национал-демократизм являлся мостом между польским фашизмом и фашизмом типа кондратьевщины. Программа белорусского национал-демократизма, как и программа кондратьевщины, являлась программой буржуазной реставрации, с установкой на развитие сельского хозяйства и всего народного хозяйства по капиталистическому пути. Эта программа национал-демократов в Белоруссии выявилась еще в период перехода к нэпу. Один из важнейших лидеров белорусского национал-демократизма Горецкий уже в 1922 г., т. е. еще в то время, когда он состоял студентом бывшей Петровской, а ныне Тимирязевской с.-х. академии и когда он организовал там контрреволюционную националистическую организацию (так называемую «Белорусскую ассоциацию»), указывал, что та работа, которая проводится «Ассоциацией» среди своих членов, «будит надежду и уверенность в возможности превращения бедной болотисто-грустной Белоруссии в новую Данию» (журнал «Новая Петровка»).

Вот установка, которая была уже в 1922 г. у национал-демократов,—установка на превращение советской Белоруссии в новую Данию, в капиталистическую Данию. Эта установка красной нитью проходит во всех работах национал-демократов, вплоть до последнего времени.

Особую активность белорусский национал-демократизм, как и кондратьевщина, начал проявлять в период реконструкции народного хозяйства всего СССР, а следовательно и Белоруссии. В этот период он открыто уже атакует генеральную линию партии на социалистическое переустройство сельского хозяйства; он применяет тот же метод, о котором здесь говорили, т. е. метод дискредитации социалистических форм сельского хозяйства. Мне уже приходилось на конференции аграрников-марксистов приводить цитаты, которые говорят о том, как национал-демократы стремились атаковать наше социалистическое строительство и как они старались дискредитировать социалистические формы сельского хозяйства. Так, уже в «Материалах к пятилетнему перспективному плану народного хозяйства БССР на 1927/28—1931/32 гг.» имеются установки национал-демократов на то, что «особых перспектив на значительное увеличение площади колхозов и совхозов не может быть...», что «продуктивность их (совхозов и колхозов—П. П.) даже несколько ниже продуктивности земель трудового (читай: кулацкого—П. П.) землепользования», что «совхозы и колхозы не приобретут в течение предстоящего пятилетия особого значения как фактор непосредственного обобществления сельского хозяйства». Умалая роль социалистических форм сельского хозяйства—совхозов и колхозов, представители национал-демократизма открыто восхваляли капиталистические формы развития сельского хозяйства. Так, один национал-демократ, ученик школы Кондратьева, Жданович в своей исследовательской работе, которая издана Научноисследовательским институтом имени Ленина уже в 1929 г., писал: «Из обследованных хозяйств на первом месте в организационно-производственных отношениях стоят хозяйства с хуторским землепользованием... Следовательно в некотором смысле они показывают направление, по которому должны идти другие хозяйства в своих организационных производственных формах».

Вот та установка, которая давалась представителями национал-демократизма по вопросу о развитии сельского хозяйства Белоруссии через хутора. Этот открытый кондратьевец в смысле откровенности пошел в своих установках дальше своего учителя, уподобляя нашу советскую систему обычной капиталистической системе. Он говорит, что «власть денег

и рынка здесь (в Слуцком районе—П. П.) нисколько не меньше, чем в других сферах капиталистического мира».

Он нашу плановую советскую систему ставит даже ниже капиталистической системы, указывая на преимущества капиталистической системы перед советской плановой системой. Он говорит, что «в условиях планового хозяйствования построить прогноз еще тяжелее и рискованнее, чем в условиях хозяйства, которое стихийно развивается».

Таким образом, если Кондратьев по своей осторожности говорил о необходимости при планировании соотношения между предвидением и директивами, то ученик его Жданович открыто заявляет о том, что единственным способом построения хозяйственной системы является прогноз, причем в условиях планового хозяйствования прогноз установить гораздо труднее, чем в условиях хозяйства, стихийно развивающегося, т. е. хозяйства капиталистического.

Надо сказать, что помимо этого буржуазного кулацкого течения, которое мы имеем в виде открытой кондратьевщины, мы имели в Белоруссии течение и другого типа—Чаянова, Челинцева, течение, которое являлось как бы представителем защиты трудового землепользования, по существу являясь кулацким течением.

Представителем этого течения в белорусской национал-демократии являлся Кисляков, который развитию сельского хозяйства через колхозы и совхозы противопоставлял развитие индивидуального зажиточного хозяйства через мелкие поселки (пятидворки), причем он утверждал, что эта форма «социально и технически отвечает задаче реконструкции сельского хозяйства». Он говорил, что «все технически и экономически прогрессивное находит свое выявление в поселках от 75 до 200 га» и что «посев картофеля дальше 1,5 км становится нерациональным». Таким образом он представляет развитие индивидуального зажиточного хозяйства через мелкие поселки. Это опять-таки является одним из приемов тактики национал-демократов: поскольку хутора не пользовались популярностью среди бедняцких и середняцких масс деревни, поскольку со стороны партии была дана установка на то, чтобы ограничивать эту форму землепользования, Кисляков начал защищать якобы другую форму землепользования, а по существу те же хутора, т. е. мелкие поселки, доказывая, что только через мелкие поселки возможно прогрессивное развитие сельского хозяйства.

Надо сказать, что контрреволюционная аграрная программа национал-демократизма нашла свое отражение в практике правого оппортунизма в Белоруссии. Примером такого отражения является так называемая «прищеповщина», по

имени бывшего народного комиссара земледелия в Белоруссии Прищепова, который достаточно хорошо усвоил теорию национал-демократов и который эту теорию проходил, а практике. Следуя кулаческой теории Кислякова, что только мелкие поселки являются прогрессивной формой землепользования, Прищепов уже тогда давал земельным органам секретные директивы такого характера: «Категорически воспрещается организация крупных поселков, не дающих в наших условиях никакого хозяйственного эффекта, и предлагается проводить устройство мелких поселков».

Вот та практика, которая осуществлялась Наркомземом Белоруссии во время руководства Прищепова. Здесь имеется полная органическая связь между теорией национал-демократов и практическим осуществлением этой теории национал-оппортунистами.

Чем же объясняется то обстоятельство, что контрреволюционный белорусский национал-демократизм имел даже больший успех в своем развитии, чем кондратьевщина в центре СССР? Это объясняется тем, что мы имели в Белоруссии до последнего года совершенно слабые марксистские силы. Это объясняется отчасти тем доверием, которым пользовались национал-демократы в земельных плановых и научно-исследовательских учреждениях, где они имели своих агентов.

Уже в начале 1929 г. партия самым решительным образом ударила по контрреволюционному национал-демократизму и в первую очередь по его кулацкой агентуре—национал-оппортунизму. Успех борьбы с национал-демократизмом объясняется в первую очередь тем, что эта контрреволюционная организация опиралась исключительно только на шовинистически настроенные кулацкие верхи интеллигенции и специалистов и кулачества деревни. Среди рабочих, бедняков и середняков деревни национал-демократы никакой поддержки не имели. В последнее время белорусский национал-демократизм потерпел разгром.

Но конечно успокоиться на том, что уже окончательно ликвидирован контрреволюционный национал-демократизм, как и кондратьевщина, не приходится. Поэтому задачами наших марксистских сил, задачами наших марксистских обществ аграрников, особенно в Белоруссии, являются дальнейшее разоблачение контрреволюционной сущности национал-демократизма, разоблачение его контрреволюционной программы в аграрных вопросах, полный идеологический разгром этого течения и одновременно усиление работы по коллективизации, усиление работы по социалистической реконструкции сельского хозяйства.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр</i>
От Аграрного института	3
Контрреволюционное вредительство в сельском хозяйстве — (Доклад В. П. М и л ю т и н а)	5
Теоретические основы тактики кондратьевщины — (Выступление С. Г. У ж а н с к о г о)	24
Кондратьевщина в вопросах социалистического строительства — (Вы- ступление А. С. Б о н д а р е н к о)	39
Кондратьевщина и правый уклон — (Выступление И. Д. Л а п т е в а) .	48
Кондратьевцы и правые в вопросах индустриализации страны — (Выступление Я. П. Н и к у л и х и н а)	62
Вопросы плана и рынка по Кондратьеву — (Выступление Я. К. Б е р з- т ы с а)	77
От столыпинской реакции к кондратьевской контрреволюции (эволю- ция неонародничества) — (Выступление М. В. С у л к о в с к о г о) .	85
Кондратьевщина на разных этапах — (Выступление В. С. М у л л и н а)	98
Тактика кондратьевщины — (Выступление Д. П. Д а в ы д о в а) . . .	113
Кондратьевщина в Белоруссии — (Выступление П. И. П и н ч у к а) . .	124